

ISSN 2305-3437

АРХЕОЛОГИЯ

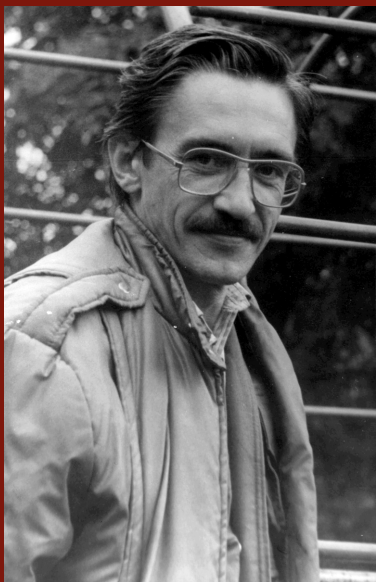
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Выпуск 18

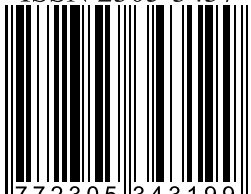

САРАТОВ 2022

«...Все на историческом факультете знали, что ученик В.И.Каца весьма перспективен, хотя приглашения в аспирантуру С.Ю.Монахов не получил, тогда зелёный свет чаще зажигался для выпускников кафедры истории КПСС».

ISSN 2305-3437

9 772305 343199 >

Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky

ARCHAEOLOGY
OF THE EAST EUROPEAN
STEPPE

Number 18

Saratov, 2022

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 18

Саратов, 2022

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

А87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. /
Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2022. Вып. 18. – 240 с. Илл.
ISSN 2305-3437

Кафедрой истории и России и археологии Саратовского государственного университета подготовлен очередной выпуск межвузовского сборника научных статей «Археология Восточно-Европейской степи».

Выпуск посвящен 70-летию юбилею известного российского учёного-антиковеда Сергея Юрьевича Монахова, доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории древнего мира, руководителя Института археологии и культурного наследия СГУ.

В сборнике представлены работы авторов Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Вольска, Саратова, Балашова по проблемам эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья, а также теории археологии. Рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, палеоэкономики, развития социоструктур древних обществ, значительное внимание уделено публикациям новых материалов из раскопок, а также инновационным методам полевых исследований на территории степной Евразии.

Издание рекомендуется специалистам-археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей.

Рецензенты

Ю.Ю. Пиотровский – с.н.с. отд. археологии Восточной Европы
и Сибири Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург
В.И. Мельник – к.и.н., с.н.с. отд. бронз. века ИА РАН, г. Москва

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Мальшев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор),
ст.науч.сотр. ИИМК РАН В.С. Бочкарев (С.-Петербург).

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(издательский план 2021 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Малов Н. М., Корневский С. Н.
и др. авторы, 2022

К 70-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА МОНАХОВА

Нашему другу и коллеге по службе в Саратовском государственном университете профессору Сергею Юрьевичу Монахову 70 лет. Мы профессиональные археологи, поэтому близки по мироощущению и восприятию жизни. Нас сблизил полвека общения в стенах нашего замечательного ВУЗа, работа в экспедициях, а также археологическая наука, наполнившая наши судьбы великим смыслом. С.Ю. Монахов – профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия СГУ – личность широко известная не только в Саратове и России, но и в мировом научном пространстве. Это действительно так, поскольку ему принадлежит заслуга создания в Саратовской и Российской археологии уникальной школы античного амфороведения, и на его авторские методики ориентируются все авторитетные научные центры и крупнейшие антиковеды современной археологии. Теперь это объективная реальность, а начиналось всё довольно прозаично, как у большинства специалистов нашего круга, с детского интереса, с книг, с упорного желания стать археологом, с проб и ошибок, сомнений и первых удач. В студенческой юности большое влияние на худенького очкарика оказал один из его учителей Владимир Иванович Кац, известный специалист по амфорным клеймам. Тогда, в конце 60-х, к окончанию университета, для Сергея Монахова в целом сложилось основное направление в судьбе. Столь серьёзное отношение молодого человека к науке не осталось незамеченным. Все на историческом факультете знали, что ученик В.И. Каца весьма перспективен, хотя приглашения в аспирантуру С.Ю. Монахов не получил, тогда зелёный свет чаще загорался для выпускников кафедры истории КПСС. Вместе с тем, когда в начале 70-х скоропостижно ушли из жизни саратовские археологи И.В. Синецын и В.А. Фисенко, и на кафедре истории СССР досоветского периода некому стало читать студентам археологию и историю первобытного общества, в деканате вспомнили о Монахове.

Будущее светило амфороведения служил тогда в Обкоме профсоюзов, поскольку надо было содержать молодую семью, но о главном не забывал и практически ежедневно прибегал в каморку В.И. Каца, под лестницу в 4 корпусе на площади Революции. Мы часто видели их в курилке подвального

этажа, где они всегда о чём-то спорили, в выражениях не стеснялись, и Монахов дымил «Беломором», а Кац «Примой». Декан Григорий Алексеевич Герасименко прямо предложил молодому археологу уволиться из профсоюзов и занять должность доцента с нагрузкой по первобытным дисциплинам. Это означало, что помимо аудиторных занятий, ему надо было проводить учебную практику на памятниках нижевожской археологии, а стало быть, уйти из античности. Соблазн был велик, но Монахов от предложения отказался и продолжил подвизаться на обкомовском профсоюзном поприще, где, кстати, к нему также присматривались с большим партийно-чиновничьим интересом. Попутно продолжались его споры в курилке истфака с В.И. Кацем. Уже началась его титаническая деятельность по обработке гигантского массива источников из раскопок в Северном Причерноморье, и первые наброски будущей кандидатской диссертации уже легли на бумагу. Чтобы не будить домашних, он печатал текст по ночам, в совмещенном санузле, сидя на крышке унитаза и поставив машинку на табурет. Читать археологию на истфаке позволяли из Музея краеведения Е.К. Максимова.

И всё же, Сергею Юрьевичу Монахову довелось послужить нашей поволжской первобытной археологии, когда в университете появились возможности для хозяйственной археологической деятельности. В 1978 г. декан исторического факультета Г.А. Герасименко совместно с научной частью СГУ решили организовать коллектив специалистов с целью проведения охранных полевых исследований в Саратовской области. В июне этого же года небольшая группа приступила к выполнению первой инициативной научно-исследовательской работы по теме: «Археологическая карта Аткарского района». Ее научным руководителем назначили доцента Е.К. Максимова, а ответственными исполнителями, молодых выпускников исторического факультета, младших научных сотрудников Н.М. Малова и С.Ю. Монахова [Лопатин, 1994. С. 32; Малов, 1994. С. 43–46; Малов, 1999. С. 33]. Эта работа была организована благодаря содействию В.Н. Игнатьева, заведующего Аткарским районным отделом народного образования, а заказчиком проекта выступил Аткарский райотдел культуры. В некоторых разведочных работах по составлению карты участвовали студенты, среди которых был и В.А. Лопатин, получивший свой первый Открытый лист на право самостоятельных археологических разведок по отрезку р. Медведицы и её притокам. Результаты этих исследований учёных СГУ, представленные в Археологической карте Аткарского района, получили также отражение во вступительной части краеведческого издания о городе Аткарске, одним из авторов которого был В.Н. Игнатьев [Игнатьев, Лебединский, 1981. С. 4–6]. Тогда же, с 1978 г. С.Ю. Монахов стал проводить самостоятельные раскопки в Поволжье. Отряд экспедиции СГУ под его руководством исследовал на окраине с. Натальино

городище городищной культуры раннего железного века, находившееся в зоне строительства Балаковской АЭС [Монахов, 1980. С. 158]. В прибрежной полосе Волги было вскрыто 142 кв. м. Кроме того, был изучен участок фортификации – вал с прилегающим и полностью заплывшим рвом (55 кв. м.), а также заложены несколько контрольных шурфов, в которых расчищены хозяйственные ямы. Под валом были выявлены 10 материковых ям с остатками деревянных столбов трехрядного оборонительного частокола. С напольной стороны зачищен участок рва шириной 3 м и глубиной около 2,5 м. В этом же году был раскопан курган, расположенный около г. Саратова, на возвышенности «Жареный Бугор», а результаты этих исследований оперативно опубликованы во всесоюзном журнале «Советская археология». По мнению автора раскопок, основное погребение с оригинальным керамическим сосудом и костяной поясной пряжкой принадлежало культуре многоваликовой керамики, а впускная детская могила в насыпи, где обнаружены фрагменты колоколовидного сосуда с примесью раковины, относилась к абашевской культуре [Монахов, 1984]. Такие материалы в окрестностях Саратова прежде не встречались, поэтому вызвали большой интерес у специалистов, а со временем они становятся историографически очень востребованными, поскольку теперь пределы восточного проникновения посткатакомбных групп населения (в том числе носителей культуры Бабино-КМК) раздвинуты до Волги и далее в Заволжье. Здесь следует отметить высокий профессионализм С.Ю. Монахова, который безошибочно сориентировался в малознакомой сфере культур эпохи бронзы и сумел тогда верно интерпретировать культурно-хронологические показатели своего материала. Кроме того, как на городище, так и на кургане, он продемонстрировал высокий уровень полевых работ, следуя по-античному классическим требованиям методики вскрытия, оформления раскопа, чистоты расчистки и оформления научной документации. Для молодых начинающих археологов в Саратове уже тогда было очевидно, что у Монахова есть чему поучиться.

В следующем 1979 году возглавляемый С.Ю. Монаховым Аткарский отряд экспедиции СГУ и областного отделения ВООПИК приступил к охранному раскопкам Средневекового мордовского грунтового могильника и курганного некрополя на юго-восточной окраине райцентра Аткарска [Монахов, 1981]. Эти раскопки стали определенной преемственностью в работах многих поколений саратовских археологов, начатых ещё в 20-х годах Н.К. Арзютовым, продолженных в конце 70-х С.Ю. Монаховым, а затем в 80–90-х С.В. Ляховым и Н.М. Маловым. Но тогда, осенью 1979 г., грунтовый могильник надо было сначала вновь открыть, поскольку его местоположение было утрачено. Поэтому были предприняты новые разведки и заложены зачистки на краю глубокого оврага, где были замечены следы давних вскрытий

и обломки костей человека. А на месте огромного курганного некрополя был построен гигантский птицекомбинат, который отчаянно смердел и уже производил свою продукцию. Некоторые нетронутые насыпи еще были заметны за высокими бетонными стенами у края террасы.

В кургане, вскрытом при помощи плохонького бульдозера, были обнаружены четыре захоронения срубной культуры позднего бронзового века. Среди стандартного инвентаря погребения № 1 (керамика) представлена интересная серебряная желобчатая подвеска, свёрнутая в полтора оборота [Малов, 2000. С. 38, 53, рис. 6, 3]. В средневековом мордовском могильнике XIII–XIV вв. были исследованы 22 захоронения, среди которых находились как одиночные (мужские и женские), так и парные (супружеские), а также детские захоронения [Монахов, 1991]. Инвентарь воинских мужских погребений содержал, кроме керамики, боевые топоры, ножи, кресала и стрелы. В двух могилах зафиксированы кости коня с удилами и стремянами. В женских захоронениях заупокойный набор состоял из проволочных застёжек, пастовых и стеклянных многоцветных бус, браслетов, серебряных перстней, серег. Две парные могилы содержали бронзовые клёпаные котлы с железными дужками. Особый интерес представляли две престижные портупейные пряжки с изображениями оленей. Этот интересный средневековый материал был опубликован автором раскопок в сборнике научных статей «Археология Восточно-Европейской степи», серийное издание которого началось в Саратовском университете в конце 80-х годов.

В 1981 г. экспедиция, под руководством С.Ю. Монахова, обследовала бассейн р. Терешки с ее притоками и правый берег Волги в пределах Вольского района [Монахов, 1983]. В результате разведок были выявлены около 140 новых археологических памятников, преимущественно поселений эпохи бронзы и курганных групп. Около с. Лопуховка раскопан разрушаемый курган, где обнаружено захоронение срубной культуры с бронзовым ножом. Новый Мордовский средневековый могильник обнаружен у с. Рыбного. В подъемном материале некоторых поселений имелись кремневые и кварцитовые изделия, а также фрагменты неолитической и энеолитической керамики [Малов, 2008. С. 63]. Кроме того, на ряде поселений были обнаружены находки бронзового века, относящиеся к катакомбно-полтавкинской эпохе и покровской культуре начала позднего бронзового века [Малов, 2007. С. 55–57; Малов, Филипченко, 1995. С. 53, рис. 1; Малов, Сергеева, 2000. С. 55, рис. 1, 3].

В 1982 г. С.Ю. Монахов руководил работами экспедиции в Ново-Бурасском и Калининском районах Саратовской области [Монахов, 1984]. В Ново-Бурасском районе (бассейн рек Медведица и Чардым) выявлено около 90 памятников, в основном курганных групп и поселений бронзового века. На дне балки Соленого Оврага, впадающего в р. Чардым, один из студентов

экспедиционной группы И.И. Дремов обнаружил палеолитическое местонахождение мустьерского типа [Дремов, Кузнецова, 1984]. Около с. Аряш раскапывались курганы. В некоторых из них основными были захоронения ямной культуры раннего бронзового века. Курган № 2 имел мощную крепиду из песчаниковых блоков. Была составлена Археологическая карта Калининского района, а у с. Симоновка вскрыли два кургана с погребениями срубной культуры.

Будучи сотрудником Археологической лаборатории СГУ, С.Ю. Монахов, прежде всего, занимался изучением керамической тары эллинистического Херсонеса. В 1983 г. именно по этой теме он и защитил кандидатскую диссертацию. Тем не менее, в следующем году под его руководством составлялась Археологическая карта Петровского района [Монахов, 1985]. Были выявлены около 80 новых археологических памятников и начаты раскопки поселения Медведицкое I, где вскрыли 240 кв. м. и большую часть землянки поздней срубной культуры. Обнаружены фрагменты сосудов с налепными валиками, четыре пряслица, бронзовый нож и сплески меди.

В сложные 90-е годы практически во всех региональных научных археологических центрах страны прекратили своё существование хозрасчётные лаборатории. Не минула эта беда и НИИАЛ СГУ. Сергей Юрьевич Монахов продолжал обрабатывать гигантские массивы амфорной тары, проводил археологические раскопки в Крыму и на Тамани, преподавал на кафедре истории древнего мира Саратовского университета. Его титаническая работоспособность позволила ему уже на новом качественно более высоком уровне систематизировать огромный материал и в 1999 году представить, а в начале 2000 года успешно защитить докторскую диссертацию. Защита проходила в Саратове, по двум специальностям и в соответствии с особым решением ВАК РФ, а также с участием 5 официальных оппонентов. Это было беспрецедентное явление за всю практику нашего исторического диссовета. Время было сложное, тревожное, с временными успехами, когда удавалось поучаствовать в каких-нибудь хоздоговорных работах, но в основном с весьма скромным обеспечением экспедиций.

В середине относительно стабильных нулевых профессор С.Ю. Монахов был призван в проректорский корпус, где возглавил департамент по развитию СГУ. Благодаря слаженной работе его команды Саратовский университет выиграл очень важный грант с крупным финансированием, и тогда было закуплено новейшее оборудование и материалы, на всех факультетах учреждены научно-производственные центры и лаборатории с целью исследований передовых направлений в науке и высшем образовании. Главным достижением для университетской археологии стало открытие в СГУ Института археологии и культурного наследия, в рамках которого начали функци-

онировать Археологический музей и две учебно-научные лаборатории (классической и нижеволжской археологии). Было налажено стабильное издание периодических сборников и монографий, полностью обновлены оргтехника, приборы и полевое оборудование. Наконец, впервые за всю историю университетской археологии был закуплен целый парк автомобилей, которые работали как полевые лаборатории, обеспечивая учебные практики и научные экспедиции [Монахов, 2009. С. 7–18].

За последние несколько лет С.Ю. Монаховым получены беспрецедентные результаты по монографическому изданию систематизированных музейных коллекций амфорного материала и сопутствующих комплексов, хранящихся в крупнейших музеях страны (Эрмитажа, ГИМ, Краснодарского, музеев Херсонеса и Фанагории). Возглавляя эффективный производственный коллектив, неувыдающий Монахов осваивает средства престижных грантов и очень динамично выдаёт «на-гора» объёмистые фолианты, и их уже пять. Наука получила бесценный источник по археологии Северного Причерноморья, в котором собран системно датированный керамический материал.

Не оставляет он своим вниманием и местные археологические проблемы. Практически ежегодно С.Ю. Монахов организует рекогносцировочные кратковременные экспедиции с выездами на интересные памятники и в малоизученные районы на Волге, Хопре, Медведице. План научной работы Института археологии всегда составляется с учетом перспективных исследований на нижеволжских памятниках. Так были проведены интересные исследования на Гривкинском городище и курганах хопровской излучины, спасательными работами на берегах Волги у с. Трубино выявлена редкая группа памятников посткатакомбного времени, успешно были выполнены несколько хозяйственных тем по разведкам с частичным вскрытием на трассах реконструкций ВОЛС и путепроводов в пределах Саратовской области.

Всегда и в любых обстоятельствах доктор исторических наук, профессор Сергей Юрьевич Монахов энергичен, трудолюбив, удивительно вынослив, он очень любит жизнь во всех её проявлениях, он обожает охоту и рыбалку, он гостеприимен и хлебосолен, умеет дружить, и всегда верен своим друзьям. Поздравляя Сергея Юрьевича с круглой и весьма почтенной датой, мы желаем ему дальнейшего неувыдания, доброго здоровья, долгих лет плодотворного творчества, новых экспедиций и по-прежнему блестящих открытий.

Литература

Дремов И.И., Кузнецова Л.В. Солёный Овраг – первое палеолитическое местонахождение в Саратовском Поволжье // СА. 1986. № 2.

Игнатъев В.Н., Лебединский М.И. Город Аткарск. – Саратов: Приволжск. книжн. изд-во, 1981.

Лопатин В.А. Развитие археологической науки в Саратовском университете и проблема охраны памятников древней истории Нижнего Поволжья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. – Саратов, 1994.

Малов Н.М. Некоторые итоги и проблемы охраны памятников археологии Саратовской области (к 15-летию археологической лаборатории СГУ) // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. – Саратов, 1994.

Малов Н.М. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность – Саратов: Изд. центр Саратов. гос. соц.-эконом. факультета, 1999.

Малов Н.М. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 11. Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья. – Саратов: Изд-во СГУ, 2000.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Вып. 5. – Саратов: «Научная книга», 2007.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 6. – Саратов: «Научная книга», 2008.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. № 4. – СПб: ИИМК РАН, 1994.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // АВЕС. Вып. 8. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010.

Монахов С.Ю. Раскопки городища у с. Натальино в Саратовской области // Археологические открытия 1979 года. – М.: «Наука», 1980.

Монахов С.Ю. Работы Аткарского отряда // Археологические открытия 1980 года. – М.: «Наука», 1981.

Монахов С.Ю. Работы Вольской экспедиции // Археологические открытия 1981 года. – М.: «Наука», 1983.

Монахов С.Ю. Исследования в Ново-Бурасском и Калининском районах Саратовской области // Археологические открытия 1982 года. – М.: «Наука», 1984.

Монахов С.Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1.

Монахов С.Ю. Исследования в Петровском районе Саратовской области // Археологические открытия 1983 года. – М.: «Наука», 1985.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // АВЕС. Вып. 2. – Саратов: Изд-во СГУ, 1991.

Монахов С.Ю. Институт археологии и музей археологии СГУ: направления работы и первые результаты // АВЕС. Вып. 7. Изд-во СГУ – Саратов, 2009.

Слева направо: С. Ю. Монахов, Н. М. Малов, Е. К. Максимов

Слева направо: С. Ю. Монахов, С. И. Четвериков, И. Р. Плеве,
Н. М. Малов, В. П. Тотфалушин

С.Ю.Монахов - руководитель учебной археологической практики

С.Ю.Монахов, И.Р.Плеве и А.И.Юдин
на раскопках Аткарского средневекового могильника в 1979 году

С.Ю. Монахов и В. А. Лопатин

Слева направо: А. Б. Мальшев, С. Ю. Монахов, В. А. Лопатин, Н.Б. Чурекова

С.Ю. Монахов и В.А. Лопатин

Е. В. Кузнецова, С. Ю. Монахов

С. Ю. Монахов, полевые работы

ТЕОРИЯ НАУКИ

УДК 903.8(4) [637]

ББК 63.4(4)

Бочкарев В.С., Климушина А.И.

О ТЕРМИНЕ И ПОНЯТИИ «КЛАД» В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПО ЕВРОПЕЙСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЭПОХИ БРОНЗЫ)

В работе рассматривается археологическое определение понятия «клад» на материалах эпохи бронзы Европы. Авторы приходят к выводу о принципиальном различии т. н. возвратных и невозвратных кладов. Хотя по составу и контексту многие из них могут быть идентичными, по смыслу они являются совершенно разными явлениями. Первые из них депонировались по экономическим или социальным причинам, а вторые – по религиозным. Соответственно, они должны иметь разные определения и термины. Высказывается мнение, что настоящими кладами могут считаться только возвратные депозиты. Для них предлагается новое определение.

Ключевые слова: эпоха бронзы, клады металлических изделий, культурно-историческая интерпретация кладов, определения понятия «клад».

Bochkarev V. S., Klimushina A. I.

ON THE TERM AND THE CONCEPT OF «HOARD» IN THE CURRENT ARCHEOLOGICAL LITERATURE (BASED ON THE EUROPEAN MATERIALS ON THE BRONZE AGE)

The paper deals with the archeological definition of “hoard” on the basis of the Bronze Age materials from Europe. The authors have arrived at the conclusion about the fundamental difference between the so-called returnable and nonreturnable hoards. Although many of those may be identical in their contents and contexts, they are vastly different in meanings. The former ones have been deposit-

ed for the economic or social reasons, the latter ones – for the religious reasons. Therefore, they should possess dissimilar definitions and terms. An opinion is suggested, that only returnable deposits should be regarded as true hoards. A new definition is proposed.

Keywords: the Bronze Age, hoards of metal objects, cultural-historical interpretation of hoards, definition of the “hoard” concept.

В последнее время в европейской археологической литературе заметно усилился интерес к изучению кладов металлических изделий эпохи бронзы. Во многом это связано с тем, что были найдены новые подходы к анализу и культурно-исторической интерпретации этих памятников. В процессе разработки классификации кладов выяснилось, что данные памятники распадаются на две большие группы: *экономические клады*, являющиеся кладами в прямом смысле этого слова, и *клады вотивные*. Последние, очевидно, являются культовыми объектами. В связи с этим возник вопрос о дефиниции понятия «клад» и отличии кладов от других археологических источников. В литературе было предложено несколько определений этого понятия. Но ни одно из них не получило широкого научного признания. В данной работе мы рассмотрим этот вопрос и предложим еще один вариант его решения.

Начнем с краткого изложения истории изучения европейских кладов. Речь, в основном, пойдет о кладах металлических изделий эпохи бронзы. Эти памятники систематизированы и исследованы намного лучше, чем аналогичные комплексы более позднего времени. Во многом, на основании их анализа вырабатывались теоретические подходы к рассмотрению кладов как вида археологического источника.

Изучение кладов металлических изделий бронзового века началось в Европе во второй половине XIX века [Taylor, 1993. P. 3–22; Бочкарев, 2002. С. 45–54]. Тогда же были разработаны классификации кладов и сформулированы две основные гипотезы, объясняющие причины их депонирования: экономическая и религиозная (вотивная). Первоначально предпочтение было отдано первой из них. Ее основатели – археологи Э. Шантр и А. Эванс – полагали, что в бронзовом веке Европы металл был универсальной ценностью и играл важную экономическую роль [Taylor, 1993. P. 3, 16]. Поэтому его повсеместно собирали, накапливали и для лучшей сохранности депонировали в земле или в каких-то других потаённых местах. Судя по историческим прецедентам, накопленный запас металла и изделий из него чаще всего прятали в периоды каких-то потрясений: войн, социальных конфликтов и природных катастроф. В силу разных обстоятельств многие из таких кладов так и остались лежать в земле, превратившись в археологические памятники.

Достоверность экономической гипотезы хорошо подтверждается историческими и археологическими материалами поздних периодов. В этой связи можно вспомнить многочисленные клады времен падения Римской империи и Великого переселения народов. Особенно часто их находят на территории римских провинций и в районе лимеса [Hardt, 2017. S. 525–539]. В этом же ряду стоят киевские и старорязанские клады, хорошо известные в отечественной литературе. Считается, что они были спрятаны местными жителями в конце 30-х гг. XIII века во время штурма русских городов татаро-монголами.

Одновременно с экономической возникла религиозная гипотеза, которую многие исследователи трактуют как вотивную. Ее автором был знаменитый датский археолог Й.А. Ворсо [Бочкарев, 2002. С. 48]. Он обратил внимание на то, что в Дании многие комплексы металлических изделий были найдены в болотах, озерах и других водных источниках. Судя по местоположению, их не собирались возвращать назад. Поэтому Й.А. Ворсо заключил, что это были не клады, а жертвоприношения. Они были посвящены каким-то божествам и намеренно брошены в воду. В качестве исторических аналогий назывались водные божества, данные о которых сохранились в древнегерманском и исландском фольклоре и сочинениях античных авторов.

Выводы Й.А. Ворсо поддержали многие скандинавские и немецкие археологи. С. Мюллер подчеркнул, что необходимо разграничивать религиозные депозиты и обычные клады [Hansen, 2002. S. 91–97]. Во многих случаях они могут иметь одинаковый состав и контекст нахождения, но по смыслу это совершенно разные явления. В более поздних работах европейских археологов эти различия, как правило, не учитывались. Комплексы, обнаруженные в водоемах, обычно рассматривались как одна из разновидностей кладов, получивших название *вотивных*.

Долгое время полагали, что вотивные клады в основном характерны для Северной Европы, а их отличительным признаком является водный контекст. Это мнение начало меняться во второй половине двадцатого века. Тогда были опубликованы работы немецких археологов Г.Ю. Хундта и Э. Анэра, где предлагался новый взгляд на соотношение инвентаря погребений и кладов [Hundt, 1955. S. 95–140; Aner, 1956. S. 31–42]. По мнению исследователей отсутствие металлических изделий в ряде погребений компенсировалось за счет их депонирования в виде кладов. Поэтому такие клады вслед за погребениями следовало считать культовыми объектами. Г.Ю. Хундт назвал их «сокровищами мертвых» (*Totenschätze*), а Э. Анэр – «самоснабжением на тот свет» (*Selbstausstattung für das Jenseits*). Аналогии им оба автора искали в древнегерманской мифологии. [Hundt, 1955. S. 123; Aner, 1956. S. 40].

Хотя выводы Г.Ю. Хундта и Э. Анэра носили гипотетический характер, они встретили достаточно благожелательный отклик среди европейских археологов. Были и критические замечания. В частности, К.Х. Виллрот заметил, что клады не могли заменить инвентарь погребений, так как составы этих двух видов археологических памятников заметно разнятся. Например, орудия труда преимущественно встречаются в кладах, а украшения и оружие в погребениях [Willroth, 1985. S. 365]. Свои выводы он основывал на анализе памятников Южной Скандинавии I–III периодов эпохи бронзы (по периодизации О. Монтелиуса). Кроме того, К.Х. Виллрот попытался доказать, что в Южной Скандинавии в указанный хронологический период наблюдалась связь в локализации кладов оружия и петроглифов с изображениями предметов вооружения. Там, где есть такие клады, отсутствуют петроглифы, и наоборот [Willroth, 1985. S. 386–391. Abb. 29–32].

С историографической точки зрения работы Г. Хундта, Э. Анэра и К.Х. Виллрота можно рассматривать, как попытки поиска новых направлений в интерпретации кладов. В них впервые было высказано предположение о существовании инверсионной связи кладов с погребениями и другими видами археологических памятников, например с наскальными изображениями. Если такая связь действительно существовала, то часть кладов, вслед за погребениями, также следует признать культовыми объектами. Однако, тогда их нельзя автоматически считать вотивами. Это явление другого рода.

Благодаря работам указанных авторов и по мере развития когнитивной археологии интерес к религиозной интерпретации кладов заметно вырос. Некогда популярная экономическая гипотеза постепенно отошла на второй план. Выяснилось, что только археологическими методами, без поддержки письменных источников, идентифицировать экономические клады очень трудно, а порой и невозможно. Выход из положения попыталась найти американская исследовательница Дж. Леви. Используя материалы Дании эпохи бронзы, она выделила археологические признаки ритуальных и неритуальных (экономических) кладов [Levy, 1982. P. 24–25]. Для последних было выделено 8 критериев. Среди них: местонахождение в сухих местах, небольшая глубина залегания, присутствие орудий труда, сырья и фрагментированных изделий, отсутствие остатков пищи и какой-то особой структуры расположения изделий [Levy, 1982. P. 24]. Но ни один из этих признаков не является определяющим. Только их комбинации могут, по мнению Дж. Леви, помочь определить тип клада. С помощью этих критериев исследовательница установила, что в Дании для всего бронзового века только 16,4% кладов могут быть отнесены к числу экономических. Все остальные комплексы являются ритуальными. Разработки Дж. Леви, однако, не получили широкого признания ни в скандинавской, ни в немецкой археологии.

Между тем, в конце прошлого – начале нынешнего века начали выходить работы, в которых приводились все новые и новые аргументы в пользу вотивной гипотезы. Среди них следует выделить исследования Б. Хензеля и особенно С. Хансена [Hänsel, 1997. S. 11–22; Hansen, 1991; 1994; 2013]. С. Хансен стал лидером вотивного направления изучения кладов. По его мнению в бронзовом веке Европы сформировались некие системы депонирования металлических изделий. Их основными элементами были клады, погребения и единичные находки. Они были соединены обратными связями и подчинялись правилу пространственно-временной инверсии. Действие этого правила С. Хансен попытался продемонстрировать на материалах южной части Средней Европы (территория между р. Роной и Карпатами). Так, согласно его данным, отсутствие богатых погребений с металлическим инвентарем в восточной части ареала объясняется тем, что там металл, в основном, депонировался в форме кладов. На западе ареала наблюдается противоположная картина [Hansen, 1994. S. 304–327]. Кроме того, по материалам указанного региона С. Хансен выделил несколько схем депонирования кладов. Друг от друга они отличаются тем, что в одних регионах преобладали т. н. чистые клады, в других – «односторонние», а в третьих – «комплексные». По мнению автора, эти схемы были тщательно выверены и структурированы. Они следовали определенным религиозным нормам, которые определялись и регулировались вотивными приношениями. По мнению Б. Хензеля и С. Хансена такие обряды были одной из главных форм коммуникаций с божествами бронзового века. Дарообмен вообще рассматривался как одна из основ не только экономической, но и духовной жизни европейского общества того времени [Хансен, 2013. С. 279–289].

Идеи этих исследователей выглядят очень привлекательно. Они действительно открывают новые перспективы в исследовании кладов. Поэтому неудивительно, что они получили такую широкую известность. Вместе с тем следует указать, что некоторые из этих идей еще недостаточно обоснованы. В особенности это касается схем депонирования кладов. Так, трудно поверить, что эти схемы были столь жестко детерминированы религиозными нормами. Судя по разнообразию погребального обряда того времени, сами эти нормы тогда еще оставались достаточно размытыми. Наконец, следует сказать, что если вслед за С. Хансеном огромное число кладов признать вотивными депозитами, то это уже не клады, а культовые объекты, которые в свое время С. Мюллер отделил от собственно кладов.

Работы С. Хансена и других сторонников вотивной гипотезы вновь подняли вопрос о термине и понятии «клад». Он по-прежнему остается актуальным, так как до сих пор по нему не было достигнуто общего согласия. Пе-

ред тем как перейти к характеристике существующих определений, обратимся к этимологии самого слова «клад».

В русском и во многих европейских языках существует синонимичное, но не равное по значению кладу понятие – то, что называется «сокровище» (во фр. – это «*trésor*», англ. «*treasure*», нем. «*Schatz*»). В археологической литературе это понятие часто замещает то, что по смыслу обозначает «клад» (фр.- «*dépôt*», англ. – «*hoard*», нем. – «*Depotfund*» или «*Hortfund*»). Между двумя терминами есть важное отличие. Под сокровищем понимается что-то ценное и уникальное, не потерявшее своей значимости с ходом времени, в то время как клад – не всегда подразумевает универсальную ценность. По современным представлениям, большинство археологических предметов, найденных в составе кладов, не имеют большой материальной ценности. Однако данные предметы имели важное значение для их владельцев, иначе они бы не были депонированы. Тем не менее, оба понятия часто используются в археологической литературе как синонимы.

В языках романской группы, например, во французском, оба слова «*trésor*» и «*dépôt*» имеют латинское происхождение. *Trésor* происходит от лат. понятия «*thesaurus*», которое в свою очередь происходит от др. греч. «*θησαυρός*» (*thesauros*). В словаре античных терминов «*Der Kleine Pauly*» дается следующее толкование понятия: «Первоначально под «*thesaurus*» понималось место, где что-то хранится, а также то, что хранится само. Позже под этим стали понимать сокровищницу (*Schatzhaus*) и вместилище (ящик) для жертвований (*Opferstock*), а еще оно стало означать собственно клад – (*Schatz*)» [KLP, 1973. S. 749]. В античное время сокровищницы находились в святилищах и в храмах, куда посвящались культовые орудия, votивные и особо ценные предметы. Наиболее известны такие сокровищницы в святилищах Дельф и Олимпии [KLP, 1973. S. 749]. Однако, что следует из определения, уже в античное время под словом «*thesaurus*» также стали понимать и клад. Об этом свидетельствует то, что самое раннее определение данного понятия, известное нам из древнего памятника юридической мысли, использует именно этот термин. Определение принадлежит знаменитому юристу первой половины III века Павлу. Позже оно вошло в Дигесты Юстиниана. В оригинале определение следующие: «*Thesaurus est vetus quaedam depositio pecuniae, cuius non exstat memoria, ut iam dominum non habeat*» [Paul. Dig. 41, 1, 31, 1; KLP, 1973. S. 749]. Дословный перевод звучит так: «Клад (сокровище) – это чье-либо старое имущество, памяти о котором не сохранилось, так что оно уже не имеет хозяина». Эта классическая трактовка с немногими изменениями впоследствии вошла в памятники гражданского права многих европейских государств. В настоящее время в Гражданском кодексе РФ определение клада звучит практически также: «Клад, то есть зарытые в земле или сокры-

тые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право <...>» [ГК РФ. Ст. 233].

Другое понятие, обозначающее во французском языке клад, – «*dépôt*» происходит от латинского «*depositio*», что означает «вклад», «сдача на хранение». В современной археологии был заимствован этот латинский термин, так как он лучше всего отражает сущность клада как археологического источника. Наиболее часто он используется во французской и немецкой терминологии. В одной из своих работ археолог Свенд Хансен показал, как в немецкой археологической литературе началось использование термина «*Depot*» для обозначения кладов и как постепенно менялось его значение [Hansen, 2002. S. 91–97]. Изначально обозначая только «склад древних предметов» – «*Verwahrfunden*», «*Depot*» с течением времени стал синонимичен понятию «*Hort*» (заимствованном из английского языка). В результате это привело к тому, что оба термина стали использоваться в одинаковом значении, без привязки к их интерпретации [Hansen, 2002. S. 94].

В русском же языке слово «клад» происходит от праславянского глагола *klāstī, klādō*, что значит «класть», «помещать», и в том числе «погребать, хоронить (умерших)» [Этимолог. слов. слав. яз., 1983. С. 187–188]. Однако в своем современном значении в русском языке данное слово начало употребляться достаточно поздно, только с XVII века [Корзухина, 1954. С. 9]. Г.Ф. Корзухина в своем знаменитом труде, посвященном русскимкладам домонгольского периода, собрала известные упоминания о них в древнерусской литературе [Корзухина, 1954. С. 9–10]. Чаще всего при описании или упоминании кладов использовался термин «*поклажа*» [Корзухина, 1954. С. 9–10]. Он обозначал не только спрятанные в земле ценные вещи, но и имущество, переданное кому-то на хранение [Корзухина, 1954. С. 10]. Кроме того, в синонимичном значении слову клад употреблялся термин «*сокровище*» [Корзухина, 1954. С. 9].

Обратимся теперь к археологическому понятию «клад». Как уже говорилось, его определение сопряжено с большими трудностями. Они вызваны тем, что клад является сложным культурно-историческим явлением, в котором нашли отражение экономические, социальные и религиозные аспекты жизни тогдашнего общества. Они бывают столь тесно переплетены, что невозможно определить ведущие признаки клада. Рассмотрим некоторые из существующих в археологической литературе формулировок понятий клад. Начнем с отечественной литературы.

В археологическом словаре Г.Н. Матюшина указано: «Клад – это различные предметы, спрятанные в земле или в другом недоступном месте» [Матюшин, 1996. С. 100]. Это определение нельзя назвать удачным, так как оно очень упрощает само явление. Из него непонятно, чем клад отличается

от других археологических памятников, например от погребений. Остается также неясным, спрятан клад на время или навсегда.

Более развернутое и точное определение предлагает археолог В.Н. Седых: «Клад – это комплекс предметов, осознанно изъятых из повседневного обихода с целью временного сохранения для последующего использования или помещенных в землю, воду, болото, или в другое тайное, недоступное место в качестве приношения, жертвы, который обнаружен случайно или в ходе специально организованных исследований: результат накопления и тезаврации» [Седых, 2020. С. 29]. Из этого текста следует, что автор четко различает профанные (экономические) и религиозные депозиты. Но он их объединяет в рамках одного понятия – клада. В.Н. Седых также подчеркивает, что клад – это всегда комплексная находка, которая может являться результатом длительного и короткого накопления

В известном методическом пособии, изданном А.И. Мартыновым и Я.А. Шером, клад относится к числу основных видов археологических источников. Но определения им не дается. Авторы ограничиваются следующими формулировками: «Археолог вкладывает в понятие «клад» более широкий смысл, чем в обыденном значении этого слова». И далее: «клады – <...> это необязательно драгоценные предметы или монеты. Встречаются клады бронзовых вещей, в том числе слитки металла или заготовки» [Мартынов, Шер, 1989. С. 11]. Понятно, что этих сведений недостаточно, для того чтобы понять, что такое клад как археологический и культурно-исторический памятник.

Гораздо большее внимание к проблеме дефиниции кладов было уделено в западной археологической литературе. Это объяснимо. Во многих европейских регионах находки кладов столь многочисленны, что являются одним из основных видов археологических источников. Им посвящена огромная литература. В ряде работ рассматривается и интересующий нас вопрос. Мы остановимся только на тех определениях понятия клад, которые нам кажутся наиболее характерными и интересными.

Начнем обзор с археологического словаря английских археологов У. Брея и Д. Трампа. В нем написано: «клад (англ. Hoard, нем. Hortfund) – набор предметов (монеты, бронзовые изделия, драгоценные металлы, редко керамика), спрятанные в земле и в другом недоступном месте» [(Брей, Трамп, 1990. С. 111]. Как видно из этой цитаты, основными особенностями кладов авторы считают то, что это наборы различных предметов, спрятанных в недоступном месте. Но остаются без ответа вопросы, с какой целью были спрятаны эти наборы и на какое время.

Очень лаконичное определение дает в одной из своих работ известный английский археолог Р. Брэдли. Он пишет: «клады можно определить

как собрание скрытых предметов, которые, по-видимому, были депонированы вместе и по одной причине» [Bradly, 2013. P. 122]. Это не только короткое, но и очень общее определение. Оно подходит как для кладов, так и для погребений и святилищ.

Более подробно характеризует клады другой английский археолог А. Хардинг: «Любая коллекция больше, чем из одного объекта, которая была найдена вместе, иначе чем в погребальной или бытовой ситуации, может быть названа кладом» [Harding, 2000. P. 352]. Достоинство этого определения заключается в том, что в нем подчеркивается отличие кладов от других археологических памятников. Правда, не указывается, в чем оно состоит. Автор также не делает различий между профанными и религиозными депозитами. Следует еще отметить, что к числу кладов автор не относит единичные находки.

Множество определений кладов можно найти в немецкой литературе. Остановимся на некоторых из них. В знаменитом археологическом словаре под редакцией М. Эберта клад (*Depotfund*) характеризуется следующим образом: «Под кладом понимается коллективная или массовая находка предметов, выполненных из камня, бронзы, драгоценных металлов или железа и найденных в земле или же в торфяных болотах, свободно без упаковки (кожаного мешка или деревянного ящика), либо в керамическом или металлическом сосуде» [Wilke, 1925. S. 362]. В этом определении перечисляются некоторые внешние признаки клада, как состав и контекст находки, но ничего не говорится об его специфических особенностях, отличающих клад от других археологических памятников. Поэтому данное определение устарело и уже не отвечает современным требованиям.

Обширную статью, посвященнуюкладам, опубликовал немецкий историк и археолог Х. Гайслингер [Geißlinger, 1983. S. 320–328]. Он рассматривает клады как один из основных видов археологических источников. От других памятников они отличаются по составу и, главным образом, – по контексту. В отличие от многих других авторов Х. Гайслингер к числу кладов относит и некоторые единичные находки. Он пишет, что клады и случайные находки – это <...> открытые вновь мобильные предметы старины, которые по современным представлениям (хотя были депонированы в древности) не относятся ни к инвентарю погребений, ни к поселениям [Geißlinger, 1983. S. 320]. Далее автор подробно описывает традиционную классификацию кладов. Свое изложение Х. Гайслингер иллюстрирует множеством конкретных примеров и ссылками на обширную литературу, поэтому данная работа очень полезна как справочник.

Процитированные здесь определения, а также те, которые не вошли в наш обзор, являются итогом определенных этапов изучения кладов. Они ме-

нялись по мере того, как уточнялись и расширялись представления об этих памятниках. Современный уровень наших знаний позволяет предложить новое определение понятия «клад». В нем учитываются как археологические, так и культурологические аспекты этого явления.

Итак, клад – это отдельный вид археологического памятника, состоящего из одного, а чаще комплекса одинаковых или разнородных артефактов, представляющих ценность для их владельца (владельцев) и сокрытых на временное хранение в земле или в каком-то другом потаенном месте.

Предложенное определение начинается с утверждения, что кладовые принадлежат к отдельному и самостоятельному виду археологических памятников (источников). Их нельзя путать с инвентарем погребений, святилищ и других археологических объектов. Они отличаются по составу (контенту) и особенно по условиям нахождения (контексту). В культурно-историческом отношении они также являются самостоятельным явлением. На все эти особенности кладовых находок следует обратить внимание, так как в литературе они нередко игнорируются.

Многие авторы полагают, что кладовыми могут считаться только комплексные находки. Соответственно существование однопредметных кладов отрицается. С археологической точки зрения разница между комплексными и единичными находками является очень существенной. Они принадлежат к разным видам источников. Однако по своей материальной ценности один артефакт может быть равен или даже превосходить иной комплекс. В эпоху бронзы к таким ценным артефактам относились изделия из драгоценных металлов, дорогих импортов или крупногабаритных бронзовых изделий, таких как котлы. Ими, очевидно, дорожили и для лучшей сохранности иногда прятали как обычные кладовые. В некоторых случаях ими могли быть и рядовые орудия, которые в силу каких-то обстоятельств оказывались особенно ценными для их владельцев. Конечно, такие артефакты бывает очень трудно отличить от единичных случайных находок, которые когда-то были потеряны или забыты. В этом случае особое значение приобретает контекст депозита и его качественные характеристики. Учет этих данных позволяет идентифицировать некоторые единичные находки как кладовые [Метцнер-Небельзик, 2013. С. 208. Илл. 2, 3.1].

Таким образом, нет ни концептуальных, ни фактологических оснований отрицать существование однопредметных кладов. Они были, и этот факт должен быть зафиксирован в определении понятия.

Далее, как указано в определении, кладовые состоят как из однородных, так и разнородных артефактов. Эти последние отличаются по материалу, функциям и физическому состоянию. Они встречаются в разных сочетаниях, что создает объективную основу для классификации кладов. В литературе

выделено несколько типов кладов [Wilke, 1925. S. 362–386; Geißlinger, 1983. S. 320–338; Бочкарев, 2002. С. 45–54]. Основные из них будут коротко описаны.

В европейском бронзовом веке редко встречаются клады неметаллических изделий (из камня, керамики, кости и т. д.). Резко преобладают клады металла. Поэтому далее о них и будет идти речь. Наибольшее внимание привлекают клады с золотыми и серебряными вещами. Некоторые из них являются настоящими сокровищами. К их числу принадлежат такие клады бронзового века как Першинари и Туфалау из Румынии, Вылчатрын из Болгарии, Эберсвальде из Германии [Dawid, 2002. Taff. 101–104; Mozsolics, 1965/66. Taf. 2, 3, 17. 1, 2; The Balkans..., 2015. P. 60–61; Hidde, 1997. S. 128–130]. В их состав входят золотые и серебряные предметы вооружения, украшения, посуда. Такие богатые клады выделяются в отдельный тип, их называют кладами-сокровищами. К этому же типу, но более низкого ранга, относят комплексы бронзовых вещей, которые отличаются особыми функциями, высоким качеством изготовления и изысканным оформлением. В качестве примера можно назвать карпато-дунайские клады эпохи средней бронзы, объединенные в группу хайдушамшон-апа [Mozsolics, 1967].

Очевидно, клады-сокровища в эпоху бронзы были наиболее ценным имуществом. Конечно, их стоимость и особенно стоимость бронзовых вещей с течением времени и от региона к региону менялись. Надо полагать, что в безрудных зонах медь и бронза стоили дороже, чем в горно-металлургических областях. С другой стороны, и в этих областях по мере распространения металлургии железа стоимость меди и бронзы неуклонно падала.

Совсем иной состав имеют клады второго типа. В них входят только слитки меди и бронзы. Поэтому их называют *сырьевыми кладами* [Stein, 1976. S. 19–22]. Слитки имеют разные форму, размеры и вес. В одних случаях это круглые лепешки, в других – ушковые гривны, в третьих – стержни и т. д. Иногда они имеют вид бесформенных кусков черновой меди. В Европе лучше всего известны клады со слитками-гривнами. Их часто депонировали в эпоху ранней бронзы на территории Германии [Innerhofer, 1997. S. 53–59]. Эти гривны имеют одинаковую форму, близкие размеры и вес. Поэтому их часто принимают за стандартные слитки, посредством которых металл из альпийских рудников распространялся по северогерманской низменности [Harding, 2000. P. 218–219]. Согласно другой версии, они были еще и средством обмена, т. н. первобытными деньгами [Pauli, 1989. S. 220].

Несколько кладов со слитками-лепешками было найдено в Южном Приуралье [Пазухин, 1969. С. 239]. Один из них из г. Соль-Илецка был в сосуде [Сальников, 1967. С. 189], который датируется третьим периодом эпохи поздней бронзы по периодизации В.С. Бочкарева [Бочкарев, 2017. С. 171].

Клады со слитками разных форм и размеров известны и в других регионах Европы. Как правило, они встречаются на территории горно-металлургических областей.

Клады третьего типа также являются сырьевыми. Но в них кроме слитков встречается лом, бракованные вещи, отходы кузнечно-литейного производства. Поэтому они получили название *кладов литейщиков*. Еще одной особенностью этих комплексов является функциональное разнообразие их инвентаря. В них входят изделия самого разного назначения – от самых простых и унитарных, до самых дорогих и престижных. Преобладание фрагментированных изделий разных функций говорит о том, что изначально они формировались как склады сырья. Их владельцев в первую очередь интересовал сам металл, а не изделия из него.

Среди кладов этого типа выделяется огромное собрание комплексов лома. Некоторые из них весят более тонны. Находки таких кладов известны на территории Южной Англии и особенно хорошо в Трансильвании [Petrescu-Dimbovita, 1977. S. 80–83, 93–97, 114–118]. Такие клады-гиганты лучше всего характеризуют тот огромный размах металлопроизводства, который был достигнут в эпоху поздней бронзы в некоторых регионах Европы. Очевидно, они принадлежали не отдельным кузнецам-литейщикам, а их кланам или каким-то другим объединениям.

К четвертому типу относятся т. н. торговые клады. Их признаки почти прямо противоположныкладам-литейщиков. В них преобладают новые изделия и полуфабрикаты разного назначения. Часто эти изделия представлены сериями. Предполагается, что они предназначались для распространения. В качестве примеров кладов этого типа можно назвать Ингульский клад с Украины [Сыманович, 1966. С. 127–142]. В нем было больше ста изделий различных функций. Резко преобладали серпы двух типов (85 экз.). Среди них были новые экземпляры и полуфабрикаты. Оказалось, что от двух до девяти экземпляров серпов были отлиты в одной и той же форме.

В пятый тип выделены персональные клады. В них собраны изделия, которые, как полагают, являются личной собственностью того или иного человека. Выделяются женские и мужские клады. В первых встречаются наборы украшений, а во вторых – чаще всего оружие. Этот тип клада особенно хорошо представлен в Скандинавии.

Это пять основных типов кладов. К ним еще добавляют клады домашние и клады культовых предметов. Но они встречаются сравнительно редко и не столь важны для общей картины депонирования. Поэтому на их описании можно не останавливаться. Зато особое внимание следует обратить на т. н. вотивные клады. По мнению С. Хансена, они были основной разновидностью кладов европейского бронзового века [Хансен, 2013. С. 279–283].

Но, по нашему мнению, их нельзя ставить в один ряд с остальными типами кладов, так как они выделены по другому критерию. Этот критерий учитывает не состав клада, а причину его депонирования. Это уже иной уровень анализа, который можно назвать интерпретационным. Любой клад, любого из вышеупомянутых типов в зависимости от причин его депонирования может быть определен как votivный, экономический или социальный депозит. Возможны и другие варианты интерпретации, так же, как и выделение других типов. Но смешение классификационного и интерпретационного уровней анализа недопустимо. Это ведет не только к терминологическому, но и к смысловому искажению. Именно так и произошло с votivными «кладами».

Возвращаясь к нашему определению, отметим, что любой клад представляет ценность для своего владельца или владельцев. Это, несомненно, так, иначе само существование клада теряет смысл. Причем эта ценность была не только чисто символической, но главным образом материальной.

Перейдем к рассмотрению одного из основных положений предложенного определения клада. Согласно ему кладом может быть признан только тот депозит, который подлежит возвращению. Его прятали на временное хранение. Этим он принципиально отличается от инвентаря погребений, votivов и других культовых объектов. В отличие от настоящих кладов последние были невозвратными. Таким образом, клад, и то, что называют votivными «кладами», по культурно-историческим функциям являются разными явлениями. Первые относятся к профанным объектам, а вторые – к религиозным. Но внешне они могут быть очень похожи, как по контенту, так и по контексту. Поэтому неудивительно, что их часто смешивают. По данным археологии разницу между ними бывает уловить очень тяжело. И это является настоящей проблемой. Для ее решения первостепенное значение приобретает контекст памятников и некоторые дополнительные сведения, которые мы кратко рассмотрим.

Чаще всего клад, укрывали в земле, что и подчеркнуто в их определении. Но их также находят на дне озер и рек, в болотах, в скальных расщелинах, в пещерах. Места, где они встречаются, можно разделить на две условные группы: доступные и труднодоступные. К первым относятся земли пригодные для обитания и заселенные в бронзовом веке. Они маркируются поселениями, погребениями, единичными случайными находками того времени. Есть и другие приметы их использования: следы пахотных полей, каналов, дорог и т. д. На этих землях клад, могут встречаться повсеместно: на берегах рек и озер, в лесах и в полях, на холмах и равнинах и т. д. Никакого видимого порядка в их локализации установить пока не удастся. Среди них могут быть как профанные, так и религиозные депозиты. По мнению многих авторов, на обжитых, хорошо освоенных землях больше вероятности встре-

тить профанные клады. Чаще всего они могут находиться на поселениях, и особенно на укрепленных поселениях [Furmanek, Vldar, 2006. S. 184–225; Szabó, 2016. S. 165–209]. Некоторые из них, вероятно, были спрятаны ввиду военной угрозы.

К числу профанных кладов также относят комплексы металлических изделий, найденных вдоль древних дорог. Об этом еще в 30-х гг. прошлого века писал немецкий археолог Э. Шпрокхоф [Sprokhoff, 1930. S. 115. Pl. 45]. Особенно привлекают внимание те из них, которые были депонированы вблизи водных переправ. В древности эти переправы были наиболее опасными участками пути. На территории Восточной Европы такие клады известны на Керченском и Таманском полуострове, а также на Нижнем Днепре.

Одним из свидетельств экономических связей безрудных регионов с горно-металлургическими областями в бронзовом веке нередко называют импортные клады [Черных, 1976. С. 195–197]. Они известны на территории Северного Причерноморья, Крыма, Нижнего Подонья. Судя по типологическим и химическим данным, одну группу таких кладов можно считать импортами из Прикубанского очага металлопроизводства, другую – из Трансильванского, и третью – из Балкано-Дунайского очага. Примечательно, что большинство из них содержат слитки меди, лом, бракованные изделия. Маловероятно, чтобы эти склады сырья, привезенные издалека, использовались местным населением в качестве жертвоприношений.

Конечно, и на обжитых доступных землях депонировались т. н. вотивные клады. По этнографическим данным и письменным источникам жертвоприношения чаще всего совершались в специально отведенных местах. Эти места были примечательны в природном, мемориальном или сакральном отношениях. Как сообщают античные авторы, у кельтов и германцев, например, это были священные рощи, озера и т. д. Разумеется, средствами археологии опознать такие места весьма затруднительно. Все же некоторые данные о них получить можно. В Бретани, на западе Франции, на одном сравнительно небольшом поле было найдено 8 (!) кладов. Каждый из них содержал около 150 кельтов армориканского типа [Harding, 2000. P. 363. Fig. 10. 4]. Все кельты имеют небольшие размеры и, скорее, напоминают модели настоящих орудий. Поле, где были обнаружены эти клады, вероятно, для местного населения, имело какое-то особое сакральное значение. Вполне возможно, что в бронзовом веке здесь находилось местное святилище.

Но, судя по всему, большая часть известных вотивных «кладов» происходит из труднодоступных мест. К ним относятся плохо освоенные, пустынные территории. Зачастую они отличаются экстремальными условиями. Как уже говорилось, это болота, реки, озера, лесные чащобы, пропасти и т. д. Природный ландшафт этих мест таков, что сам по себе может говорить об

особом характере найденных здесь комплексов. Вполне очевидно, что в большинстве случаев это невозвратные депозиты. Поэтому еще Й.А. Ворсо и С. Мюллер пришли к обоснованному выводу, что это не клады в обычном понимании этого слова, а приношения каким-то божествам бронзового века.

Лучше всего водные депозиты металлических изделий изучены на территории Дании. Это «клады», найденные в болотах, озерах, реках и торфяниках. Выяснилось, что во многих случаях они отличаются не только по контексту, но и по составу входящих в них вещей. По наблюдениям Дж. Леви, это, в основном, целые изделия двух категорий – оружие и украшения [Levy, 1982. P. 24–43]. К ним можно добавить еще металлическую посуду. Эта триада характерна и для инвентаря погребений I–III периодов бронзового века Скандинавии [Willroth, 1985. S. 369–378. Abb. 5, 7, 10, 13]. Выбор именно этих предметов для религиозных депозитов, вероятно, был обусловлен тем, что их наделяли особыми свойствами. Они сильнее, чем какие-либо другие металлические артефакты, были связаны с конкретными людьми и представляли их. Кроме того, такие предметы обычно имели символическое значение. В основном из них комплектовались персональные клады.

В эти клады, как и в погребения, редко попадали орудия труда и ломаные изделия. Зато лом характерен для литейных кладов, которые традиционно рассматриваются как типичные профанные депозиты. Но в последнее десятилетие их начали интерпретировать в прямо противоположном смысле. По мнению сторонников вотивного направления, изделия этих кладов намеренно фрагментировались, но не с прагматической, а с религиозной целью. Они как бы умерщвлялись и тем самым приносились в жертву [Nebelsick, 1997. P. 35–41]. В пользу этой трактовки приводят соответствующие этнографические параллели. Но есть и контраргументы. В кладах литейщиков лом регулярно сопровождается слитками металла, отходами производства или бракованными изделиями. Устойчивая корреляция этих материалов говорит о том, что эти клады преднамеренно формировались как клады сырья, т. е. их создавали в прагматических целях. Было также замечено, что в них практически никогда нет полного набора фрагментов, из которых можно было бы собрать и реконструировать изделия целиком. Часть фрагментов постоянно отсутствует. Поэтому логично предположить, что отсутствующие части предметов шли в переплавку.

Вместе с тем сейчас очевидно, что все клады литейщиков нельзя автоматически, как это делалось ранее, относить к числу профанных кладов. Намеренное разрушение вещей, как ритуальное действие, действительно имело место в древности. Оно зафиксировано и в этнографии. Возможно, этот обряд нашел отражение в некоторых кладах литейщиков. В этой связи небезынтересно отметить, что из тех 55 не ритуальных (профанных) кладов,

выделенных Дж. Леви в датских материалах бронзового века, около десятка было найдено в болотах [Levy, 1982]. Среди них есть и клады литейщиков со слитками, ломом и отходами литья [Levy, 1982. P. 139. № 190; 140. № 210].

Вновь обращаясь к датскимкладам, следует указать на то, что в некоторых из них кроме металла есть также изделия из других материалов (глины, камня, янтаря и т. д.). Неметаллические вещи также нередко встречаются в кладах из других Европейских регионов. Но особенно большой интерес вызывают в них находки костей животных. В этом отношении показательным является «жертвенный колодец» в Будзене (Дания). В нем был найден набор женских металлических украшений, обложенный костями животных [Levy, 1982. P. 17, 141. Pl. 1]. Очевидно, эти украшения были опущены в воду вместе с мясной пищей. Судя по данным этнографии, которые цитирует Дж. Леви, мясная и вообще любая другая пища, является очень важным признаком жертвоприношения [Levy, 1982. P. 22]. Конечно, в археологических контекстах пища, и особенно растительная, сохраняется весьма редко. Но, возможно, косвенным указанием на ее присутствие, могут быть находки горшков, которые нередко находят в составе кладов.

По свидетельствам находчиков, вещи кладов, как правило, лежат без всякого порядка. Но в ряде случаев зафиксировано их расположение в определенной структуре: параллельными рядами, по кругу, крест-накрест, в вертикальном положении и т. д. [Soroceanu, 1995. S. 15–80. Abb. 11]. Эти выкладки кладовых вещей, несомненно, имеют символическое значение. По мнению Дж. Леви и Т. Сорочану, они указывают на религиозные функции этих кладов.

Как полагают некоторые исследователи, религиозные депозиты отличаются от профанных большей глубиной залегания [Levy, 1982. P. 24]. Действительно, их иногда обнаруживают на глубине трех, пяти и даже девяти метров. Такая значительная глубина кажется избыточной, если речь идет о временном хранении клада. Но она не представляется таковой, если ей приписывают сакральное значение.

С другой стороны, известны находки кладов, которые залежали совсем неглубоко, непосредственно под слоем дерна. Вполне вероятно, что первоначально они лежали на поверхности земли. Такое их расположение указывает на желание владельца клада не спрятать его, а наоборот выставить напоказ. Здесь вновь приходится вспомнить сообщения античных авторов о странном, на их взгляд, обычае варваров выкладывать свои дорогие вещи открыто, прямо под сводами деревьев священных рощ. Аналогичный способ депонирования ценностей, видимо, был и у других народов. Об этом говорят данные археологии. Так, на Урале, клады со знаменитым восточным серебром VII–XII вв. находят на глубине не превышающей, в основном, 20 см от дневной

поверхности [Лещенко, 1971. С. 9]. С большой долей уверенности можно предположить, что их первоначально выкладывали на поверхности земли. О целях их депонирования вполне красноречиво свидетельствуют т. н. шаманские рисунки на целом ряде серебряных сосудов [Лещенко, 1971. С. 12–16]. Поверхностное депонирование металлических и каменных изделий также зафиксировано в святилище эпохи поздней бронзы Шайтанское Озеро II на Урале [Корочкова и др., 2020. С. 28–50].

Судя по этим данным, цель депонирования религиозных «кладов» была совсем иной, чем у профанных: их не прятали, а старались доставить по нужному адресату.

Итак, изложенные данные позволяют заключить, что профанные и т. н. религиозные клады отличаются друг от друга по ряду археологических признаков. Эти признаки лучше выражены для религиозных депозитов. Правда, их распределение носит политетический характер, и они плохо коррелируют друг с другом. Это затрудняет идентификацию этих депозитов. Профанные клады выглядят менее выразительно. Они не имеют ярких признаков, что также осложняет их определение.

Положение еще усугубляется тем, что те и другие зачастую имеют одинаковые составы. Это наборы металлических вещей. Использование металла в этих депозитах, видимо, объясняется тем, что в бронзовом веке Европы металл имел как материальную, так и сакральную ценность.

Несмотря на все сложности в разделении профанных и религиозных депозитов разница между ними вполне очевидна. Они принадлежат разным сферам человеческой деятельности и разным видам археологических источников. Наиболее характерные черты профанных депозитов были сформулированы в предложенном определении. По нашему мнению, только они в подлинном смысле этого слова и могут называться кладами. Соответственно, этот термин не подходит для религиозных депозитов. Они требуют особого определения и соответственно – отдельного термина.

Литература:

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Мат-лы тематической науч. конференции: Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. Они сошлись – металл и камень. 2017. № 2.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Отв. ред. М.К. Каргер. АН СССР. ИИМК. М., Л.: АН СССР, 1954.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2020.

Леценко В.Ю. Восточные клады на Урале в VII–XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. Ленинград, 1971.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: Учебное пособие для студентов ВУЗов. М.: Высшая школа, 1989.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М.: Просвещение, 1996.

Метцнер-Небельзик К. Европейская символика власти эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое–первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки. 2013.

Пазухин В.А. Медные слитки из Оренбургского музея // СА. 1969. № 4.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1968.

Седых В.Н. Клады: общее и особенное (о возможных причинах сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии) // V Международная нумизматическая конференция: «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: Сб. ст. СПб., 2020.

Сыманович Э.А. Ингульский клад // СА. 1966. № 1.

Хансен С. Клады в Европе эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое–первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки. Bronzezeit. Europa ohne Grenzen. 4.–1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб., 2013.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1983. Вып. 9.

Aner E. Grab und Hort. Ein Beitrag zur Deutung der altbronzezeitlichen Hortsitte // Offa. 1956. Bd. 15.

The Balkans. A shared heritage / Ed. by I.M. Marazov, A.D. Djourova, O. Schefer. Naarden, 2015.

Bradley R. Hoards and the deposition of metalwork // The Oxford handbook of the European Bronze Age / Ed. by H. Fokkens and A. Harding. Oxford University press, 2013.

David W. Studien zu Ornamentik und Datierung der bronzezeitlichen Depotfundgruppe Hajdúsámson - Apa-Ighiel-Zajta. Alba Iulia, 2002 (Biblioteca Musei Apulensis XVIII).

Furmánek V., Vladar J. Metallhortfunde aus dem Verfallhorizont der befestigten Siedlungen der Otomani- und Mad'arovce-Kultur in der Slowakei // Bronzezeitliche Depotfunde – Problem der Interpretation. Ushhorod, 2006.

Geißlinger H. Depotfund, Hortfund // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 1983. Bd. 5. Lieferung 3/4.

Hansen S. Studien zu der Metalldeponierung während der Urnenfelderzeit im Rhein-Main-Gebiet. Bonn, 1991. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 5).

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierung während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhönental und Karpatenbecken. Bonn, 1994. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, Bd. 21. Teil 1, 2).

Hansen S. Über bronzezeitliche Depots, Horte und Einzelfunde: Brauchen wir neue Begriffe? // Archäologische Informationen. 2002. № 25 /1&2.

Hänsel B. Gaben an die Götter. Schätze der Bronzezeit Europas – eine Einführung // Gaben an die Götter: Schätze der Bronzezeit Europas. Ausstellung der Freien Universität Berlin in Verbindung mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin / Hrsg. W. Menghin, B. Hänsel. Berlin, 1997.

Harding A.F. Hoards and hoarding // European Societies in the Bronze Age. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Hardt M. Horten und Deponieren im festländischen Europa zwischen Römischer Kaiser- und früher Karolingerzeit // Interaktion ohne Grenzen. Beispiele archäologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hrsg. B. V. Eriksen, A. Abegg-Wigg, R. Bleile et al. Schleswig, 2017. Bd. 1. Vol. 1.

Hidde A. Eberswalde // Gaben an die Götter: Schätze der Bronzezeit Europas. Ausstellung der Freien Universität Berlin in Verbindung mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin / Hrsg. W. Menghin, B. Hänsel. Berlin, 1997.

Hundt H.-J. Versuch zur Deutung der Depotfunde der nordischen Jünger Bronzezeit unter besonderer Berücksichtigung Mecklenburgs // Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz (Festschrift für E. Sprockhoff. Teil 1) / Hrsgs. H.J. Eggers, J. Werner. 1955. Jg. 2.

Innerhofer F. Frühbronzezeitliche Barrenhortfunde – Die Schätze aus dem Boden kehren zurück // Gaben an die Götter: Schätze der Bronzezeit Europas. Ausstellung der Freien Universität Berlin in Verbindung mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin / Hrsg. W. Menghin, B. Hänsel. Berlin, 1997.

Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Lieferung 23. München: Alfred Druckmüller Verlag, 1973.

Levy J.E. Social and religious organization in Bronze Age Denmark. An analysis of ritual hoard finds. Oxford, 1982 (BAR, International Series, № 124).

Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967: Akadémiai Kiadó.

Mozsolics A. Goldfunde des Depotfundehorizontes von Hajdúsámson // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, № 46/7. 1965/66.

Nebelsick L.D. Auf Biegen und Brechen. Ekstatische Elemente bronzezeitlicher Materialopfer – Ein Deutungsversuch // Gaben an die Götter: Schätze der Bronzezeit Europas. Ausstellung der Freien Universität Berlin in Verbindung mit dem Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin / Hrsg. W. Menghin, B. Hänsel. Berlin, 1997.

Pauli L. Einige Anmerkungen zum Problem der Hortfunde // Archäologisches Korrespondenzblatt. Urgeschichte. Römerzeit. Frühmittelalter. 1985. Jg. 15. H. 2.

Petrescu-Dîmbovița M. Depozitele de bronzuri din România. București, 1977.

Soroceanu T. Die Fundumstände bronzezeitlicher Deponierungen – Ein Beitrag zur Hortdeutung beiderseits der Karpaten // Bronzefunde aus Rumänien. Berlin, 1995.

Sprockhoff E. Zur Handelsgeschichte der germanischen Bronzezeit. Vorgeschichtliche Forschungen. 1930. № 7. Berlin: de Gruyter.

Stein F. Bronzezeitliche Hortfunde in Süddeutschland. Beiträge zur Interpretation einer Quellengattung. Bonn, 1976. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 23).

Szabó G.V. Hortfunde und Siedlungen. Neue Fakten zum Kontext der spätbronzezeitlichen Deponierungen in Ungarn // Raum, Gabe und Erinnerung / Ed. S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta. Berlin, 2016.

Taylor R.J. Hoards of the Bronze Age in Southern Britain: analysis and interpretation. Oxford, 1993. (BAR, British Series. № 228).

Wilke G. Depotfund (Verwahrfund) // Reallexikon der Vorgeschichte / Hrsg. M. Ebert. Berlin, 1925. T. 2.

Willroth, von K.-H. Aspekte älterbronzezeitlicher Deponierungen im südlichen Skandinavien // Germania. 1985. Jb. 63. H. 2.

СТАТЬИ

УДК 902 (470.630) |636/637|
ББК 63.4(235.7)

Корневский С.Н.

НАЧАЛО МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА В РАЙОНЕ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ¹

Предлагаемая статья является обобщением материалов по истории ранних скотоводов, земледельцев и охотников V–IV тыс. до н.э., опубликованных в разное время и часто в труднодоступных изданиях по своеобразному району Кавминвод Центрального Предкавказья. Конкретно упоминающиеся в статье памятники находятся у г. Пятигорска (Константиновское плато), г. Лермонтов (Винсады), г. Кисловодска (Нежинские курганы, поселение Замок), поселка Иноземцево (курганы) (рис. 1).

В работе отмечаются раскопки на поселении Замок материалов нижнего слоя конца V тыс. до н.э., которые отражают культуру накольчатой жемчужной керамики. Другим населением являются племена протоямной культуры, которые принесли обряд подкурганного захоронения.

В IV тыс. до н.э. на Кавминводах распространяются памятники майкопского варианта майкопско-новосвободненской общности. Отмечено разрушенное курганное захоронение, включающее топор, мотыгу, долото и датированное второй четвертью IV тыс. до н.э. Во второй половине IV тыс. до н.э. на Кавминводах распространяются племена долинского варианта МНО.

В кургане 1 п. 14 могильника 1 Нежинской группы открыто захоронение прото-среднебронзового типа. Оно было совершено в каменной гробнице, опущенной в яму. Поза покойного человека отражала положение вытяну-

---

¹ Тема государственного задания: Динамика развития духовной и материальной культуры в эпоху энеолита-бронзового века (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток). НИИОТКР № 122011200270-0.

то на спине. Сопровождающий инвентарь содержал два сосуда, один из которых был сосудом майкопской культуры. Такой случай уникален для традиций захоронения эпохи средней бронзы с позицией вытянутых на спине костяков.

В статье рассматриваются изменения в климате, на фоне которых происходила смена эпох и народонаселения разных культурных групп, а также особенности культурных типов ранних земледельцев и скотоводов.

Ключевые слова. Медно-бронзовый век, Кавказские минеральные воды, майкопско-новосвободненская общность, долинский вариант, Мешоко.

Korenevskiy S.N.

THE BEGINNING OF THE COPPER-BRONZE AGE IN THE KAVMINVOD REGION OF THE CENTRAL CAUCASUS

The proposed article is a generalization of materials on the history of early pastoralists, farmers and hunters of the V - IV millennium BC, published at different times and often in hard-to-access publications on the peculiar Kavminvod region of the central Caucasus. Specifically mentioned in the article monuments are in Pyatigorsk (Constantine plateau), Lermontov (Vinsade), Kislovodsk (Neginskies kurgany), of Inozemtsevo (kurgany) (fig. 1).

The paper notes excavations at the settlement Zamok materials of the lower layer time of the end of the fifth Millennium BC, reflecting the population of the nakolchatoy gemchugnoy ornamented pottery culture I. Another population is the tribes of the proto-Yamnaya culture, who brought the rite of the burial.

In the IV millennium BC, monuments of the Maykop variant of the Maykop-Novosvobodnenskaya community were distributed on Kavminvody. A ruined burial mound was marked, including an axe, a hoe and a chisel, dated to the second quart of the IV millennium BC.

The tribes of the Dolinsky variant of the INR spread on the Kavminvody in the second half of the IV millennium BC. A proto-srednebronzovoe type burial was discovered in the burial mound 1, item 14 of the burial ground of the 1st Nezhinsky group. It was performed in a stone tomb, lowered into the pit. The pose of the deceased person reflected the position stretched out on his back. The accompanying inventory contained two vessels. One of which was a vessel of the Maikop culture. Such a case is unique for the traditions of the burial of the Middle Bronze Age with the position of the bones stretched out on the back.

The article deals with climate changes, against the background of which there was a change of epochs and population groups of different cultural groups, as well as features of cultural types of early farmers and pastoralists.

Keywords. Kavminvod region, Maykop-Novosvobodnenskaya community, Dolinsky variant, Mesoko.

Район Кавказских минеральных вод является одним из старейших курортных мест в России. Рельеф этого региона неоднородный. Он связан с невысокими всхолмлениями и более крупными возвышенностями, или даже горными плато. Через район Кавминвод идут удобные трассы к перевалам в Кабардино-Балкарию. Отроги возвышенностей достигают на юге р. Малки. На северо-западе Предгорный местность граничит с Минераловодским районом, который к Кавминводам прямого отношения не имеет.

Упомянутые в статье памятники находятся у г. Пятигорска (Константиновское плато), г. Лермонтов (Винсады), г. Кисловодска (Нежинские курганы, поселение Замок), поселка Иноземцево (курганы) (рис. 1).

Наиболее ранние свидетельства об оседлых носителях производящего хозяйства на Кавминводах связаны с поселением Замок под Кисловодском. Статья об этом памятнике была напечатана А.П. Руничем в 1967 г., где автор описал находки с южного склона мыса, которые появились в результате строительных работ, сам памятник был отнесен к эпохе энеолита [Рунич, 1967]. В 1972 г. культурная принадлежность поселения Замок была пересмотрена А.А. Формозовым и связана с майкопской культурой, к которой приписывались поселения, имеющие близкую керамику, такие как Мешоко и Ясенева Поляна [Рунич, Формозов, 1972].

Мои раскопки на поселении Замок начались в 1987 г. Они велись с целью выяснения культурной принадлежности находок А.П. Рунича. Объектом исследования стали находки на северном склоне мыса.

Всего были заложены 3 шурфа размерами 2 × 2 м. (рис. 2). Слой энеолита был достигнут только в одном из них, так как доступ к нему в других шурфах преграждали завалы крупных каменных глыб. Стратиграфия наклонных отложений в шурфах была одинакова. Под слоем аланокобанского времени находится слой эпохи средней бронзы. Под ним шел каменный завал из крупных блоков, упавших сверху. Слой энеолита находится под ними. Его толщина составляла 20 см. Цвет почвы энеолитического слоя имел каштановые оттенки. Ниже этого слоя залегал каменный конгломерат без следов растительности. Этот факт приводил к выводу, что каменный конгломерат на северном слое отражал очень жаркие условия климата, которые не давали образовываться почве до формирования слоя эпохи энеолита. Характер населения Кавминвод этого времени точно не устанавливается.

Анализ пыльцы растений, отобранной из энеолитического слоя, был выполнен Е.А. Спиридоновой. Он показал в коллекции высокое содержание пыльцы (81,8%) при незначительном содержании пыльцы маревых (3%). Та-

кие показатели отражали жаркий и сухой климат степей. Судя по хронологии памятника, в это время шла вторая половина атлантического периода голоцена после спада сильной жары на пике середины Атлантики. Появление почвы на северном склоне Замка отражало увлажнение климата на фоне очень жарких условий. Именно такие климатические перемены и обусловили появление носителей производящего хозяйства.

Находки энеолитического слоя Замка в основном представлены фрагментами керамики, мергелевыми браслетами, изделиями из кости, глиняными статуэтками (рис. 3). Керамический комплекс демонстрировал сосуды с тонкими стенками до 0,5 см. толщиной. Поверхность черепков была залощена как снаружи, так и изнутри. Цвета черепков были разными с внешней и внутренней поверхностей. Состав формовочной массы показывал большое количество примеси мелкой остроугольной дресвы. Венчики сосудов имели S-видный отгиб. Формы донных частей были округлыми или удлинённо подостренными. С энеолитическим слоем Замка связаны находки каменной наковаленки под металл, вкладышей серпов, наконечников стрел, а также серия плоских каменных тесел.

Датировка энеолитического слоя определяется по костяной цурке с отверстием и подвеске из клыка кабана с отверстиями по краям. Эти украшения указывали на время Триполья VI–VII [Корневский, 1998. С. 106]. Радиоуглеродные даты по кости из нижнего слоя конкретизируют время второй половины V тыс. до н.э. Ki 12711 5140 ± 90 BP 4040–3790 BC; Ki-12712 5540 ± 90 BP 4490–4320 BC [Корневский, 1998].

Хозяйственно-культурный тип обитателей Замка можно определить как стационар охотников, скотоводов и земледельцев. Находки зернотерок свидетельствуют о примитивном земледелии и собирательстве. Важным объектом охоты и трапез был благородный олень. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свинью. Изредка употребляли в пищу мясо лошадей. И здесь важно отметить, что кости лошади регулярно встречаются в небольшом количестве и на других поселениях предмайкопского энеолита, а также и на поселениях майкопской культуры [Корневский, 1998].

На Южном Кавказе кости лошади найдены на поселении Аликемектепеси культуры шулаери-шомутепе в VI–V тыс. до н.э. В литературе ставится вопрос о том, что они отражают две породы домашних животных [Нариманов, 1987. С. 153].

Поселение Замок входит в круг памятников общности поселений с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья (Мешоко, Мешоко-навес, Хаджохские навесы, Ясенева Поляна, хут. Веселый, Скала, Унакозовская пещера, Свободное). Дата этого блока памятников сопоставима с временем Триполья VI–VII [Корневский, 1998]. Сложение его неоднозначно, можно

полагать восточно-европейские компоненты и южные, ближневосточные традиции в керамике [Кореневский, 2008]. Ниже кратко отметим сюжеты синхронизации и важных открытий, связанных с этим типом памятников в Предкавказье.

Наиболее интересные раскопки по теме культуры накольчато-жемчужной керамики на поселении Мешоко-навес после работ А.А. Формозова 60-х годов были проведены С.М. Осташиным и Е.А. Черленком [Осташинский, Черленок, 2020]. На этом памятнике ими выявлено шесть слоев. Слой 3 относится к майкопской культуре, слои 5 и 6 – к культуре накольчато-жемчужной керамики.

Дата майкопского слоя 3 определяется в общем диапазоне 40–34 вв. до н.э. Слой 3 датируется 4900 ± 110 BP 3956–3381 BC.

Дата слоя 5 также относится к диапазону 40–34/33 вв. до н.э. (Слой 5 4590 ± 80 BP 3943–3386 BC).

Авторы датируют 5 слой 3800–3600 вв. до н.э. на основании части наибольших значений вероятности их общего диапазона. Они полагают, что майкопские материалы надо датировать моложе 3600 г. до н.э. Но это вряд ли так по следующим причинам. Диапазоны дат 14C нельзя дробить по показателям вероятностей, а надо брать целиком. Даты слоя 5 еще не определяют дату культуры НЖК в целом, так как ниже лежит слой 6 более раннего энеолита. События слоя 5 по полученной дате соответствуют времени племен майкопской культуры, уже появившихся в центральном Предкавказье.

Дата майкопского слоя 3 – это конкретный случай для Мешоко-навес. Авторы публикации о новых раскопках на Мешоко справедливо считают, что количество датировок слоев Мешоко-навес надо бы увеличить, для уточнения общей картины их хронологии.

На Южном Кавказе памятникам культуры НЖК соответствуют памятники культуры Сиони-Цопи. А. Сагона упоминает два периода культуры Сиони: ранний 5000–4000 BC и поздний 4000–3500 BC [Sagona, 2017. P. 203–212]. На поселении Дзедзвеби в слое культуры Сиони зафиксированы следы металлопроизводства. Дата слоя относится именно концу V тыс. до н.э. В это время уже идет изготовление орудий из мышьяковых бронз [Гаспарян, Кореневский, 2021. С. 53].

Хозяйство носителей культуры НЖК было связано со скотоводством и земледелием. Важно, что на поселениях энеолита Мешоко-навес найдены зерна мягкой пшеницы, двурядного ячменя, бобовых, льна [Осташинский, Черленок, 2020. С. 41–53]. На Мешоко можно отметить находку костей трёх особей кошки. Такая информация может отражать определенный интерес этих животных к грызунам, которые являлись нежелательными спутниками зернового хозяйства населения памятника [Осташинский и др., 2016].

Погребения носителей культуры энеолитического слоя Замка нам не известны. Для культуры накольчатой жемчужной керамики были обнаружены только три захоронения в слое Унакозовской пещеры [Корневский, Ловпаче. 2009].

Другим населением района Кавминвод в V тыс. до н.э. стали племена протоямной культуры, которые принесли в этот район курганный обряд захоронения. Так, на Константиновском плато под Пятигорском были раскопаны два кургана протоямной культуры, которые могли появиться именно в период существования культуры местного энеолита на поселении Замок. Оба кургана были небольшими, высота их насыпей колебалась от 0,6 до 1 м. Энеолитические захоронения сохранились под первыми насыпями этих памятников. Костяки в них лежали на спине скорченно и были обильно окрашены красной краской.

В кургане № 6, раскопанном в 2013 г. Я.Б. Березиным, были два основных захоронения №№ 26 и 28. Одно захоронение № 28 принадлежало взрослому мужчине 35–45 лет и одно № 26 содержало два младенческих детских костяка. Ямы погребений имели подпрямоугольные формы и были ориентированы по оси «запад – восток». В п. 28 зафиксирован отдельно лежащий фрагмент керамики. В п. 26 – небольшой раздавленный сосуд.

В другом кургане № 1 на Константиновском плато в 2010 г. (раскопки А.А. Калмыкова) основное погребение 8 было совершено в катакомбе и принадлежало женщине 25–35 лет.

Погребальный инвентарь в этих могилах был довольно типичен для времени степного энеолита. В погребениях взрослых встречены ножевидные пластины, каменный пест-отбойник. Он был зафиксирован в упоминавшемся выше женском погребении № 8.

В детском захоронении № 26 отмечены медные подвески-скорлупки, медный браслет – вещи высокого престижа для обряда захоронения взрослого человека [Корневский и др., 2019. С. 41–53].

Женское захоронение в катакомбе № 8 указывает на типичность такого обряда именно для женских и детских погребений эпохи энеолита [Корневский, 2016]. Всеобщим катакомбный обряд на юге Восточной Европы и в Предкавказье стал существенно позже, в III тыс. до н.э. До этого он эпизодически в IV тыс. до н.э. встречался у племен кумо-маньчской периферии майкопской культуры.

В итоге можно предположить, что на Кавминводах отразились древнейшие формы курганного обряда, датируемые в Предкавказье второй половиной V тыс. до н.э. [Корневский, 2012]. Появление здесь протоямных племен, как и носителей культуры нижнего слоя поселения Замок, могло быть связано с увлажнением теплого климата второй половины V тыс. до н.э.

Новая эпоха в истории населения Кавминвод началась с появлением племен майкопско-новосвободненской общности в IV тыс. до н.э. [Кореневский, 2019а,б]. Исследование ее носителей отражают два типа памятников, представленных двумя этапами. Ранний этап связан с памятниками майкопского (галогоавско-серегинского) варианта МНО. Поселения этого времени найдены у поселений Аликоновка и Индустрия (рис. 4) [Кореневский, 1998]. Поздний этап отражен материалами пос. Кирпичный [Кореневский, 2013а], погребениями могильника Иноземцевский (1976) [Кореневский, Петренко, 1982], курганом 5 II Нежинской группы [Кореневский, 1986; 2003], раскопками курганов Я.Б. Березиным у пос. Нежинский 2000 года [Березин, 2000; Кореневский, 2004б].

Работы на поселениях майкопской культуры на Кавминводах носили ограниченный характер. На поселении Аликоновское была обнаружена приставка к очагу, символизирующая культ богини – покровительницы жилища (рис. 4, 2) [Кореневский, 2013б].

Судя по определениям пыльцы растений Е.А. Спиридоновой из поселения Индустрия, на Кавминводах в эпоху МНО резко сократилось количество пыльцы. Оно составило 6,9% против 81,8% в эпоху энеолита. Возросло количество злаковых – 34,5%, против 10,1%. Климат стал более влажным, но жара еще сохранялась. Доля маревых растений возросла с 3% в эпоху энеолита до 13,8%. Увеличилось и количество пыльцы древесных растений – до 18% против 3,1 в эпоху энеолита. Такие показатели иллюстрируют комфортные условия для земледельцев и скотоводов, занятых пастбищным выпасом домашнего скота. Состав костных остатков на поселениях Аликоновское 1 и Индустрия составляют в основном кости крупного и мелкого рогатого скота.

Разрушенное поселение племен долинского варианта «Кирпичный» изучалось у г. Ессентуки. Культурный слой его был размыт и мало информативен [Кореневский, 2013а].

Среди памятников раннего этапа МНО особое внимание могут привлечь данные могильника Винсады в г. Лермонтов, северо-восточнее г. Пятигорска. Курганы раскапывались Я.Б. Березиным. Затем они были записаны в отчет А.В. Лычагина [Лычагин, 2016]. Находки после сдачи отчета были переданы в фонды Пятигорского музея. Сейчас эти вещи выставлены в его экспозиции.

Оба погребения майкопской культуры в этих курганах были разграблены еще в древности. Набор вещей из п. 11 к. 2 очень интересен. Его уже упоминал в своей статье Ю.Ю. Пиотровский [Пиотровский, 2020. С. 150]. Этот комплекс вещей включает втульчатый топор, мотыгу и желобчатое долото на медной основе (рис. 5, 11–13).

По крупному размеру отверстия втулки около 3 см. топор соотносится с топорами 1 майкопской группы, но сильный скос лезвия назад сближает его с топорами типа Лечинкай [Кореневский, 2011. Рис. 47]. К группе последних топоров он скорее всего и принадлежит. Топоры группы Лечинкай локализованы в центральном Предкавказье и Прикубанье. Один известен в Армении (с. Айрум) [Кореневский, 2011]. Важно отметить, что при реконструкции насада на рукоять клин топора был приподнят (рис. 5, 14).

Мотыга на медной основе металла имеет наклон клина вниз относительно насада на рукоять около 20 градусов. В литературе появилось мнение, что это орудие связано с деревообработкой и является втульчатый теслом [Пиотровский, 2020. С. 148–152]. Каких-либо аргументов в пользу такого мнения не приведено. Поэтому рассмотрим этот вопрос более детально.

Все майкопские мотыги (Майкопский курган; Галюгаевское поселение; Псекупский могильник, п.150; Заманкульский могильник, п. 70, к. 1; Винсады-4, к. 2, п. 11) очень похожи друг на друга и их тип был рассмотрен ранее, еще в работе 2011 г. [Кореневский, 2011. С. 80–85]. Прямых аналогов на Ближнем Востоке майкопским мотыгам нет. Но наиболее близки им мотыги из Ирана времени Суз В [Tallon, 1987. № 528, 529]. Мотыги из Суз В имеют широкий лопатообразный клин и незначительно выделенную снизу втулку [Tallon, 1987]. В это время никаких втульчатых тесел не зафиксировано.

Орудия с длинным втульчатым насадом и горизонтально поставленным клином в Иране и Месопотамии Е. Таллон фиксирует только во время ранних династий, примерно, с XXV в. до н.э.

В сводке Е. Таллон клин иранского втульчатого «тесла» более узкий по сравнению с мотыгами времени Суз В. Он нередко заужен посередине и заметно отличается от клиньев мотыг более древнего времени Ирана и майкопских мотыг. На некоторых иранских экземплярах лезвие скруглено [Tallon, 1987. № 533, 536].

На применение втульчатых мотыг в аграрной деятельности может указать довольно сильный угол скоса клина по отношению к рукоятке. Наклон клина мотыги к оси рукоятки хорошо прослеживается по этнографическим параллелям у земледельцев Египта и Месопотамии [Tallon, 1987. № 533, 534, 537].

В мифах о Гальгамеше, проиллюстрированных на отгисках печатей, отражен акт рубки им дерева по заказу богини Инанны. Рабочим инструментом Гильгамешу служит плоское тесло, крепящееся к коленчатой рукояти, не втульчатое орудие (рис. 6). Таким образом, втульчатое тесло для металлообработки урукского периода или IV тыс. до н.э. – это вещь не аргументированная.

В другом историко-культурном регионе энеолита дунайских культур Балканские комплексные топоры являются топорами-молотами или топора-

ми-мотыгами. Их горизонтально поставленный клин на обушной части к деревообработке не приспособлен [Кореневский, 2017. С. 170].

Долото из п. 11 к. 2 могильника Винсады черенковое длиной 14,3 см могло использоваться как узкая стамеска для тонких столярных работ (рис. 5, 13).

Теперь отметим один существенный момент. Сочетание в комплексе бронзового топора, инструментов деревообработки, мотыги трижды зафиксировано в погребениях майкопского варианта МНО и является статусным набором для захоронения элиты высшего ранга, судя по комплексам Майкопского кургана, к. 1 п. 70 могильника Заманкул, п. 11 к. 2 могильника Винсады (рис. 5, 1,2,3).

Дата погребения 70 к. 1 могильника Заманкул (4820 ± 70 BP 3640–3500 BC) [Кореневский, 2011]. Дата п. 11 к. 2 мог. Винсады 4915 ± 35 BP 3709–3652 BC. Она была выполнена в Познани по дереву, сохранившемуся во втулке бронзового топора. К приведенным выше датам близки даты слоя, в котором была найдена мотыга на пос.Орджосани в Грузии – 3656–3543 BC и 3628–3385 BC [Gamabshidze, 2019. С. 81].

Три значения приведенных выше дат отражают одно и то же время в рамках конца первой половины IV тыс. до н.э. Находка в Грузии может иметь несколько больший диапазон от второй четверти до середины IV тыс. до н.э. По всей видимости, ко второй четверти IV тыс. до н.э. можно относить и сам Майкопский курган. Это время намного более древнее, чем дата царского кладбища в Уре. Важно также подчеркнуть, что нигде на Ближнем Востоке нет такого сочетания вещей в захоронениях знати, как и своеобразных топоров типа Лечинкай. Все это отражает сложение у майкопских племен собственной металлообработки и использование ее продукции для подчеркивания престижа захоронений знати. Данный тезис подтверждает мнение М.И. Ростовцева о том, что древности Майкопского кургана связаны с местным производством [Rostovzcheff, 1922. P. 26–28]. Этот тезис неоднократно поддерживался автором этих строк на полученных в 70–80-х годах материалах по майкопской культуре [Кореневский, 1988б, 2004а, 2011, 2017].

Новые находки втульчатых топоров майкопской культуры служат материалом для постановки вопросов о появлении этого оружия на Кавказе. Сейчас проблема втульчатых топоров типа Майкоп-Новосвободная-Баньябюк активно обсуждается в фундаментальных работах В.Я. Дергачева [Дергачев, 2021], В.И. Ключко (2019), С. Хансена [Hansen, 2018] при широком охвате современного материала.

Процесс развития МНО на Кавминводах представлен редким погребением к. 1 п. 15 псекупского варианта могильника Занозина Балка с крупным уплощенным сосудом и кинжалом с намечающимся черенком. На нем замет-

ны характерные насечки для более раннего типа кинжалов майкопского варианта (рис. 7) [Кореневский, 2004а. С. 186, рис. 56, 1–3].

Более ощутима смена ранних майкопских памятников на Кавминводах памятниками долинского варианта МНО. Она произошла в начале второй половины IV тыс. до н.э. Самое информативное и богатое захоронение этого варианта было раскопано В.Г. Петренко в 1976 году у пос. Иноземцево (рис. 8, 9) [Кореневский, Петренко, 1982]. Захоронение было частично разрушено. Его огромная яма подромбической формы имела размеры по стенкам около 4 м. В погребении сохранился разнообразный и богатый инвентарь, отражающий военно-производственную символику набора, а также символику устройства пира. Он состоял из двух бронзовых топоров, двух кинжалов, тесла, втульчатой вилки, шила, трех клепаных котлов, кремневого жатвенного ножа, набора из 9 наконечников стрел со скошенными основаниями. Из украшений сохранились боченкообразные золотые бусы, серебряные накладки, а также иные находки.

Важно отметить, что бронзовые клепаные сосуды имели следы копоты и были в оплетках. Один из них демонстрировал явные дефекты в строении тулова. Оно было разорвано в некоторых местах. Другой сосуд был смят сверху так сильно, что восстановлению в камеральных условиях не подлежал [Кореневский, Петренко, 1982]. Этот случай является одним из примеров намеренной порчи сосудов при погребальных обрядах майкопско-новосвободненской общности [Кореневский, 2021б].

Керамические сосуды этого комплекса были украшены орнаментами в стиле «паркета», связанного с подчеркиванием символов культа плодородия [Кореневский, 2021а]. В состав утвари рассматриваемого захоронения с типичными долинскими сосудами входила также реберчатая миска майкопского варианта МНО. Это доказывает, что между раннемайкопскими и долинскими племенами была связь, и в какой-то момент они были синхронным населением.

Погребение датируется XXXV–XXXIV вв. до н.э. (GrA-21372 4630 ± 50 BP 3499–3349 BC) [Кореневский, 2011. С. 29]. Оно древнее знаменитой Нальчикской гробницы (4410 ± 25 BP 3092–2943 BC) [Belinskij et al., 2017. P. 13–32].

На территории Кавминвод под Кисловодском были открыты и другие захоронения с бронзовыми котлами или с воинской символикой МНО. Таково погребение из разрушенного кургана у Автозаправки [Кореневский, 2011. рис. 90] и погребение 13 в к. 5 II Нежинской группы (рис. 9) [Кореневский, 2003. С. 276–285]. В нем был похоронен мужчина в возрасте около 40 лет. Яма захоронения имела прямоугольную форму с размером 3 м по длинной стенке. Дно ямы было выложено галькой, стены прикрыты слоем чернозема, а поверх – покрывалом, оставившим сиреневый тлен.

Покойный лежал на правом боку скорчено. Под головой зафиксировано золотое колечко. На его черепе красной краской проведена полоса над глазницами. Возле черепа найдены два наконечника стрелы, черенковый кинжал, стержень с изгибом и два сосуда. Оба горшка были украшены проложенным орнаментом в стиле паркета.

Один сосуд был целым, второй разбит на кусочки (рис. 9, 7) и целиком не восстанавливался. Его осколки были встречены в заполнении ямы с самого верха и зафиксированы на дне. Расчистка погребения «на скальпель» исключает вероятность нарушения корпуса горшка во время раскопок. Сосуд явно был разбит при похоронах, и часть его была брошена в заполнение.

На приступках могилы были найдены семена «воробейника». Воробейник является лекарственным средством. Он служит для обезболивания, жаропонижения, является противовоспалительным лекарством.

Вокруг насыпи кургана с майкопскими погребениями в могильнике Винсады на Кавминводах могли возводить кромлех [Лычагин, 2016].

Позднее погребение переходного времени от эпохи раннего бронзового века к среднему отражает уникальное захоронение 14 кургана 1 Нежинской группы (рис. 10, 11). Оно было открыто в 1982 году, и пока за 40 прошедших лет ничего аналогичного ему в Предкавказье найти не удалось. Ранее о нем упоминалось в работах автора 1988а и 1990 годов [Кореневский, 1988а; 1990].

Захоронение было основным и устроено с уровня погребенной почвы. Над погребением был возведен крупный каменный навал, имеющий по линии «север-юг» диаметр 4 м. Высота навала составляла 1 м. Его перекрывает первая насыпь (№ 4 по отчету) диаметром 8–9 м. Насыпь состояла из темного грунта, близкого по цвету к чернозему. Она была обнесена кромлехом, который сохранился только частично. Поверх первой насыпи была насыпана желтая прослойка материкового грунта толщиной 10–20 см.

Могильная яма вырыта с уровня погребенной почвы. Она имела прямоугольную форму, и была ориентирована по линии «запад-восток». Длина ямы составляла 3,1 м ширина 2,6 м. Дно могилы находилось ниже уровня погребенной почвы на 2 м. На дно был поставлен каменный ящик, длина которого составляла 2,1 м., а ширина 0,6 м. Ящик был сложен из 4 массивных плит. Размер длинных стенок плит достигал 2,2 м при толщине 0,25 м. Изнутри все щели были проложены мелкими камнями, а углы промазаны глиной, сохранившей отпечатки рук. Глина имела зеленоватый оттенок и была подкрашена красной краской. Высота стенок ящика от верхнего края до дна колеблется до величин 80–95 см. Западная стенка была поставлена на горизонтальную кладку плит, чтобы выровнять верхний край стенки. С внешней стороны ящик был обложен каменными плитами, которые дополнительно закрыли все щели по углам конструкции (рис. 10).

Пространство между этими плитами и стенками ямы было заполнено чистым черноземом до самого верха ящика. С этого уровня ящик перекрывался крупными плоскими плитами, которые образовывали подобие ложного свода на высоту до 70 см. Поверх залегал каменный навал из плотно подогнанных камней, четко вписанных в размеры ямы и подогнанных друг к другу (рис. 10, 1). Камни были так плотно уложены, что кирка с трудом проникала между ними.

Внутри ящика лишь небольшой слой земли прикрывал скелет взрослого человека, который лежал вытянуто на спине, черепом на восток. При расчистке кости стали рассыпаться от соприкосновения с воздухом. Неполнота скелета помешала определению пола и возраста. Под костяком прослеживался бурый тлен, под которым фиксировался белый тлен. Под тазом отмечены мелкие угольки. Пятна красной краски были заметны на стенках ящика.

Находки концентрировались по углам ящика. В северо-восточном углу возле черепа лежал сосуд № 1 охристо-кремового цвета с двумя ручками-ушками на тулове ниже горла (рис. 11, 2). Сосуд имел овальное дно. Частично стенки тулова отслоились и обнажили небольшое отверстие. Более крупное отверстие находилось у дна сосуда. Поверхность вокруг него была залощена и затерта.

Под сосудом лежал небольшой бронзовый черенковый кинжал длиной 8,6 см (рис. 10, 26). Рядом с сосудом, ближе к стенке, находились два отщепы обсидиана и три отщепы кремня, 4 небольшие гальки, а также каменный растиральный со следами охры (рис. 10, 12–21). Слева от черепа была зафиксирована трубочка, свернутая из листа меди, на которую была наложена бронзовая обойма (рис. 10, 7). Длина трубочки 23 мм. На дне погребения была найдена другая часть трубочки длиной 17 мм.

Справа от черепа лежала серебряная подвеска, свёрнутая в три оборота. Концы подвески расплющены «лопаточкой» (рис. 10, 8). В области груди обнаружена одна грушевидная буса-капелька из сердолика, одна дисковидная сердоликовая буса, две каменные дисковидные бусины, две цилиндрические бусины (рис. 10, 9–14). В юго-западном углу, на боку, лежал другой сосуд № 2 (рис. 10, 27).

Сосуд № 1 имеет высоту 12,5 см. По определению И.А. Гей в тесте сосуда есть примесь дресвы в концентрации 1:3. Сосуд изготовлен при помощи устройства типа РФК-2,3. Его формовочная масса образована из смеси двух глин ожелезненной и нежелезненной (рис. 11, 2).

Сосуд № 2 имеет горшковидную форму и плоское дно, его высота 20 см. Внешняя поверхность сосуда залощена и на ней заметны охристые красноватые пятна разводов. На внутренней поверхности есть следы заглаживания травой. Верхнюю часть тулова украшают три ряда продавленных по сырью

глине вышуклин-жемчужин. Формовочная масса включает среднезернистый шамот в концентрации 1:3, 1:4. Горшок изготовлен на устройстве, типа поворотного столика, выполняющего функции РФК-1,2 (рис. 11, 7-9).

Дата погребения, вероятно, связана с началом III тыс. до н.э. По своему характеру это было захоронение предсреднебронзового времени, сочетающее черты обрядности эпохи средней бронзы и традиции инвентаря майкопско-новосвободненской общности. Так, долиньские традиции погребений элиты допускали захоронение сородича в каменном ящике, но его строили на поверхности земли, не скрывая в яме. Майкопский обряд предполагал погребение в скорченной на боку позе.

При раскопках пространства вблизи погребения 14 на уровне погребенной почвы был найден фрагмент венчика сосуда довольно необычного для майкопской культуры вида. Размеры черепка 10 x 9 см. Толщина черепка 12 мм (рис. 11, 1). Внешняя поверхность в верхней части тулова бурого цвета, покрыта сплошным орнаментом в виде пояса ногтевых защипов длиной 10 мм, ниже располагаются четыре ряда округлых врезных отпечатков длиной около 15 мм. Они образуют линии в виде елочного узора. Внутренняя сторона черепка покрыта расчесами, такими же, как на сосуде № 2 из п. 14. При сильном увеличении в формовочной массе видны отпечатки стеблей травы, которыми заглаживали внутреннюю поверхность. Последняя имеет красноватый оттенок и след черного пятна копоти. Черепок, видимо, был под воздействием огня.

Формовочная масса черепка рыхлая, пористая, видимо с большой примесью навоза. Заметны включения остроугольного песка. Обжиг сосуда был плохой. Такой фрагмент керамики находит аналогии среди черепков среднебронзовой эпохи поселения Замок [Корневский, 1988а]. Его оставили люди эпохи средней бронзы, которые, видимо, были причастны к захоронению 14. Но они не были людьми майкопско-новосвободненской общности.

Подводя итог, прежде всего, отметим, что в представленной работе показаны памятники района Кавказских минеральных вод V-IV тыс. до н.э., исследованные до 2019 года. Это важнейшие сведения о начале меднобронзового века в данном регионе, иллюстрирующие динамику культуры, которая находилась в определенной связи с природными изменениями. В данном взаимодействии проявлялись общие закономерности эпохи и конкретная специфика местных условий.

Литература:

Березин Я.Б. Отчет о раскопках курганного могильника "Иноземцево-1" на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24526, 24527, 24528. Ставрополь, 2000.

Гаспарян Б., Корневский С.Н. Клад бронзовых орудий начала медно-бронзового века у села Двин (Центральная Армения) // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 49, № 2, 2021.

Дергачев В.Я. Топоры типа Майкоп-Новосвободная-Баниябик. Классификация / типология // Diachenko A., Harper T.K., Rassamakin Yu., Sobkowiak-Tabaka I., (eds.) 2021. Data systematization in the Neo-Eneolithic of Southeastern and Central Europe: Essays in honor of Sergej Ryzhov. Kyiv: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2021.

Клочко В.І. Металеві сокири раннього етапу ямної культури України // Археологія і давня історія України 2(31). 2019.

Корневский С.Н. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в Ставропольском крае в 1986 г. Ф-1. Р-1. № 10926. Альбомы иллюстраций к отчету: № 10926а-10926в. М., 1986.

Корневский С.Н. Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод. М., Депонент ИНИОН РАН, 1988а, N 36109.

Корневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988б.

Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века центрального Предкавказья. М., 1990.

Корневский С.Н. Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск 1. Археология. Ставрополь, 1998.

Корневский С.Н. Новые сведения о погребениях майкопской культуры из Кисловодской котловины // Горизонты антропологии. М, 2003.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М, 2004а.

Корневский С.Н. Майкопские погребения кургана 3 могильника Иноземцево-1 // У истоков цивилизации. М: Старый Сад, 2004б.

Корневский С.Н. Поселение энеолитической эпохи Предкавказья Ясенева Поляна и культура накольчатой жемчужной керамики Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008.

Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М: Таус, 2011.

Корневский С.Н. Рождение кургана. М: Таус, 2012.

Корневский С.Н. Раскопки поселения и могильника Кирпичный (теоретический аспект методики работ и практические результаты // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир-Краснодар, 2013а.

Корневский С.Н. Культ жилища и очага у племен майкопско-новосвободненской общности (к проблеме символики обитаемого пространства) // *Stratum plus*. 2013б. № 2.

Корневский С.Н. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей. КСИА. 2016. Вып. 245.

Корневский С.Н. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V-IV тысячелетия до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. Научный редактор акад. Молодин В.И. Изд. Ин-та археологии РАН. М., 2017.

Корневский С.Н. О хронологии майкопско-новосвободненской общности в свете новых данных и дискуссий // КСИА. 2019а. Вып. 257.

Корневский С.Н. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии и хронологии на современном этапе изучения // Мобильность и миграция. Концепции, методы, результаты. V Международный симпозиум. Новосибирск, 2019б.

Корневский С.Н. Орнаменты – символы плодородия в материальной культуре населения Предкавказья на заре медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15. Оренбург, 2021а.

Корневский С.Н. Традиция порчи сосуда – истоки по данным археологии Предкавказья // История, археология и этнография Кавказа. Вып. 17. Махачкала, 2021б.

Корневский С.Н., Петренко В.А. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА, № 2. 1982.

Корневский С.Н., Ловпаче Н.Г. Погребения энеолитической эпохи в Унаковской пещере предгорной Адыгеи // Материалы по археологии Северного Кавказа. № 10 Армавир, 2009.

Корневский С.Н., Дитлер П.А. Поселение Ясеновая Поляна как археологический источник по эпохе энеолита и культуры накольчатой жемчужной керамики Предкавказья // Археология Адыгеи. Майкоп, 2009.

Корневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Грески Ю. Новые погребения протоямной культуры на Ставрополье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. М., 2019.

Лычагин А.В. Отчет о раскопах памятников археологии на Кавминводах, проведенных в 2014 году ГУП Наследие кургана Виноградский 2, курганного могильника Винсады-4, Скачки 3. Ставрополь, 2016 // Архив ИА РАН №№ 55068. Ставрополь, 2016.

Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987.

Остаинский С.М., Черленок Е.А., Лоскутов И.Г. Новые данные о земледелии северо-западного Кавказа // Археологические вести. С-Пб., 2016. Вып. 22.

Остаинский С.М., Черленок Е.А. Стратиграфия навеса Мешоко и проблема соотношения культур энеолита – бронзового века на Северо-Западном Кавказе // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и раннежелезном веке: диалог культур и культура диалога. Berlin: Ditrich Reimer Verlag, 2020.

Пиотровский Ю.Ю. Майкопский курган (Ошад). От археологического памятника к археологическому источнику // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и раннежелезном веке: диалог культур и культура диалога. Berlin: Ditrich Reimer Verlag, 2020.

Рунич А.П. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА, 1967. № 1.

Рунич А.П., Формозов А.А. Новые памятники первобытной культуры в районе Кавказских минеральных вод // КСИА. 1972. Вып. 132.

Belinskij A., Hansen S., Reinhold S. The Great Kurgan from Nalčik. (A Preliminary Report) *Subartu* (XXXVIII At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology). Brepol, 2017.

Gambshidze I. Die spätchalkolithische Siedlung Orchosani (Südwestgeorgien) // Gold & Wein Georgiens älteste Schätze. Begleitband zur Sonderausstellung 6 Oktober 2018–10 Februar 2019. Archäologisches Museum Frankfurt, 2019.

Hansen S. Axes and Metal Deposits in the Caucasus from the 5 th to the 2nd Millennium BCE // The Caucasus Bridge between the urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4 th and 3 rd millennium BC The transfer of knowledge and technologies between East and West in the Bronze Age. Brücke zwischen den urbanen Zentren Mesopotamiens und der pontischen Steppe im 4. und 3. Jahrtausend v. Chr Der Transfer von Wissen und Technologien zwischen Ost und West in der Bronzezeit. Proceedings of the Caucasus conference / Ergebnisse der Kaukasus-Konferenz, Frankfurt am Main, November 28 – December 1, 2018.

Rostovzheff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

Sagona A. The archaeology of the Caucasus From Earliest Settlements to the Iron Age University of Melbourne 2020.

Tallon F. Metallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIII-e avant J.-C. (1, 2). Paris, 1987.

Рис.1. Карта памятников Кавминвод

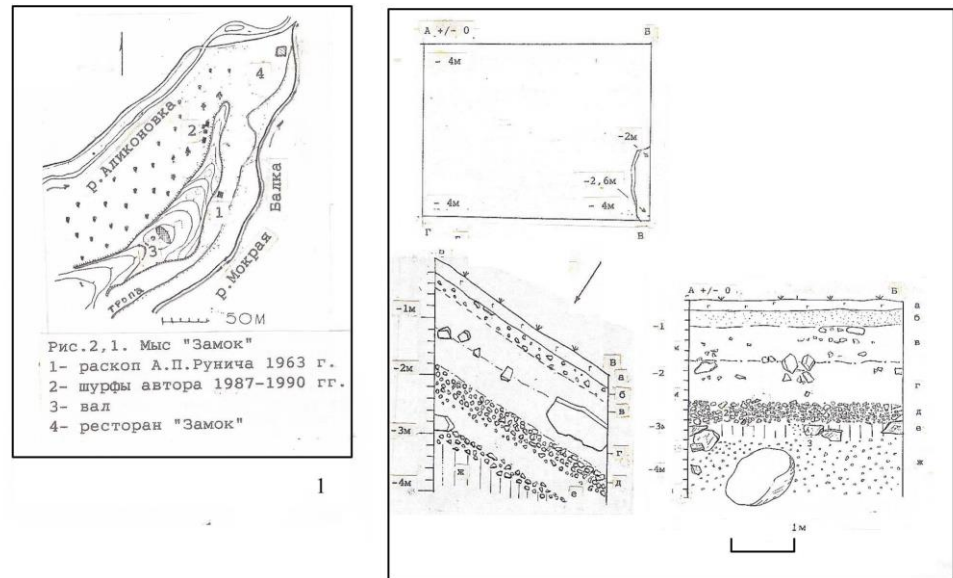

Рис.2. Поселение Замок

Позиция 1. План поселения. На позиции: 1 - раскоп А.П.Рунича 1963 г.,
 2 - шурфы автора 1987-1990 г., 3 - вал, 4 - ресторан Замок

Позиция 2. Чертеж шурфа 1990 г на поселении Замок.

На позиции: 1 - план шурфа, 2 - боковая, южная стенка шурфа,
 3 - фас, восточная стенка шурфа. Обозначения слоев: а - дерновый слой,
 б - современный почвенный слой под дерном, в - алано - кобанский слой,
 г - слой эпохи среднего бронзового века,
 д - каменный завал над слоем энеолита,
 е - слой эпохи энеолита, ж - каменный конгломерат под слоем энеолита.

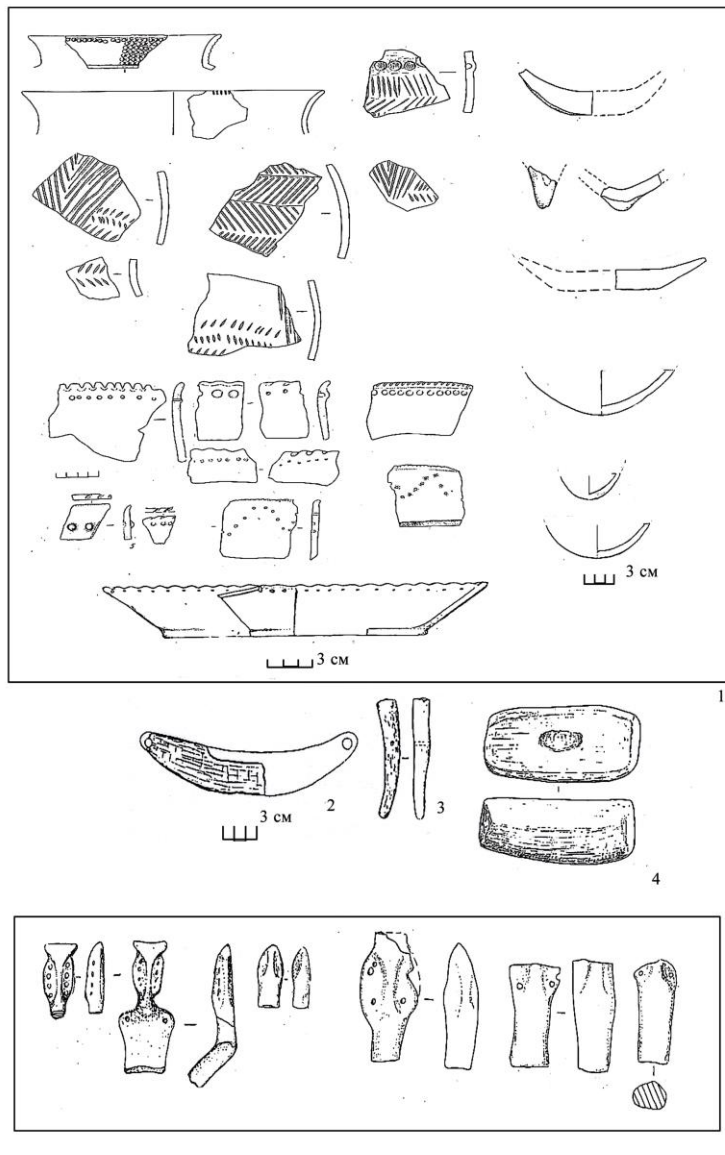

Рис.3. Находки на поселении Замок в слое энеолита
1 - образцы керамики, 2 - костяная пектораль,
3 - костяная палочка с отверстием,
4 - каменная наковаленка, 5 - фрагменты глиняных статуэток

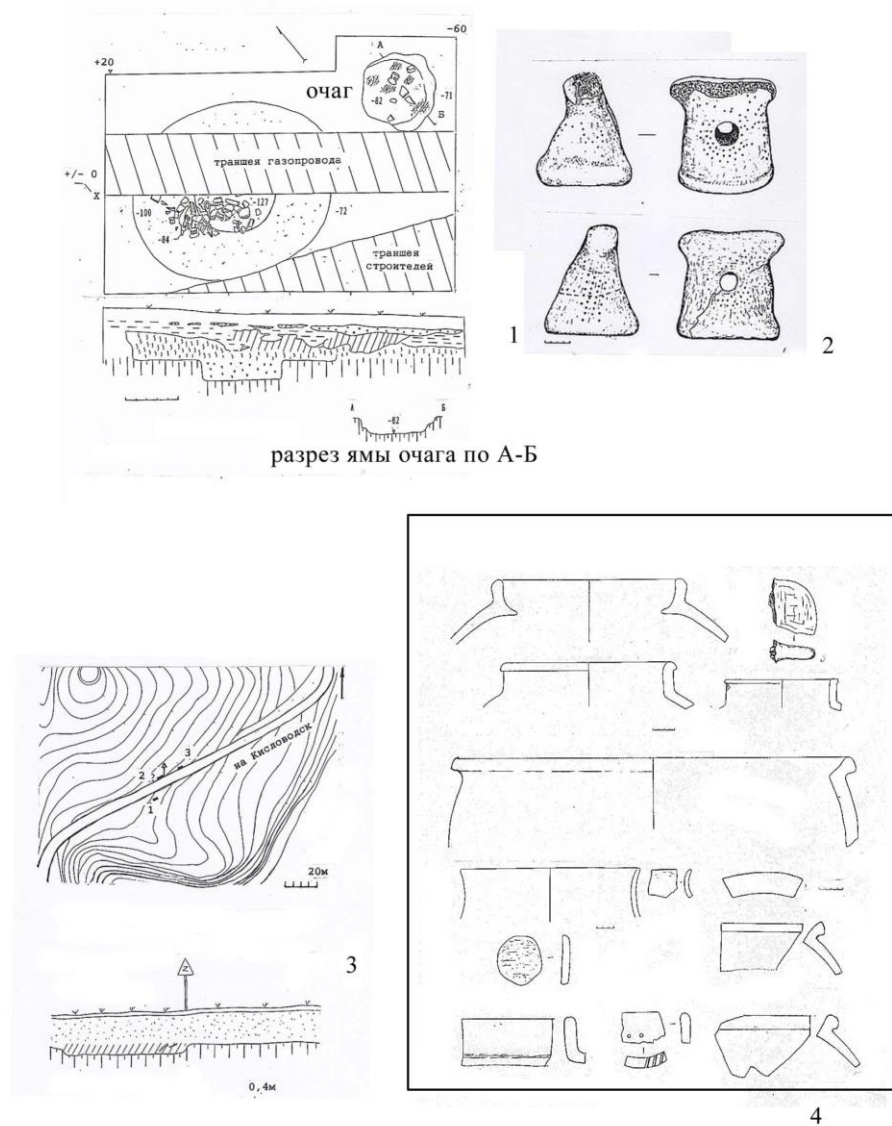

Рис. 4. Поселения Аlikоновоcкое и Индуcтрия
 1 - поселения Аlikоновоcкое. 2 - находка приочажной приставки,
 3-поселение Индуcтрия план мыса и разрез cлоя
 (на позиции 1 - 3 разведочные шурфы),
 4 - керамика поселения Индуcтрия

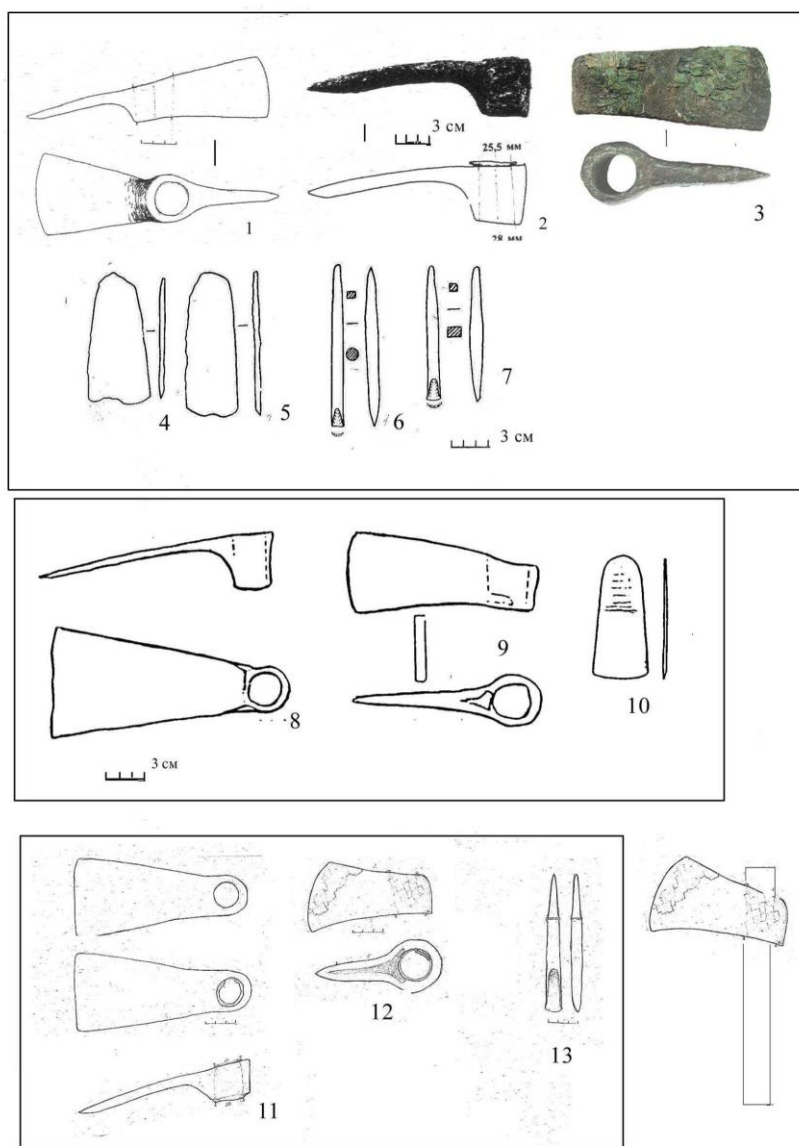

Рис. 5. Наборы орудий и оружия статусного значения
 1 - 7 Майкопский курган, 8 - 10 - п.70 к.1 могильник Заманкул,
 11-14 - Винсады-4 к.2 п.11. 14 - реконструкция насада топора на рукоять
 по определению характера отверстия втулки.

Рис. 6. Отгиск печали с изображением Гильгамеша, рубящего дерево. (Аккадское время)

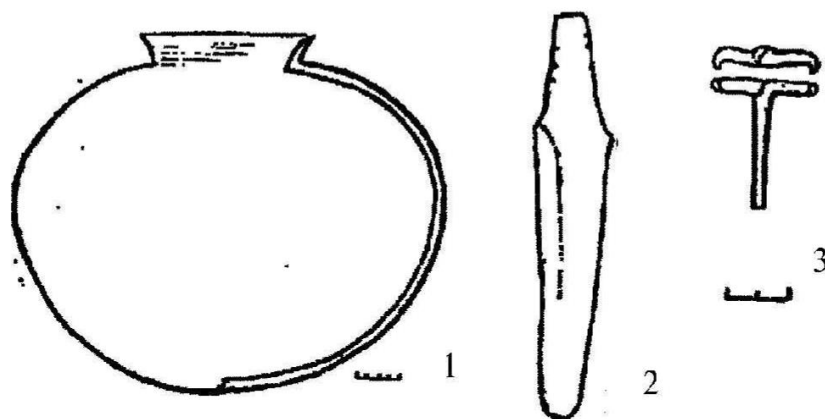
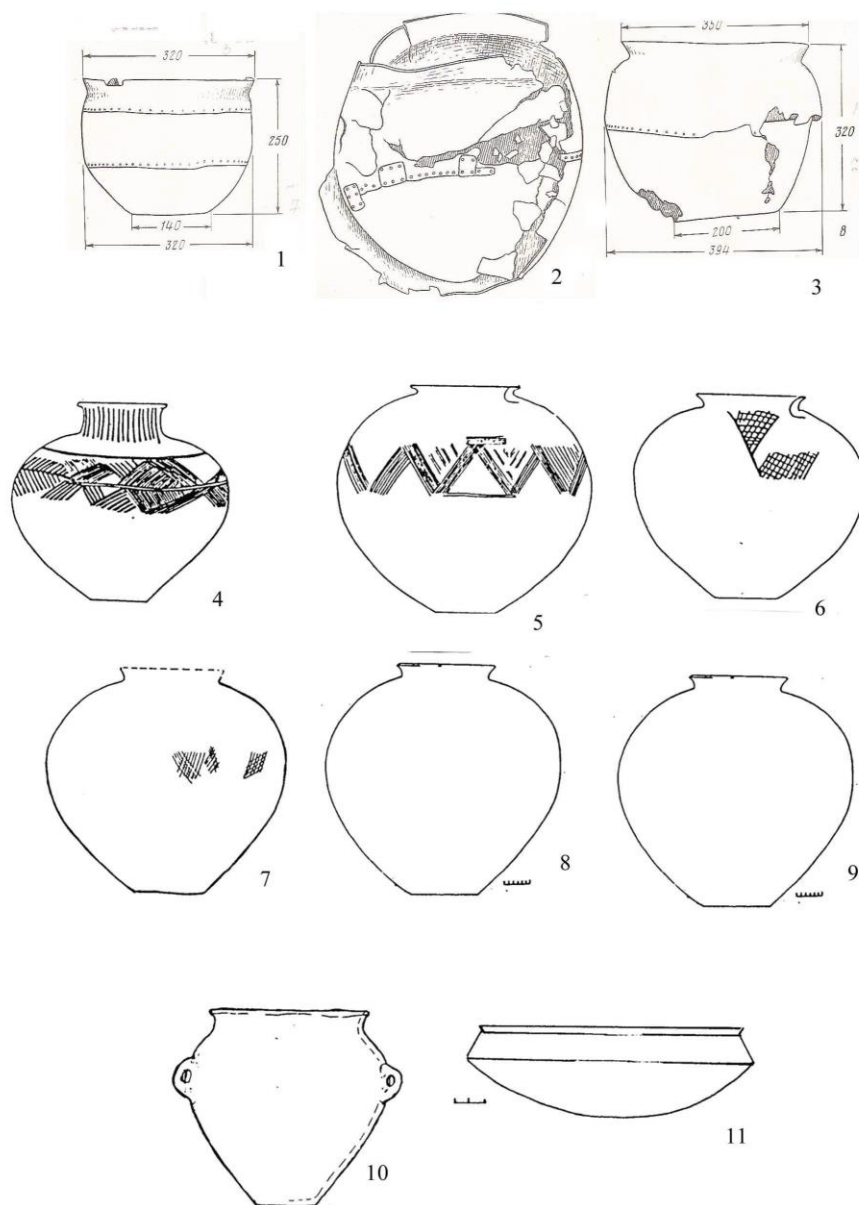
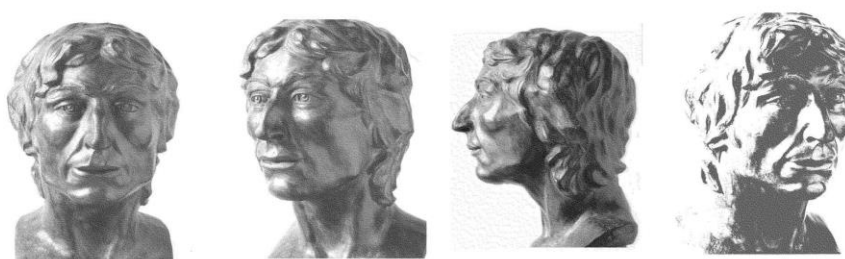

Рис. 7. Курган «Занозина Балка», п.15
1- сосуд, 2 - кинжал, 3 - булавка костяная

2- Рис. 8. Курган в пос. Иноземцево 1976
3-1-3 - бронзовые котлы, 4 - 11 - керамика

1

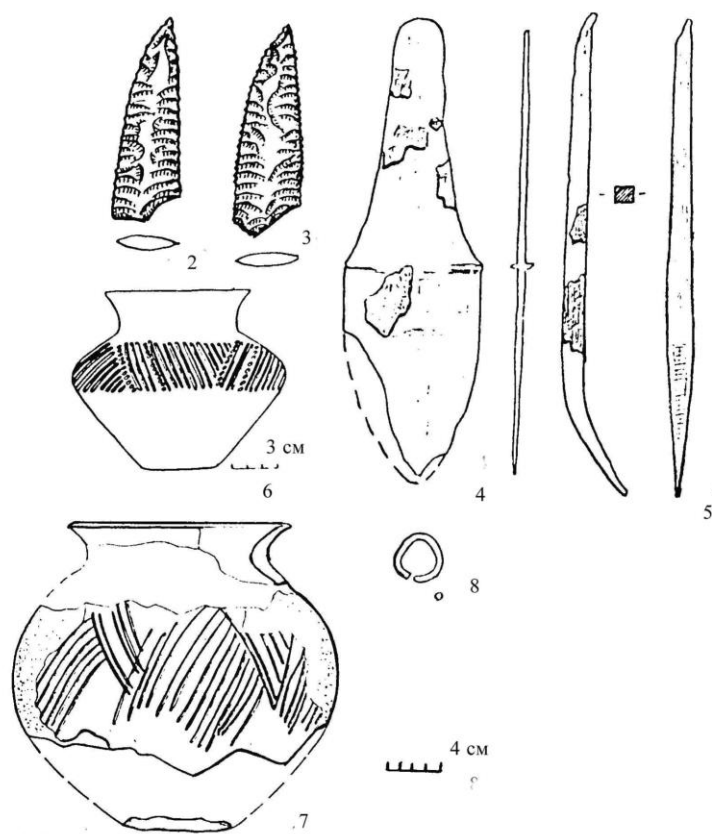

Рис. 9. Курган 5 п.13 II Нежинская группа
 1 – реконструкция по черепу погребенного п.13 к.2, 2, 3 наконечники стрел,
 4- кинжал бронзовый, 5 – стержень бронзовый, 6 – сосуд черного цвета,
 7 – сосуд охристого цвета, 8 – золотая подвеска

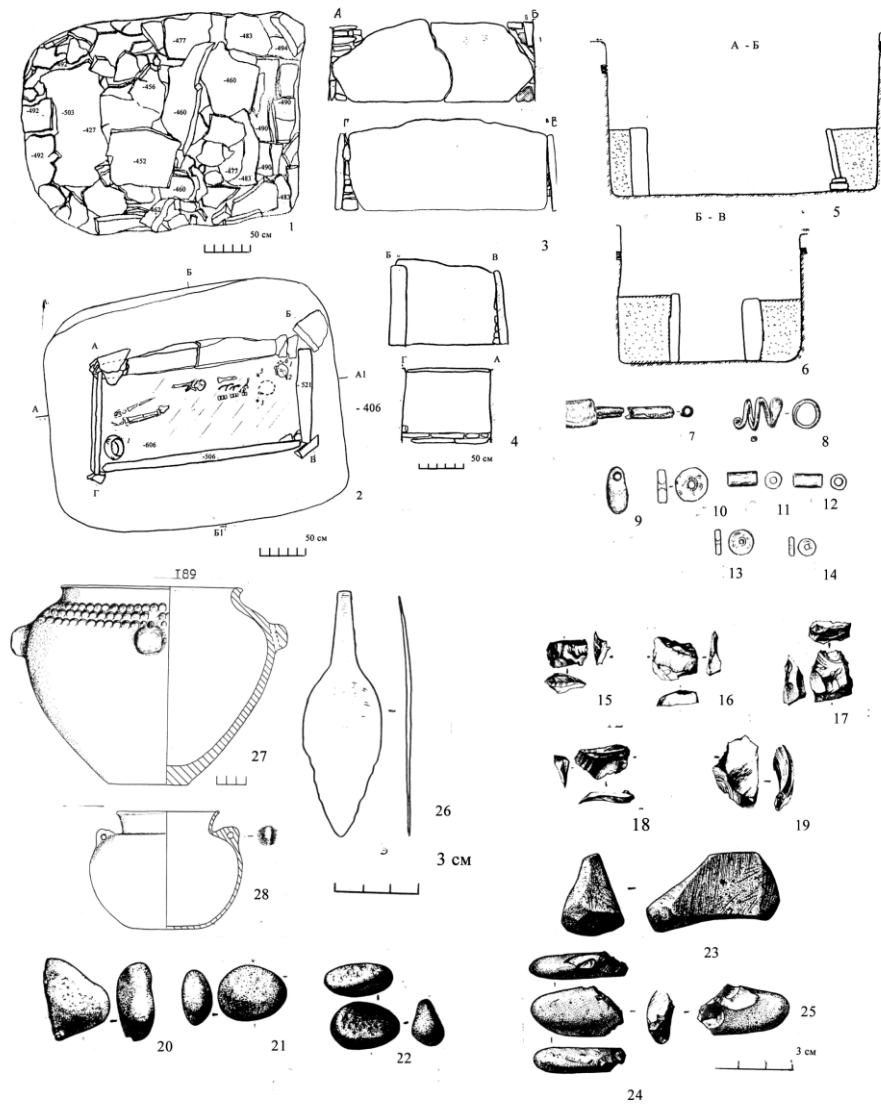

Рис.10 Погребение 14 кургана 1 I Нежинской группы
 1 - 6 план погребения и разрезы ямы, 7 - бронзовая обойма, 8 - подвеска на серебряной основе, 9,10 - сердоликовая бусина, 11,12 - пастовые бусы, 13,14 - каменные бусы, 15-19 - обсидиан, 21-22, 24,25 - гальки, 23 - терочник на гальке, 26 - кинжал на медной основе, 27, 28 - сосуды.

Рис. 11. Керамика из погребения 14 и черепок из кургана, найденный вблизи п.14 I Нежинской группы
 1,2 - черепок из слоя у погребения 14, 3 - 6 сосуд круглодонный 7,8 - сосуд плоскодонный, 9 - орнамент на плоскодонном сосуде

УДК 903.53(470.44) |637.7|: 902.2: 378.4 (470.44-25)]|1930|:
[069:980](470.44-25)++929Рыков
ББК 63.4 (235.54)

Малов Н.М.

ПЕРВЫЙ ЧАРДЫМСКИЙ КУРГАН ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
С КОЛЛЕКТИВНЫМИ МОГИЛАМИ: РАСКОПКИ П.С. РЫКОВА

Публикуются материалы раскопок первого Чардымского кургана эпохи поздней бронзы, полученные в результате полевых исследований экспедиции Саратовского государственного университета. При этом, за основу взят Отчет о раскопках П.С. Рыкова и находки, хранящиеся в Саратовском областном краеведческом музее. Автор статьи относит анализируемый погребальный памятник к переходной покровско-срубной стадии позднего бронзового века Нижнего Поволжья, датируемой в калиброванном значении 17-16 вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, курган, коллективные могилы, сопроводительный инвентарь, эпоха поздней бронзы, Саратовская область, Нижнее Поволжье, Саратовский университет.

Malov N.M.

THE FIRST LATE BRONZE AGE BARROW WITH COLLECTIVE GRAVES
FROM CHARDYM: EXCAVATION BY P.S. RYKOV

Materials from the excavation of the first Late Bronze Age barrow from Chardym are presented. Those have been acquired from the field research by the expedition from the Saratov State University. The paper is based on the Report on the excavation by P.S. Rykov and on the finds kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore. The author assigns the entombment to the Pokrovsk timber-grave stage of the Late Bronze age from the Lower Volga Region, with the adjusted age of the 17-16th centuries B.C.

Keywords: archaeology, barrow, entombment, collective graves, Late Bronze Age, P.S. Rykov, Saratov Region, Lower Volga Region, Saratov State University, museum of local lore.

Более 100 лет специалисты изучают серию археологических памятников Саратовского правобережья около с. Чардым. В 1910 году археологи СУАК А.А. Кротков, П.Н. Шишкин и С.А. Щеглов обследовали разновременные погребальные и бытовые древности из окрестностей этого села, распо-

ложенного на правом возвышенном берегу Волги [Кротков, Шишкин, 1910. С. 83–90; Кротков, Щеглов, 1910. С. 43–49]. Через 20 лет профессор Саратовского государственного университета П.С. Рыков частично исследовал здесь две земляные курганные насыпи с погребениями позднего бронзового века.

Они находились в 1 км. к северо-востоку от Чардымского городища № 1 городищной культуры, на высоком левом берегу одноимённой реки [Рыков, 1936. С. 56]. Река Чардым, длиной 78 км, являющаяся правым притоком Волги, берет свое начало на Волго-Донском водоразделе Приволжской возвышенности [Демин, 2002. С. 24]. Село Чардым расположено на расстоянии 36 км. от г. Саратова. Сейчас это территория современного Воскресенского района Саратовской области [Малов, 1986. С. 30, рис. 2, 17].

В начале 1980-х годов при составлении Археологической карты Воскресенского р-на были осмотрены эти два кургана, с задернованными отвалами и углублениями от раскопочных «колодцев» П.С. Рыкова [Малов, 1981; Малов, 1983а. С. 159]. Во второй половине 1980-х годов Воскресенская экспедиция СГУ и СОМК, под руководством В.Г. Миронова, произвела здесь охранные раскопки курганов в двух группах, выявленных П.С. Рыковым в 4 км. юго-западнее с. Чардым (рис. 1, 2) [Раскопки., 1930. Л. 55; Миронов, 1985; Миронов, 1986; 1987; 1991; 1994; Миронов, Петрова, 1987. С. 196].

Они располагались между городищами № 1 и № 4 и входили в зону закладки участков садовых товариществ «Утёс» и «Мелиоратор». В результате повторно были изучены оба кургана, копавшиеся экспедицией НВИК и СОМК «колодцем». Исследованный профессором «ближний» курган № 2 около дороги (рис. 2), в 0,2 км. к ССВ от системы укреплений первого Чардымского городища, В.Г. Миронов включил в курганную группу № 3 [Миронов, 1991. № 93]. Он введен в научный оборот [Малов, 2020. С. 96–98, 109, 112, рис. 2, 5, 1]. По определению Б.В. Фирштейн черепная крышка из погребения № 2 второго кургана, относящегося к срубной культуре, принадлежала возмужалому мужчине [Кубанкина, 2013. С. 239, табл. 5, 1].

«Дальний» по П.С. Рыкову курган № 1, В.Г. Миронов обозначил на плане в группе на мысу между первым и четвёртым чардымскими городищами, около указателя направления 180 м. (рис. 2) [Миронов, 1991. № 94]. Среди других насыпей он выделяется наиболее крупным диаметром. Курганам и погребениям, ранее исследованным П.С. Рыковым в 1930 г, В.Г. Миронов присвоил другие номера.

Основной целью данной статьи является полная публикация и рассмотрение материалов раскопок кургана № 1, исследованного П.С. Рыковым. При этом за основу мною взят отчет о полевых исследованиях (машинописный текст с рукописными правками, сохранившиеся рисунки, фотографии и схематичный план раскопа) [Рыков, 1930. Л. 55–69; он же, 1933. С. 85, рис. 1]. В

публикуемом тексте сохранена отчетная орфография и пунктуация, с добавлением ссылок на рисунки. Коллекция находок из раскопанных двух курганов в 1930 г. была передана на хранение в фонды археологии СОМК, директором которого тогда был П.С. Рыков. Рисунки вещей выполнены мной в процессе непосредственного изучения предметов материальной культуры. В качестве дополнительного источника использовалась инвентарная книга, в которой фиксировались предметы, поступившие в СОМК. После воспроизведения текстовой части отчета автора раскопок, рисунки погребений сопровождаются комментариями и характеристиками вещей, записанных в инвентарную книгу.

***

Материалы раскопок кургана № 1 по отчету П.С. Рыкова и музейной коллекции. Чардымские курганы. В 1 км. к СВ от городища на соседнем мысу расположены два кургана и ближе к оконечности мыса ещё два. Через овраг, ближе к городищу, на заросшей стрелке оврага находятся два кургана. Один из двух курганов более дальних и один из двух ближайших были раскопаны.

Курган № 1 /дальний/ (рис. 1). Форма насыпи удлинена по линии СЮ–20 м. и по линии ЗВ–30 м. Высота–1,2 м. Рыг колодцем 8 x 10 м. /СЮ–ЗВ/, в качестве основного, с добавлением расширения по линии ЗВ до 16 м.

Комментарий В.Г. Миронова относительно структуры насыпи. Сверху шёл гумусированный дёрн мощностью 0,2–0,3 м. [Миронов, 1987. Л. 6]. Под ним располагался более плотный и светлый пласт древней насыпи, переотложенный на месте раскопа П.С. Рыкова. Её высота от нулевой отметки не превышает 0,7 м. Под насыпью находился грязно-серый плотный суглинок – древняя поверхность мощностью около 0,3 м. Материк представлял собой светло-жёлтый и очень плотный, сильно «запесоченный» суглинок.

Погребение 1. Около южной стенки колодца обнаружен на глубине 1,35 м. /от поверхности кургана/ в круглой яме, имеющей 40 см. в диаметре, костяк овцы.

Комментарий. На плане раскопа круглая яма с костяком овцы, но без номера, расположена ближе к юго-восточному углу могилы № 9. Судя по плану раскопа, эта яма и девятое захоронение обнаружены в дополнительной прирезке, к ЗСЗ от первоначальной центральной части раскопа. Вместе с тем, погребение № 1 обозначено на плане П.С. Рыкова в ЗЮЗ углу центрального раскопа. В этой связи, В.Г. Миронов обратил внимание на это недоразумение, отметив что размеры здесь иные и в погребении № 1 на схематическом плане вероятно изображён скелет человека [Миронов, 1987. Л. 31].

Погребение 2. Около восточной стенки колодца открыта могильная яма прямоугольной формы, длиной /по линии СВ–ЮЗ/ до 1,8 м., шириной –

1,3 м. и глубиной 1,6 м. Костяк человека оказался совершенно разрушен, сохранились только бедреная и обломанная плечевая кости. Остальные части костяка были найдены в засыпке могилы и в насыпи над ней.

Из комментария В.Г. Миронова: «В небольшой нише наверху южной стенки найдено несколько лепных неорнаментированных черепков с ракушечной примесью срубно-абашевского облика и несколько костей скелета человека» [Миронов, 1987. Л. 32].

Погребение 3. Около той же восточной стенки, но в то же время близко и к южной, находилась могильная яма прямоугольной формы, имевшая в длину /СВ-ЮЗ/ 1,7 м., в ширину – 1,2 м, в глубину 1,6 м. и прикрытая попереком каменными плитами. В ней обнаружен костяк молодого человека, лежавшего на левом боку скорченно /в коленях под прямым углом/, причем кисти рук находились около лица. Покойник был ориентирован головой к СВ и положен на подстилку из стеблей растений.

Около лица покойника лежала костяная точеная привеска цилиндрической формы (рис. 3, 3), около коленных сочленений – костяное пряслице, покрытое резьбой в виде угольников, внутри заштрихованных (рис. 3, 2). В ногах покойника стоял грубый глиняный горшок (рис. 3, 1). На стенках ямы имеются отпечатки долотовидного орудия.

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии. Костяная «точеная привеска» (СМК № 67649) цилиндрической формы имела высоту 1,5 см. (рис. 3, 3). Она выпилена из трубчатой кости животного. Наибольший её диаметр по краям срезов 2,3 см., в средней части 2 см. Внутренний диаметр втулки 1,3 см. Внешняя поверхность гладкая, заполирована. Внутренняя шероховатая и грубая, за исключением края около одного среза. Здесь, в более толстой части стенки предмета, имеется вертикальный, узкий и короткий канал – отверстие длиной 0,5 см. Противоположный его конец выходит внутри втулки. На кольцевидном срезе диаметр канала 1 мм, на внутреннем конце 0,5 мм. Вероятно, в данный дополнительный вертикальный и узкий канал вставлялась тонкая нить или шнур.

Костяное «пряслице» с резным орнаментом (рис. 3, 2), в виде двух сплошных поясов, заштрихованных треугольников-вершинами друг к другу (СМК, № 1385), обнаруженное около коленных сочленений, опубликовано без масштаба как «привеска» [Рыков, 1931 С. 33]. Высота 1 см, наибольший диаметр в средней части 2,3–2,4 см, диаметр внутренней втулки около 0,8 см.

«Горшок вазообразной формы» без орнамента, сероглиняный с коричневыми пятнами (СМК АО № 67650). Диаметр по венчику 15–18 см., по дну 8 см., высота 15 см. (рис. 3, 1). Венчик короткий, слегка отогнут, срез прямой, шейка выделена слабо. В тесте примесь шамота, внутри и снаружи полосы от грубого заглаживания.

Скорее всего, могила не была прикрыта «каменными плахами», следы от которых не обнаружил и В.Г. Миронов [Миронов, 1987. Л. 27]. Вероятно, эта опечатка случайно вкралась в отчет П.С. Рыкова. Она могла произойти при перепечатке текста с рукописного оригинала. Скорее всего, плахи, перекрывавшие могилу, были «колотыми», т.е. деревянными.

Погребение 4 (рис. 5). Почти в центре площади, покрытой курганом, обнаружена могильная яма, имевшая в длину 1,5 м., в ширину 1,35 м., в глубину 1,6 м., будучи ориентирована по линии СВ-ЮЗ и прикрыта тонкими плахами, лежавшими поперек. В яме лежали костяки трех подростков, из которых лежавший ближе к СВ стенке, принадлежал субъекту, имевшему не более 9–11 лет. Все покойники лежали на левом боку, скорченно, один рядом с другим, будучи ориентированы головами к СВ. У костяка, лежавшего слева от среднего покойника и у лежавшего справа от него стояло по глиняному горшку, причем горшок около правого покойника был орнаментирован.

Перед третьим покойником /слева от среднего/, у тазовых костей стоял также глиняный горшок и здесь же находились две конские бабки.

Сверху, в засыпке могилы, найдены мелкие кости овцы. Горшки грубой работы, близкие к баночным по своим формам.

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии. «Глиняный горшок, острореберно-баночной формы, орнаментирован зигзагообразными полосами под которыми проходит второй пояс, сделанный таким же чеканом. Место находки: кост. № 1 «(правый)». Сероглиняный, округлобокий, асимметричный, с примесью шамота в тесте (рис. 4, 1). Диаметр по венчику около 15 см, диаметр частично утраченного днища около 9 см, высота 14–15 см (СМК № 67651). На внешней и внутренней поверхности следы от заглаживания.

Сероглиняный сосуд с коричневыми пятнами в форме округлобокой банки (СМК № 67652; рис. 4, 3). Диаметр по венчику 15 см, по днищу с закраиной 9 см., высота 16 см. Наибольшее расширение приходится на верхнюю часть тулова. Около закрайки днища в стенке сосуда сквозное отверстие диаметром 0,4–0,6 см. Оно сделано по сырой глине до обжига сосуда.

Сосуд, записанный в коллекции как лежавший около третьего костяка (СМК № 67653). Он сероглиняный, округлобокий, с выделенной шейкой и отогнутым венчиком, на внутренней стороне которого желобчатый уступ (рис. 4, 2; 6, 1). В тесте примесь толченых раковин, на плечиках и придонной части следы от заглаживания. Диаметр по венчику 16 см, по дну 8,5 см, высота 15 см.

Погребение 5. Рядом с погребением 2, входя в него с ЮЗ стороны, обнаружена могильная яма, имевшая в длину 2 м., в ширину 1,7 м и в глубину 1,6 м., будучи ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В ней лежал на левом боку

скорченно / колени под острым углом / костяк молодого человека, будучи ориентирован головой к СВ. Кисти его рук прижаты к подбородку. В ногах покойника стоял грубый глиняный горшок баночной формы, но с выраженным ребром (рис. 6, 2).

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии. Сосуд округлобокий, сероглиняный, с слабо отогнутым и прямо срезанным венчиком (СМК № 67654 АО 1387; рис. 6, 2; 7, 1). Диаметр по венчику 16,5 см, по дну 8,5 см, высота 14 см. Внешняя поверхность коричневого цвета с темными пятнами и полосами-расчесами от заглаживания по сырой глине. Верхняя часть стенок внутри таким же образом была заглажена до уровня плеча. В тесте примесь шамота.

Погребение 6. За пределами первоначального колодца, около его южной стенки, в 3 м. от западной стенки, обнаружена могильная яма, имевшая в длину 0,7 м., в ширину 0,6 м., в глубину 1,4 м., и ориентированная по линии СВ – ЮЗ. В ней обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка, положенный на левом боку. В ЮВ углу ямы стоял глиняный горшок баночной формы (рис. 8, 3; 9, 2).

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии.

В инвентарной книге записан один сосуд (СМК № 67655 АО 1388, 1930; рис. 8, 3; 9, 3). Его высота 14 см, диаметр по венчику 14,5 см, диаметр по днищу 8,5–9 см (рис. 8, 3; 9, 3). Измерение емкости, с использованием зерна показало, что его объем 1,3 литра. Внешняя поверхность со следами от грубого заглаживания под венчиком, по плечикам и придонной части.

Погребение 7 (рис. 10, 1). В С-В углу колодца, выходя за его пределы, обнаружена большая могильная яма, имевшая в длину по линии СЗ-ЮВ – 3,4 м., в ширину 2,25 м., в глубину 1,9 м. и прикрытая бревнами, лежавшими поперек ямы, на уровне 1,05 м., на глине. Бревна имели в диаметре до 20–22 см., причем их было до 10 штук. Под этим настилом оказалось 4 покойника, лежавшие на левом боку, за исключением второго, считая слева, который лежал на правом боку, обернувшись лицом к первому. Все они были в скорченном положении, кроме второго, у которого левая нога была вытянута, и только правая согнута, лежала между ног первого костяка. Все покойники были ориентированы головами к СВ. Скорченность у всех небольшая. Первые два покойника лежали парой, причем кисти рук первого мужчины находятся около лица второго, женщины. Голова первого покоится на правой руке рядом лежащей покойницы, левая рука которой вытянута и покрывает плечи и нижнюю часть головы мужчины. Таким образом, поза указывает на то, что она находилась в объятиях мужчины (видимо наоборот). На височных костях черепа женщины найдены бронзовые витые подвески (рис. 9, 1, 2), а на шее – ожерелье из мелких стеклянных бус (рис. 9, 3), а в головах остатки бере-

стояной коробочки /15 x 20 см./ и угольки. Между вторым и третьим костяками обнаружен бронзовый нож (рис. 9, 4) с остатками костяной рукоятки и рядом с ним слой красной краски.

На расстоянии 0,6 м. от второй покойницы лежал третий костяк – женщины, на шее которой находились низки бронзовых привесок, а около коленных сочленений стоял глиняный горшок, имевший острое, слегка сглаженное ребро, и прямое горло (рис. 6, 3; рис. 7, 2).

На расстоянии 0,6 м. от третьего костяка находился четвертый костяк, мужской. Все покойники лежали на толстом слое, состоявшем из стеблей каких то растений, вероятно, осоки и древесных ветвей. Длина первого костяка 1,65 м., второго – 1,6 м., третьего – 1,6 м. и четвертого – 1,7 м.

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии.

Округлобокий горшок с отогнутым наружу венчиком имел слабые следы от заглаживания на внешней поверхности (СМК 67655 АО 1389). Его параметры: высота 12,5 см, диаметр по венчику 16 см, диаметр по днищу 9,5 см (рис. 6, 3; рис. 7, 2). Измерение емкости с использованием зерна показало, что его объем 1,2 литра.

Фрагменты от бронзовых желобчатых подвесок удлинненно-овальной формы принадлежали витым в 1,5 оборота экземплярам (СМК 67655 АО 1389/1,4). Их размеры (рис. 9, 1, 2): 1,3 x 2 см, ширина желобков от 0,5 до 0,7 см [Кривцова-Гракова, 1955. С. 65, 67, рис. 15, 2].

Параметры, сохранившейся к настоящему времени части, бронзового ножа (рис. 9, 4): длина 14,5 см, пятка рукояти прямая, шириной 1,5 см (СМК 67657 АО 1389/3). Бусы (рис. 9, 3), расположенные на месте шеи женского костяка: 5 фаянсовых (пастовых) округлой и цилиндрической формы, 10 сурьмяных (СМК 67656/1-15 АО 1389). Фаянсовые кольцевидные диаметром 3–5 мм. Диаметр сурьмяных цилиндрических 2,5 x 3 мм, кольцевидных – 4 мм.

Относительно лежавших парой мужского и женского костяков, после фразы: «Таким образом, поза указывает на то, что она находилась в объятиях мужчины», П.С. Рыков добавил своей рукой на полях листа отчета – «? видимо наоборот». Б.В. Фирштейн определила, что неполная черепная коробка из данного погребения срубной культуры, принадлежала возмужалому мужчине [Кубанкина, 2013. С. 239, табл. 5, № 2].

Погребение 8. Рядом с погребением 7, прилегая почти вплотную к восточной стенке ямы, на глубине 1,35 м. обнаружена детская могильная яма длиной 0,7 м., шириной 0,6 м., ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Кости покойника очевидно истлели, а на месте таза костяка стоял глиняный горшок баночной формы (рис. 7, 4).

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии.

Округлободкий горшок с отогнутым наружу венчиком и выраженной шейкой, сероглиняный с коричневыми пятнами (рис. 7, 4). Его параметры (СМК 67658 АО 1390): высота 15 см, диаметр по венчику 15–16 см, диаметр по днищу около 9 см.

Погребение 9. В 2 м. от западной стенки первоначального колодца обнаружена могильная яма, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, которая имела в длину 5,40 м., в ширину 2,7 м. и в глубину 2 м. Она была прикрыта поперёк лежавшими брёвнами. В яме лежало 5 покойников, из которых четвертый являлся впускным /см. погр. 10/, не относящимся к погребению, означенному № 9. Все покойники были положены скорченными, на левом боку, на подстилку из стеблей растений, будучи ориентированы головой к СВ (рис. 11).

Перед лицом первого, считая слева, костяка стоял глиняный небольшой горшок острореберной формы, орнаментированный, с отверстиями одно против другого, для продевания веревки (рис. 6, 5; 10, 4). Против груди покойницы находился второй горшок, грубой работы, но также с орнаментом (рис. 10, 5). За спиной покойницы, ближе к пояснице, лежали, звездообразно раскинувшись, три бронзовые пластинчатые лавролистной формы подвески с обоймицей для ремня у каждой (рис. 12, 1–3). Подвески имеют орнамент в виде угольников около обоймицы, которая также орнаментирована пояском, имитирующим обмотку.

Повидимому, эти подвески представляли собой кисть от накошника. Около локтя левой руки лежал бронзовый браслет, а другой найден в засыпке ямы (рис. 12, 4). Пространство между горшками, руки и плечи покойницы были залиты красной краской.

Рядом с описанной покойницей, на расстоянии 0,4 м. от нее, находился второй костяк – мужской, в более скорченном положении. Рядом с ним помещался третий, детский костяк, ступни которого густо окрашены красной краской. К этому костяку относится 3 альчика, остатки берестяной коробочки, и маленький горшочек баночной формы (рис. 10, 2), находившийся в С-З направлении от костяка, выше его черепа и кистей рук, лежавших перед лицом. Эти предметы были несколько сдвинуты при устройстве погребения, означенного № 10. Пропуская пока его, имеем пятый /точнее, четвертый/ костяк женский, лежавший поодаль от первых трех, на расстоянии 1,6–1,7 м. от третьего. На плече у покойницы находилась височная бронзовая витая привеска, причем парная ей, вторая найдена в стороне, у северной стенки могильной ямы, на расстоянии 0,5 м. За затылком покойницы, у северной стенки, стоял небольшой орнаментированный горшок из желтой глины, а на спинных позвонках покойницы стоял второй сосуд с округленным ребром.

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии.

По данным В.Г. Миронова (№ 1-1986) пятна охры малинового цвета были под всеми скелетами [Миронов, 1987. С. 8-11].

Сероглиняный острореберный сосудик (рис. 6, 5; 10, 4) с выпуклыми плечиками и примесью толченых раковин в тесте (СОМК. АО №1391/1. Костяк 1). Внешняя поверхность слегка подлощена. Венчик короткий, отогнут наружу, с внутренним уступом. Под венчиком пара сквозных отверстий, одно против другого. Высота 8 см, диаметр по венчику 7,5 см, по днищу 6 см. От венчика и до ребра располагается орнамент, выполненный острым предметом).

Сосуд баночной формы, с слегка отогнутым наружу прямо срезанным венчиком и примесью шамота в тесте, поверхность грубая с желобчатыми следами от заглаживания в верхней части (СОМК. АО №1391/2, Костяк 1). Высота 13,5 см, диаметр по венчику 17 см, по днищу 9,5 см (рис. 10, 5). В средней части тулова орнаментирован косыми и пересекающимися оттисками крупнозубчатого штампа.

Маленький, не орнаментированный, сосуд баночной формы (СМК № 67660 АО-1391, II. Костяк 3). Цвет коричневый с темными пятнами, следами потеков на внешней поверхности от какого-то продукта. Высота 7-7,5 см, диаметр по венчику 11,5 см, по днищу 7,5 см (рис. 10, 2).

«Небольшой орнаментированный» острореберный сосуд светлокоричневого цвета с вогнутым плечом и выделенной шейкой (СОМК. АО № 1391/4, костяк 4). Утраченная часть реставрирована. В тесте примесь шамота и белых вкраплений дробленого камня. Высота 12 см, диаметр по венчику 9,5 см, по дну и шейке 9 см, по ребру 12,5 см (рис. 6, 4; 10, 3). В некоторых местах есть следы от заглаживания внешней поверхности. Орнаментирован по срезу венчика и тулову косыми, пересекающимися оттисками крупного зубчатого штампа.

«Сосуд с округленным ребром» со слабой примесью толченых раковин (?) в тесте, частично утрачен (СМК № 67662, костяк 4). Высота и диаметр по венчику 16,5 см, по дну 8 см (рис. 10, 1). На вогнутом плече рядом просверлены два отверстия для скрепления трещины и третье напротив. Диаметр отверстий около 0,5 см.

Костяк 2. Три узкие пластинчатые подвески листовидной формы от женского накосного украшения с одним отверстием у каждой на тупом «узловом» конце (СОМК АО № 1391). Отверстия сверху окованы тонкой пластинчатой пятиугольной накладкой-обоймой с чеканным «ёлочным орнаментом» (рис. 12, 1-3). Размер обоймы-накладки в свернутом виде: 1 x 1,5 см. Длина подвесок 8,5-5,8 см, ширина 1 см. Нижний конец подвесок приострѐн. От одной подвески сохранилась только верхняя её часть.

Частично сохранился один браслет овальной формы, узкожелобчатый, с разомкнутыми прямыми концами, на которых есть по одному круглому отверстию (рис. 12, 4). Максимальная ширина желобка около 0,5 см.

Погребение 10 (рис. 11). Указанный выше покойник, лежавший в 0,9 м. от пятого, был, как сказано, погребен позже, нарушив тем самым, коллективное погребение 9. В головах у него лежали остриями к С два бронзовых шильца с деревянными рукоятками (рис. 12, 5, 6). Под покойником была разлита красная краска.

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии.

Два бронзовых шильца (СМК № 67663/1-2 АО 1392) прямоугольного сечения, на тупом конце одного из которых сохранился фрагмент от деревянной рукояти (рис. 12, 5, 6). Шильца имеют длину 4,5 см. и 5 см. Одно из них изготовлено из меди химико-металлургической группы ЕУ, группа другого – ВК [Черных, 1970. С. 129, табл. I, № 1726].

Погребение 11. Около восточной стенки первоначального колодца, выходя за его пределы, на середине ее длины обнаружена могильная яма, имевшая в длину 1,7 м., в ширину 1,55 м. и в глубину 2 м. при ориентировке по линии СВ-ЮЗ.

В ней лежали два костяка – мужской /слева/ и женский /справа/ в той же позе, что и первые два слева костяка в погребении 7, и так же ориентированные /к СВ/ (рис. 8, 2). Против тазовых костей и коленных сочленений покойников найдены бронзовые пронизки (рис. 15, 5), вероятно от нашивок на одежде, и маленькое бронзовое острие (рис. 15, 6). Близ В стенки ямы около СВ угла, стоял глиняный крупный баночно-вазообразный горшок, а около ступни левой ноги покойницы лежала нижняя челюсть свиньи.

Вещи, записанные в инвентарную книгу музея и комментарии.

Лепной сосуд, поступивший в СОМК, не сохранился. Вероятнее всего, он был утрачен во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В связи с разнополым захоронением мужчины и женщины, выявленным здесь (рис. 8, 2), необходимо отметить, что П.С. Рыков опубликовал план парной другой могилы, якобы обнаруженной в третьем Чардымском кургане [Рыков, 1936. С. 46]. В захоронении № 11 первого Чардымского кургана был только один керамический горшок, а в монографии П.С. Рыкова опубликован план другой могилы с двумя сосудами. В действительности, профессор опубликовал план погребения срубной культуры из кургана № 34 юго-восточной группы, расположенной около г. Покровска [Памятники срубной культуры., 1993. С. 34–35, № п/п 174; с. 146, табл. 16, 7–10, 28]. Именно его вырезка до сих пор экспонируется в СОМК [Арзютов, 1936. С. 35–36; Рыков, 1936. С. 46, 156, № 68].

В отчёте о повторном исследовании могилы № 11 (погребение № 5 по В.Г. Миронову) отмечено: «4) П.С. Рыков не указал на плане точное местопо-

ложение бронзовых «пронизок» и «острия», но 3 бронзовых бусинки диаметром около 6 мм и шириной до 4–5 мм найдены в переотложенном состоянии – под костяками – по центральной оси могилы в области лежавшего здесь правого скелета (рис. 15, 5); бронзовая же круглая иголка длиной 67 мм (кончик позже разрушился) с приклёпанным ушком найдена на дне могилы у северной стенки (не её ли имел ввиду исследователь?) (рис. 15, 6) [Миронов, 1987. Л. 18].

Кроме того, В.Г. Миронов установил, что: «Там, где на плане могилы должен быть череп левого захоронения, нами обнаружено плохой сохранности (законсервировать не удалось) днище берестяного туеска диаметром до 12 см, стоявшего на полу могилы вплотную к северной стенке» [Миронов, 1987. Л. 18].

Обсуждение.

П.С. Рыков полагал, что в кургане № 1 было обнаружено 11 захоронений. В.Г. Миронов резюмировал, что в самом большом кургане № 1 («дальнем» по П.С. Рыкову), с учетом могил, раскопанных в 1930 г. Воскресенской экспедицией, суммарно выявлено 20 погребений (рис. 4) [Миронов, 1991. № 94]. Материалы раскопок первого Чардымского кургана, исследованного В.Г. Мироновым с применением землеройной техники, заслуживают специальной публикации и анализа. В 1987 г. Валерий Григорьевич не имел возможности раскопать курган полностью, поскольку в его западной части располагалась дача и труба водопровода.

Из числа новых погребений, рассмотрим захоронение № 9, используя текст и рисунки из отчета В.Г. Миронова. Автор раскопок отнес его к срубно-абашевскому времени или к покровской стадии срубной культуры, предварительно интерпретируя как погребение «древнего знахаря (лекаря)» или «жреца» [Миронов, 1987. Л. 22–23].

Материковый выкид фиксировался вокруг могилы на уровне древнего горизонта (рис. 13). Она обнаружена в восточной поле кургана, по темному пятну на древнем дёрне (рис. 14). На уровне материка могила приняла подквадратные очертания с параметрами 1,7–1,4 x 1,75 м. Глубина от древней поверхности около 0,7 м. Её стенки расширялись к основанию, были испорчены крупными норами, юго-западный край обрушился в древности, перекрытие отсутствовало.

В центральной части дна могилы фиксировался белесый тлен от подстилки. На полу, спиной ближе к западной стенке, обнаружены плохо сохранившиеся кости от скелета человека. Отдельные их фрагменты встречались в засыпке, ноги от колен разрушены. Погребенный находился в позе адорации скорченно на левом боку, ориентирован головой на ССВ. Он как бы завалился на левое плечо, кисть левой руки сжата в кулак и вложена в ладонь правой.

Под скелетом в области таза следы охры, под бедрами и позвоночником желто-бурый тлен от кожаной (?) одежды. Инвентарь: костяная пряжка – найдена в области таза при разборке скелета, половинка шлифованного белемнита, костяной предмет непонятного назначения, бронзовый нож. Сосуд отсутствовал.

Характеризуя предмет, сделанный из рога (рис. 15, 1), В.Г. Миронов отметил: «Сверху он имеет вырезанную «головку» и, судя по вырезу, явно подвешивался (на шею? на пояс?). Средняя и особенно нижняя часть его заполированы от длительного употребления. Перед широкой частью цевья подрезано для удобства захвата большим и указательным пальцами. <...> Функциональное назначение его мы предварительно связываем с орудием для растирания порошков или каких-то других лечебных препаратов древесины (но не охры, т.к. он не окрашен). Аналогии ему не найдены». Длина изделия 10,8 см. Он обнаружен в 20 см. от локтя правой руки. Нижний рабочий конец предмета приострен. Нельзя исключать того, что изделие могло использоваться как орудие труда в каком-то домашнем производственном процессе.

Окислившийся и частично коррозированный короткий бронзовый двулезвийный нож с ребром жесткости лежал в 30 см. от колена левой ноги, острием направлен к северу (рис. 15, 2). На краю черешка сохранились следы от деревянной рукоятки. Валерий Григорьевич полагал, что: «Тип ножа хорошо вписывается в раннесрубные комплексы». Предмет хранится (рис. 17) в СОМК (СМК 58506). Действительно, ножи такого разряда встречаются в Нижнем Поволжье на археологических памятниках позднего бронзового века. Например, они обнаружены в погребении покровско-срубной стадии 2.1 из кургана № 9, раскопанного П.Н. Шишкиным на общественном выгоне г. Покровска [Малов, 2018а. С. 32–33, рис. 2]. Чардымский экземпляр относится к разряду черешковых, с закругленной или приостренной пяткой, с перекрестием и перехватом. Его длина 11 см, расстояние от пятки черешка до перекрестия 4 см. Ширина перекрестия 2,4 см. Расстояние от пятки до окончания перехвата около 5 см. Ширина перехвата равна ширине перекрестия. Максимальная ширина пера около 3 см. Деревянная рукоятка достигала конца перехвата. На той стороне ножа, которая соприкасалась с дном могилы, отпечатались следы от футляра, в который он был помещен.

Пряжка без бортика вокруг большого центрального отверстия, с короткой боковой планкой-выступом, на которой малое отверстие для крепления ремня (рис. 15, 3). Изготовлена из фрагмента изогнутой трубчатой кости. Диаметр центрального большого отверстия 15 мм, малого на боковой планке до 7 мм. Диаметр изделия около 32 см, длина боковой планки до большого отверстия 15 мм. Сечение пряжки менее 6 мм, её края скошены и заполиро-

ваны. На внешней стороне меньшего бокового отверстия изделия имеется потёртость. Потёртость пряжек около малых отверстий подтверждает определения их основной функции, как предметов для крепления [Братченко, 1995. С. 22].

Как сказано в Отчете Валерия Григорьевича, Е.П. Мыськов сообщил ему о том, что изделие, аналогичное чардымской пряжке, обнаружено в могильник Усть-Погожее. Близкая по конструктивным деталям пряжка с короткой боковой планкой, встречена в погребении покровской культуры (№ 4) из четвёртого кургана у с. Усть-Погожее Дубовского района Волгоградской области [Кияшко, Хабарова, 2007. С. 36, 98. Кат. 135; Лапшин, 2013. С. 65, 252. Кат. 105]. Рисунок костяной пряжки из данного погребения Чардымского кургана опубликовал Р.А Литвиненко, не указавший в тезисах своего доклада, что этот предмет обнаружен во время раскопок В.Г. Миронова [Литвиненко, 2001. С. 92, рис. 5].

В лесостепном Подонье распространена серия костяных пряжек, некоторые типы которых воронежские исследователи связывают с позднеабашевским периодом, абашевско-срубными, срубно-абашевскими или памятниками покровского типа. При этом, в «позднеабашевском» захоронении из Чурилово 1 найдена пряжка из поперечного спиля трубчатой кости, у которой малое отверстие также, как и на чардымском экземпляре, расположено на выступающей планке [Пряхин, Матвеев, 1988. С. 129–132, рис. 53, 9].

Костяные пряжки различной формы встречаются на нижневолжских бытовых и погребальных памятниках покровской и срубной культур [Малов, 1992. С. 40, 42–44, рис. 4, 18–22; Лапшин, 2009; Лопатин, Малов, 2014]. В данном контексте следует обратить внимание на близкую по типологическим показателям к чардымской пряжку из погребения покровской культуры в кургане близ с. Политотдельское [Смирнов, 1959. С. 236, 238–241, рис. 14, 2; 15, 1, 2, 13, 17]. Здесь на боковом выступе было «узкое отверстие». Вероятно, оно образовалось из-за разрыва кости в месте крепления ремня с двумя соседними малыми отверстиями. Обнаруженные два сосуда имели примесь раковины в глине, что характерно для покровской керамики. Более крупный округлобокий сосуд имеет на плечиках горизонтальные оттянутые валики.

Другой, широкогорлый, с расширяющимися кверху стенками сосуд баночной формы, с валиком и примесью талька в тесте, представлен среди керамики из погребений покровской культуры Новоузенского кургана (рис. 16). На внутренней поверхности венчика есть широкий уступ абашевского типа, с четырьмя горизонтальными, рельефными круговыми бороздками (рис. 16, б). С противоположной стороны от уступа расположен полукруглый в сечении валик. Ниже валика нанесены овальные вдавления и прочерчены короткие линии, образующие зигзаг. Погребальный комплекс ис-

следован в бассейне р. Большой Узень, на территории Саратовского Заволжья, в зоне современного пограничья степи с полупустыней (рис. 16) [Малов, 1986. С. 30, рис. 2, 35; Ким и др., 1993. С. 155, рис. 1, 1].

Горизонтальные валики, шишечки, каннелюры, примеси талька и ракушки представлены в керамике синташтинской, петровской и покровской культур, или культурных типов памятников, где встречаются также и сосуды с абашевскими чертами [Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 12, 22–25, рис. 16, 12; Генинг и др., 1992. С. 403–406, табл. 11; Малов, 1983 С. 207–209; Малов, 1992а. С. 9–12; Малов, 2007. С. 40–49, 65–69, 84–92, рис. 7, 2; Малютина, Зданович, 2004; Малютина, Зданович, 2005; Синюк, 1996. С. 190–218; Виноградов, 2011. С. 35–57, 102–108; Пантелеева, 2014].

Белемнит длиной до 42 мм и максимальной шириной около 16 мм, лежал на расстоянии 30 см. от кистей рук (рис. 15, 4). Его половина сточена, а края зашлифованы. Валерий Григорьевич предполагал: «Поскольку в народной медицине порошок «чертова пальца» до сих пор используется как эффективное кровоостанавливающее средство, не исключено, что именно таким было его функциональное назначение в погребении». В данном контексте, отметим, что в нижеволжских погребениях срубной культуры иногда встречаются бусины, изготовленные из белемнита.

Стратиграфические данные позволили В.Г. Миронову предположить, что на месте Чардымского кургана сначала был бескурганый могильник, который позже перекрыли насыпью [Миронов, 1987. Л. 30]. Поскольку курган имел в плане овальную форму и впускные могилы, то можно допускать, что насыпь была возведена не одновременно. В результате последующих досыпок её первоначальная форма изменилась, удлинившись по линии «запад-восток». Относительно комплексов, исследованных в 1930 г. В.Г. Миронов отметил, что коллективные могилы № 3, 4, 9, 11 имели выкид [Миронов, 1987. Л. 6–11, 27, 35]. То есть, они были основными. Впускных захоронений два. При этом могила № 5 входила в погребение № 2 с ЮЗ стороны, а погребение № 10 потом специально подзахоронено в девятое.

Все могилы, выявленные П.С. Рыковым, имели прямоугольную форму. Перекрытие из древесины было только в четырех, одна из которых индивидуальная (№ 3), а три коллективные. Оно размещалось поперек материковых ям. Поперечное положение перекрытия преобладает в нижеволжских памятниках покровского культурного типа [Малов, 1989. С. 83–84]. В двух захоронениях Чардымского кургана это были плахи. Коллективные и самые длинные могилы (№ 7, 9) перекрыты бревнами. В седьмом погребении бревен диаметром до 20–22 см было около 10 штук.

Останки костяков свидетельствуют об обряде ингумации (труположения). Умерших укладывали головой к северо-востоку, в позах адорации,

скорченно на левом боку с согнутыми в коленях ногами и в локтях руками, кисти лежали около лица или подбородка (рис. 5, 11). Такое положение умерших типично для погребений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, в том числе и покровской культуры [Малов, 1989. С. 83–84].

Исключения в позах допущены только для совместного захоронения мужчины и женщины № 11, а также взаимосвязанной разнополой пары, лежавшей лицом друг к другу в групповой могиле № 7 (рис. 8). Преобладают индивидуальные могилы (№ 2, 3, 5, 6, 8, 10). Одно парное, разнополое (№ 11), три совместных, коллективных (№ 4, 7, 9). Погребения № 6, 8 – детские, в четвертом захоронили трех подростков. Остальные костяки принадлежали взрослым.

В захоронениях № 3, 7, 9 покойники были положены на подстилку из стеблей растений, вероятно, осоки и древесных ветвей. Красная охра использовалась в могилах № 7, 9, 10. В головах женщины из погребения № 7 находились угли. Мягкая органическая подстилка, использование красной охры и применение огня зафиксированы в некоторых могилах покровской культуры Нижнего Поволжья [Малов, 1989. С. 87].

В погребальных комплексах кургана встречены кости животных. Яма, содержащая скелет овцы и обозначенная П.С. Рыковым как погребение № 1, вероятнее всего, служила для помещения в неё жертвоприношения барашка. Она вероятнее всего была связана с самой ближней, крупной по длине и площади коллективной могиле № 9. В засыпке могилы № 4 обнаружены мелкие кости овцы, а около тазовых костей третьего покойника лежали две конские бабки. В погребении № 11 лежала нижняя челюсть свиньи [Рыков, 1936. С. 46], учтенная А.П. Кругловым и Г.В. Подгаецким при подсчете костных находок животных [Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 107, табл. X]. Кости домашних животных (овца, лошадь, свинья) подтверждают, что развитое скотоводство было основой хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения популяции, оставившей первый Чардымский курган.

Лепная плоскодонная посуда является самой многочисленной категорией инвентаря. Судя по коричневым и темным пятнам, она обожжена неравномерно. Среди визуально определимых примесей в тесте, почти в равных случаях, заметны шамот и толченая раковина. На внешней поверхности многих сосудов видны полосы от заглаживания. Есть посуда срубной культуры со следами от потеков продукта (рис. 10, 2) и отверстиями для скрепления трещин (рис. 10, 1).

Рисунок маленького острореберного сосудика, с двумя противоположными отверстиями под венчиком и подлощенной внешней поверхностью опубликован автором раскопок (рис. 6, 4; 10, 3) [Рыков, 1931. С. 34]. Археолог кратко высказался относительно функционального предназначения сосуди-

ков данного типа, интерпретировал их как: сосуды «ритуального характера, с отверстиями для подвешивания» или в «особые горшочки виде курильниц с крышками» [Рыков, 1931. С. 34; Рыков, 1936. С. 45]. Исследователи традиционно интерпретируют их как сосуды ритуального характера.

В нижневолжских погребениях эпохи поздней бронзы обнаружено около 40 миниатюрных сосудиков с отверстиями для привязывания крышки. Для них характерна емкость 0,2–0,3 литра. Они происходят из северных районов Нижнего Поволжья, включая прилегающую территорию Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья. На основе использования некоторых указателей полной программы В.Ф. Генинга [Генинг, 1973] и других значимых признаков нижневолжские острореберные сосудики членятся на три подгруппы.

Первую образуют сосудики с отогнутым наружу венчиком, выделенной шейкой, желобком или уступом на внутренней стороне. Некоторые не орнаментированы, залощены, имеют керамические крышки и поддоны. Основная их часть разнообразно украшена около среза венчика, по шейке, плечикам, ребру, а иногда и на придонной части. Элементы орнамента: горизонтальные линии, двойной и тройной зигзаг, заштрихованные треугольники, ямочные вдавления, косые линии, каннелюры. Ребро расположено в нижней части или в середине тулова. Кроме того, два сосудика имеют поддоны (Покровск, к. 14, Новая Покровка, отдельная находка). Большая часть сосудиков этой подгруппы происходит из ранних погребений покровской культуры первой стадии эпохи поздней бронзы (ПБВ 1) [Малов, 2012; Малов, 2012а; Малов, 2014; Малов, 2019. С. 85, таблица]. Единичные экземпляры встречены в сосуществующих комплексах следующей покровско-срубной стадии (ПБВ 2.1). Именно в данную подгруппу входит сосудик из погребения № 9 Чардымского кургана, который К.В. Сальников включил в число керамики первого острореберного типа [Сальников, 1967. С. 85–86, 132, рис. 13, 25]. Этот сосудик также был использован Н.К. Качаловой при характеристике керамики из нижневолжских погребений с элементами абашевской культуры [Качалова, 1976. С. 8–9, рис. 2, 17].

Подгруппа 2 представлена биконическими сосудиками. Почти все имеют под венчиком отверстия для подвешивания. Ребро, как правило, расположено на середине тулова, иногда в верхней или его нижней части. Сосудики этой подгруппы характерны для покровских древностей. У них всегда орнаментировались плечики, часто ребро, иногда придонная часть, а в одном случае – срез венчика. На сосудах обычно представлены 1–3 элемента орнамента, чаще украшались две верхние зоны сосуда. Орнамент наносился гребенчатым штампом с мелкими зубчиками, иногда средне-зубчатым штампом, прочерчивался острым предметом. Имеются каннелюры, горизонтальные

линии, зигзаг, косые линии, зигзаг с усложнением, свастика и знаки. Нижняя часть маленького биконического сосуда, украшенного каннелюрами, представлена среди покровских сосудов селища Нижняя Красавка II [Лопатин, 2010. С. 134, 153, рис. 6, 9].

Третью подгруппу образуют остросереберные сосудики вертикальных пропорций. Максимальный диаметр приходится на середину тулова, венчик отогнут, чаще приострен, на внутренней стороне есть желобок или уступ. Иногда под венчиком имеются отверстия для подвешивания. При нанесении орнамента применялся крупнозубчатый штамп. Встречаются линзовидные вдавления и косые кресты. По орнаментации и отсутствию примеси раковин в тесте, некоторые сосудики подгруппы из погребений покровско-срубной стадии близки к посуде срубной культуры.

В чардымской серии более всего различных округлобочных горшков с выделенной шейкой, среди которых есть сосуды с желобчатым уступом на внутренней стороне венчика (рис. 4, 2; 7, 3). Объем двух горшков составил соответственно 1,2 (рис. 6, 3; 7, 2) и 1,3 (рис. 8, 3; 9, 3) литра. Банки представлены тремя экземплярами (рис. 10, 2, 5), в придонной части одной из которых сделано специальное отверстие (рис. 4, 3).

Исследователи предполагают, что древняя керамическая посуда, с дырочками в нижней части и днищах, служила для приготовления кисло-молочных и скоропортящихся продуктов. Поэтому, вероятно, эту банку следует относить к числу кухонной посуды. Скотоводческие племена бронзового века Нижнего Поволжья освоили молочное производство и употребляли молочные продукты в пищу [Демкин и др., 2014]. Так, в могильнике Неткачево мясомолочные продукты содержали 16 сосудов срубной культуры [Борисов и др., 2006].

В погребениях первого кургана совместно присутствует керамика, которая встречается на археологических памятниках срубной (рис. 3, 1; 4, 1, 3; 8, 3; 9, 3; 10, 1, 2, 3, 5) и покровской (рис. 4, 2; 7, 2, 3, 4; 10, 4) культур. Такая ситуация фиксируется не только в закрытых комплексах Чардымского кургана. Например, в парном разнополом «абашевско-срубном», или «срубно-абашевском» погребение № 2 так называемого «переходного типа» из кургана 11 Левобережной Березовской группы, среди обнаруженных сосудов один характерен для срубной культуры [Пряхин, Матвеев, 1988. С. 68–70, рис. 30, 1–4; Матвеев, 1999. С. 66–67, рис. 4, 1–4]. Воронежские археологи преимущественно применяют термин «переходный тип» при реконструкции процесса трансформации доно-волжской абашевской культуры в срубную и интерпретации памятников покровского типа [Матвеев, 1999; Лопатин, 2013]. Термины «переходный тип», «переходные памятники», «памятники переходного типа» и «переходный период» употребляются археологами при характери-

стике комплексов не только различных эпох бронзового века, но и для обозначения памятников киммерийского времени. Например, П.С. Рыков предполагал, что: «Переходными от древнеямыных погребений к срубно-хвалынским стадии «В» являются погребения, характерные для стадии «А» той же культуры» [Рыков, 1936. С. 30; Малов, 1986. С. 22, рис. 1]. Термин «переходная стадия» используется мной условно, поскольку его ввел в научный оборот П.С. Рыков, систематизируя погребений эпохи бронзы Нижнего Поволжья.

Изделия из бронзы-меди представлены ножом, подвесками от наконечника, желобчатыми височными подвесками, браслетами, шильями-остриями, иглой и бусинами (пронизьями). Они происходят из четырех могил: коллективных – совместных № 7 и № 9, парного разнополого № 11 и индивидуального № 10 – подзахороненного в девятую могилу.

Бронзовый нож со следами от костяной рукоятки лежал в погребении № 7, между вторым и третьим костяками (рис. 9, 4). Судя по публикации, он близкий к листовидной или напоминающей их форме, изначально имел большую длину чем сейчас [Кривцова-Гракова, 1955. С. 54–55, рис. 12, 5]. Предмет, изготовленный из меди химико-металлургической группы ВК (волго-камская), включен Е.Н. Черных в типологический разряд срубных с перекрестьем [Черных, 1970. С. 63, 67, 129, рис. 58, 9. Табл. I, № 1722]. Металл этой группы широко представлен в покровской культуре [Малов, 2007. С. 42–43]. Однако вопрос об истоках мышьяково – сурьмяно – мышьяковой меди до сих пор не вполне ясен [Черных, 2007. С. 94–101, рис. 6, 4; Малов, 2018. С. 92].

В парном разнополом погребении № 11 против тазовых костей и колённых сочленений найдены маленькие бронзовые бусины-пронизки цилиндрической формы. Их (по В.Г. Миронову) диаметр около 6 мм, ширина до 4–5 мм (рис. 15, 5). Вероятно, это нашивки на одежду (по П.С. Рыкову). Подобные украшения представлены и в андроновских погребениях [Черных, 1970. С. 72, рис. 62, 36].

Украшение из трех ножевидных подвесок от наконечника было в погребении № 9 (рис. 12, 1, 2, 3). Рисунок одной из них опубликовал автор раскопок [Рыков, 1931. С. 33]. О.А. Кривцова-Гракова отметила, что по своей форме они полностью совпадают с андроновскими [Кривцова-Гракова, 1955. С. 65, 67, рис. 15, 3.] Две проанализированные пластины сделаны из меди условной химической группы АТ [Черных, 1970. С. 15, 72, 129, рис. 62, 24. Табл. I, № 1723, 1724]. Наконечники преимущественно изготавливались в алакульском очаге металлопроизводства, поэтому их появление в срубной культуре обычно рассматривают как алакульский импорт [Бочкарев, 2013. С. 76–77, рис. 2, 15].

На плече у четвертого костяка из захоронения № 9 находилась желобчатая подвеска в полтора оборота, вторая парная найдена около северной

стенки могильной ямы. Рисунок одной из них (без масштаба), имевшей удлиненную форму (рис. 9, 1), опубликован О.А. Кривцовой-Граковой [Кривцова-Гракова, 1955. С. 67, рис. 15, 2]. При этом исследователь верно отметил, что кольца из Чардымских курганов отличаются от серии, обнаруженной в погребениях Покровского могильника [Кривцова-Гракова, 1955. С. 65, 67, рис. 15, 1]. По мнению Ольги Александровны, покровские височные кольца имеют особенности (широкие, сильно выпуклые, округлой формы), вероятно свойственные небольшой группе населения, происходящей из одного рода. Чардымские подвески отличаются удлиненной формой, а также тем, что они сделаны из узкой пластины и менее выпуклы. Подвески в полтора оборота с узкими округло-желобчатыми лопастями, в том числе и чардымские, относят к разряду украшений, являвшихся продукцией срубного очага металлургии [Малов, 1992. С. 34, У-12].

В этом же захоронении, около локтя левой руки покойницы № 1, лежал дуговидно-желобчатый браслет с разомкнутыми концами, на которых по одному круглому отверстию, а другой найден в засыпке ямы (рис. 12, 4). Вероятно, рисунок одного из них опубликовал П.С. Рыков [Рыков, 1931. С. 33]. Аналогии чардымскому узкому пластинчатому браслету дуговидно-желобчатого сечения известны в погребениях развитой срубной культуры Поволжья [Малов, 1992. С. 25–29, рис. 1, 15]. Проанализированное изделие изготовлено из меди химико-металлургической группы ЕУ [Черных, 1970. С. 71, 129, рис. 61, 57. Табл. I, № 1725].

Два бронзовых шила с острыми рабочими концами и короткими деревянными ручками встречены в погребении № 10 (рис. 12, 5, 6). Одно изготовлено из меди химико-металлургической группы ЕУ, другое – ВК [Черных, 1970. С. 69, 129, рис. 60, 9. Табл. I, № 1726, 1727]. В Нижнем Поволжье такие шилья-острия иногда встречаются вместе с бронзовыми иглами эпохи поздней бронзы [Малов, 2018. С. 98–100]. Бронзовая иголка с отверстием в ушке из парного погребения № 11, упомянутая в отчете П.С. Рыкова как маленькое остриё, имела длину 67 мм (рис. 15, 6) [Малов, 2018. С. 87–88, № 13, с. 111, рис. 1, 11]. У женщины из коллективной могилы № 7 на шее было ожерелье из мелкого бисера, включавшее 5 фаянсовых (пастовых) бусин (рис. 9, 3) и 10 металлических (сурьмяных). Такие украшения широко представлены в покровской и ранней срубной культурах [Малов, 1992. С. 44–47, 49, 50, рис. 9. Таблица].

Два костяных предмета из трубчатой кости, обнаружены в индивидуальном погребении № 3 при костяке молодого человека. Лежавшая у лица «привеска», имела узкий дополнительный канал, через который могла проходить токая нить или шнур (рис. 3, 3). Другое орнаментированное изделие «привеска» найдено около коленных сочленений [Рыков, 1931 С. 33, рис. 2].

Это позволяет предполагать, что оно могло служить пряжкой для погребального ремня, стягивающего колени.

Разнообразные костяные и металлические изделия эпохи поздней бронзы называют «кольцами» не потому, что ими украшали пальцы рук, а из-за их формы. Они заслуживают специальной системной классификации и трасологического изучения, с целью выяснения их функционального назначения. В погребении ребенка из 10 Новоузенского кургана обнаружено костяное кольцо из тонкой кости с тремя малыми боковыми отверстиями, которое, вероятно, выполняло функцию поясной пряжки (рис. 16, 2) [Малов, 1993. С. 40–41, рис. 4, 15]. Аналогичное предназначение могло быть у кольца с двумя малыми боковыми отверстиями из кургана около поселка Спартак, лежавшего на левом крыле таза [Ким и др., 1993. С. 157, 159, рис. 3, 6). Такую же функцию выполняло кольцо из впускного погребения срубной культуры в группе «Горбатый Мост» близ с. Широкий Карамыш Лысогорского района Саратовской области. На дне прямоугольной ямы, располагался скелет взрослого человека в позе адорации, ориентированный черепом на северо-запад, с баночными сосудами без орнамента. Под тазовыми костями лежало костяное кольцо овального сечения и диаметром 2,3 см [Малов, 1987а. Л. 36–37, 109, рис. 70, 7–9]. В погребениях из курганов около с. Спартак и с. Широкий Карамыш кольца располагались в районе таза, там же, где костяные изделия других форм, которые исследователи традиционно относят к пряжкам.

В двух коллективных (№ 7, 9) и одной парной разнополой (№ 11) могилах Чардымского кургана обнаружены остатки от берестяных туесков-коробочек [Малов, 2017. С. 42–43, № 6–8]. Коробочка в головах женщины из погребения № 7 имела размер 15 x 20 см. В захоронении № 9 она относилась к детскому костяку. Днище от туеска диаметром до 12 см. обнаружено на дне погребения № 11. В Нижнем Поволжье берестяные туески-коробочки чаще ставили на дно покровских (Чардым, к. 1, п. 7, 9, 11; Ровное, к. 3, п. 10; Короли, 5, п. 1; Натальино, к. 14, к. 18, п. 5; Терновка, к. 4, п. 21), а не срубных (Кочетное, к. 5, п. 9) могил [Малов, 2017. С. 54].

Материалы раскопок первого Чардымского кургана послужили для П.С. Рыкова одной из основ для выделения в срубно-хвалынской культуре погребений более поздних стадий «Д» и «Е» [Малов, 1986. С. 21–22, рис. 1; Малов, 2016. С. 345–351]. Среди изменений, наблюдаемых в формах керамики этих стадий, профессор отметил следующие признаки: «острорёберность», «баночность», черты «вазообразно-баночности» и «баночно-вазообразности» [Рыков, 1931. С. 33]. Первый Чардымский курган относится к покровско-срубной стадии позднего бронзового века Нижнего Поволжья (ПБВ 2.1), датируемой в калиброванном значении XVII–XVI вв. до н.э. [Малов, 2012; Малов, 2012а; Малов, 2014; Малов, 2019. С. 85. Таблица].

Он представляет собой редкое явление в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья, поскольку здесь обнаружены самые многочисленные, по количеству погребенных, совместные групповые коллективные комплексы. В захоронениях № 4, 7, 9 совместно размещены 12 покойников. При этом в девятую могилу, спустя короткое время, дополнительно подзахоронили еще одного человека (№ 10). Вместе с парной разнополой могилой № 11 общее количество захороненных совместно составит 14 человек. Скорее всего, коллективные могилы принадлежали одной семейно-родовой группе населения [Синицын, 1959, С. 191–192; Малов, 1987. С. 146, 150, 155]. Вероятно, в них похоронены представители популяции, скоропостижно скончавшиеся от эпидемии. Инфекционное заболевание также могло стать причиной одновременных смертей, захороненных в тройной, семейной покровско-срубной могиле (№ 2) из Аткарского кургана № 23. Данной точке зрения придерживался Н.К. Арзютов [Арзютов, 1936. С. 35; Арзютов, 1936а. С. 97–98]. Н.Я. Мерперт допускал, что совместные захоронения семейного типа могли появиться в срубной культуре Заволжья из-за эпидемий [Мерперт, 1954. С. 142]. Основные коллективные могилы покровско-срубной стадии Чардымского кургана с находящейся в них совместно абашевской, покровской и срубной керамикой, свидетельствуют об особенностях процесса культуругенеза, протекавшего в эпоху поздней бронзы на северной территории Нижнего Поволжья и в сопредельных регионах.

Литература.

Арзютов Н.К. О чем говорят курганы. Рассказы об археологических находках в Нижнем Поволжье. Под научной редакцией профессора П.С. Рыкова. Саратов: Саркрайгиз, 1936.

Арзютов Н.К. Аткарский курганный могильник раскопки 1928–30 гг. // Известия Саратовского НВИК. Саратов, 1936а. Т. VII.

Борисов А.В., Демкин В.А., Ганчак Т.В., Ельцов М.В. Исследование содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений эпохи поздней бронзы могильника Неткачево I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2006. Вып. 3.

Братченко С.Н. Пряжки эпохи поздней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. – СПб: ИИМК РАН, 1995. Археологические изыскания. Вып. 25 (II).

Бочкарев В.С. Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы // АВЕС. Материалы IV Нижневолжской археологической конференции (18–21 октября 2013 года) – Саратов, 2013. Вып. 10.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск: Абрис, 2011.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское изд-во, 1992.

Демин А.М. Реки и водохранилища Саратовской области // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов: Приволжск. Кн. изд-во, 2002.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Удальцов С.Н. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологических методов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 2014. № 2 (25).

Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. – СПб: Изд-во «Аврора», 1976. Вып. 17.

Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М. Новые погребения начального этапа эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. – Саратов: Изд-во СГУ, 1993.

Кияшко А.В., Хабарова Н.В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. – Волгоград: Изд-во «Панорама», 2007.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. № 32.

Кротков А.А., Шишкин П.Н. Сообщение о поездке в село Чардым Саратовского уезда // Труды СУАК. – Саратов, 1910. Вып. 26.

Кротков А.А., Щеглов С.А. Вторая поездка в с. Чардым Саратовского уезда, 14–16 мая 1910 года // Труды СУАК. – Саратов, 1911. Вып. 28. 1911.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. Известия ГАИМК. – Москва-Ленинград: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Вып. 119.

Кубанкина О.А. Некоторые материалы по золотоордынской археологии из фонда И.В. Синицына в государственном архиве Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2013.

Лапшин А.С. Покровская культура // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Лапшин А.С. Поздний бронзовый век / Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея. – Волгоград: "Издатель", 2013.

Литвиненко Р.А. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001.

Лопатин В.А. Памятники покровского типа: ключевые вопросы историографии (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. История и археология. 2013. № 3 (41).

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // АВЕС. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2010. Вып. 8.

Лопатин В.А., Малов Н.М. Костяные пряжки ромбовидной формы на археологических памятниках эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12–14 мая 2014 года. – Самара: ПГСГА, 2014.

Малов Н.М. Археологическая карта Воскресенского района Саратовской области. 1981 г. // Архив Государственной дирекции охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Саратовской области. 1981.

Малов Н.М. Конструктивные особенности псаля из Краснополя // СА. № 4. 1983.

Малов Н.М. Работы в Саратовском Поволжье // АО-1981. – М.: Наука, 1983а.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во СГУ, 1986.

Малов Н.М. Планиграфия нижеволжских подкурганых погребений покровского типа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. – Саратов: Изд-во СГУ, 1987.

Малов Н.М. Отчет о раскопках Широко-Карамышских курганов и Смеловского селища в Саратовской области за 1987 год. Архив Научно-исследовательской лаборатории СГУ, 1987а.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // АВЕС. – Саратов: Изд-во СГУ, 1989.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. – Саратов: Изд-во СГУ, 1992. Вып. 3.

Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа). Автореф. дис. – СПб: ИИМК РАН, 1992а.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1. 2012.

Малов Н.М. Культурогенез в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья: археолого-культурологический подход // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 2. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012а.

Малов Н.М. Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2014.

Малов Н.М. Профессор П.С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 16. Вып. 3. 2016.

Малов Н.М. Туески, березовая кора и древесина в погребениях покровской и срубной культур позднего бронзового века Нижнего Поволжья // АВЕС. – Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2017. Вып. 13.

Малов Н.М. Металлические швейные иглы позднего бронзового века в Нижнем Поволжье // АВЕС. – Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2018. Вып. 14.

Малов Н.М. Погребение эпохи поздней бронзы из кургана 9 на выгоне города Покровска: раскопки П.Н. Шишкина // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018а. Т. 23. № 3.

Малов Н.М. Сосново-Мазинский клад // АВЕС. – Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2019. Вып. 15.

Малов Н.М. Пряжки из ископаемых морских моллюсков в погребениях срубной культуры позднего бронзового века Саратовского правобережья и Волго-Уральского междуречья // АВЕС. – Саратов, 2020. Вып. 16.

Матвеев Ю.П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. Вып. 13.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. 2005. № 2.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. № 42.

Мионов В.Г. Отчёт о работах Воскресенской археологической экспедиции Саратовского государственного университета 1985 года. Часть 2. Исследование памятников бронзового века // Научный архив СОМК. 1985.

Мионов В.Г. Отчёт о работах Воскресенской археологической экспедиции Саратовского государственного университета 1986 года. Часть 2. Исследование памятников бронзового века // Научный архив СОМК. 1986.

Мионов В.Г. Отчёт о раскопках кургана эпохи бронзы у с. Чардым, Воскресенского района Саратовской области Воскресенской экспедицией СГУ и СОМК в 1987 г // Научный архив СОМК. 1987.

Мионов В.Г. Археологическая карта Воскресенского района Саратовской области. Отчёт Воскресенской археологической экспедиции 1991 года // Архив Государственной дирекции охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Саратовской области. 1991.

Мионов В.Г. Предварительные итоги 10 лет работы Воскресенской археологической экспедиции СГУ (1983–1992 г.г.) // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. – Саратов, 1994.

Мионов В.Г., Петрова Н.Ф. Разведки и раскопки в Саратовской области // АО-1985. – М.: Наука, 1987.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. Коллектив авторов. Отв. ред. Н.М. Малов. – Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. В1-10.

Пантелеева С.Е. Типология сингаштинской керамики: проблемы и перспективы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж, Изд-во ВУ. 1988.

Раскопки П.С. Рыкова в Нижнем Поволжье. Переписка и отчёт за 1930 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. № 2, 1930. Арх. № 221.

Рыков П.С. Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения ГАИМК. 1931. № 8.

Рыков П.С. Чардымское городище // Известия Саратовского НВИК. Саратов, 1933. Т. 6.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. – Саратов: Саратовское Краевое изд-во, 1936.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Изд-во «Наука», 1967.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.). МИА. Памятники Нижнего Поволжья. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. № 78.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Воронежского пед. ун-та, 1996.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА. Памятники Нижнего Поволжья. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. № 60.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Изд-во «Наука», 1977.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА – М.: Изд-во Наука, 1970. № 172.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. V: Каргалы феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Язык славянской культуры, 2007.

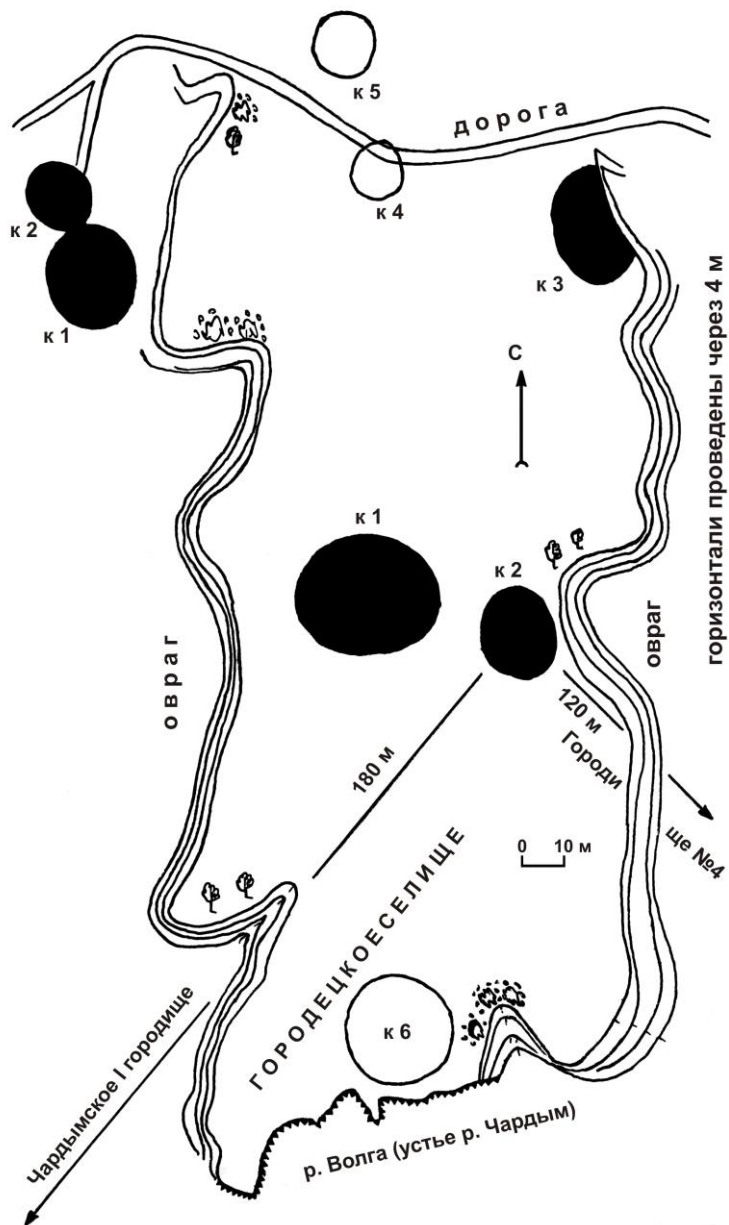

Рис. 1. Ситуационный план курганной группы между Чардымскими городищами №1 и №4. По В.Г. Миронову

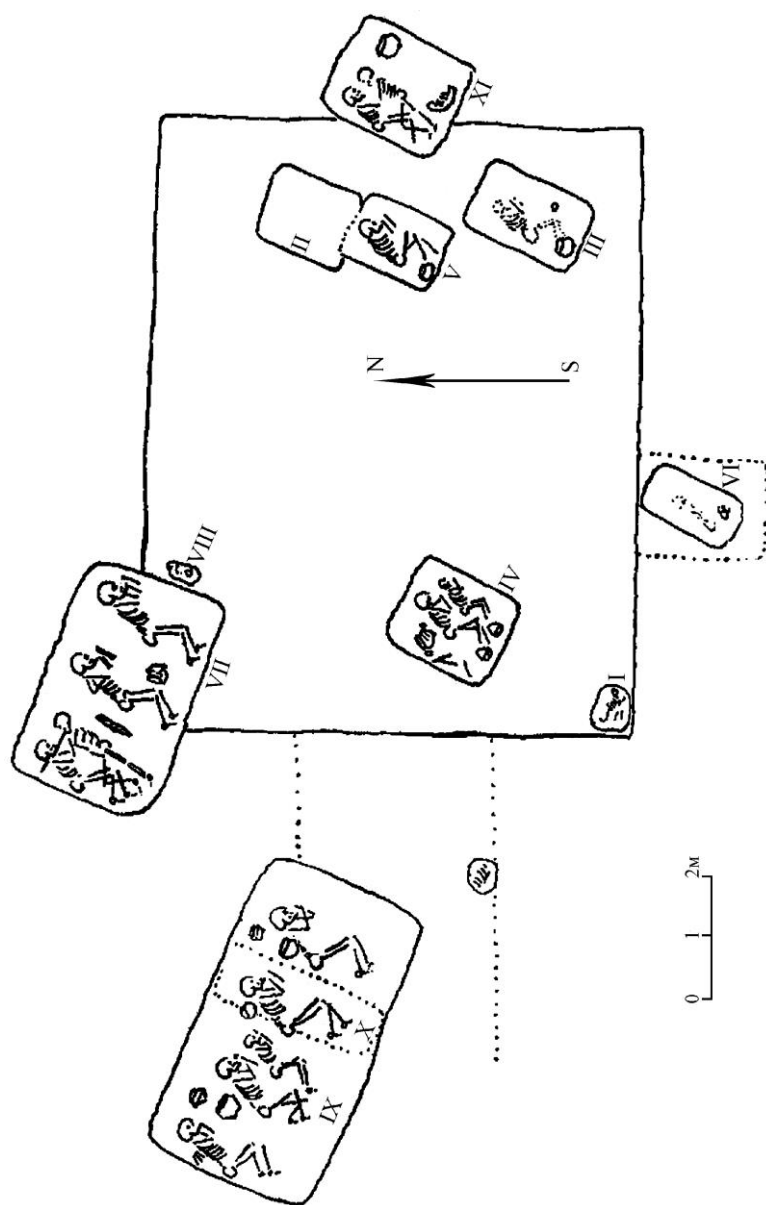

Рис. 2. Схематичный план расположения погребений в раскопе Чардымского кургана №1. По П.С. Рыкову.

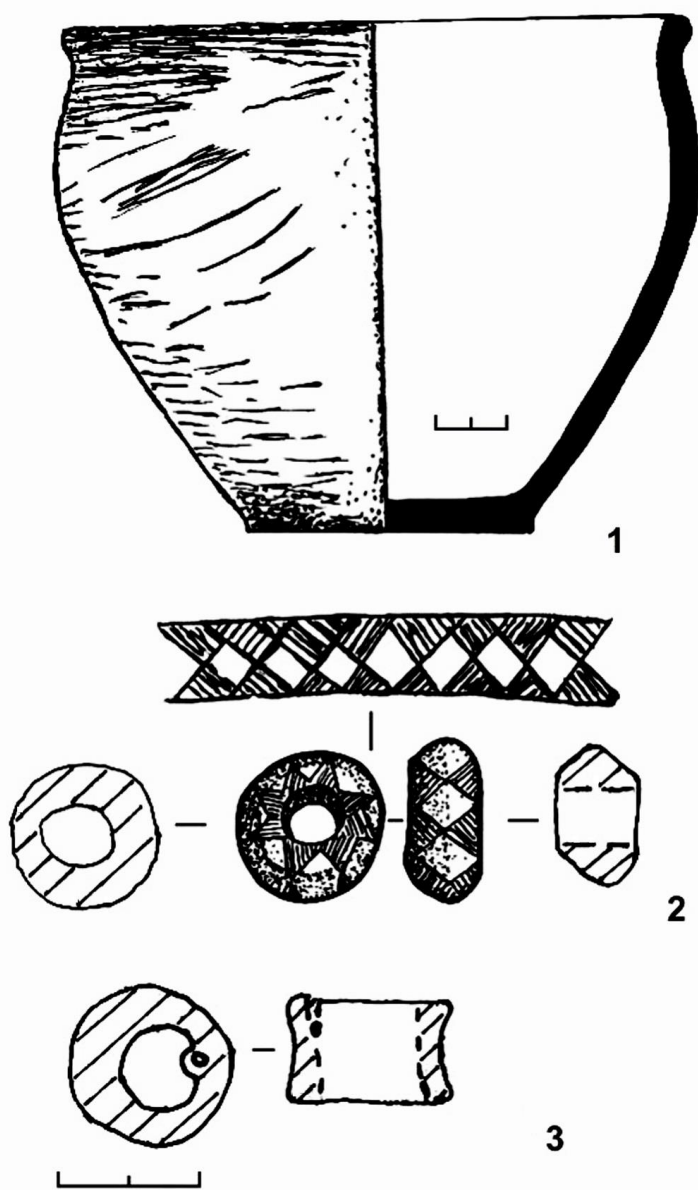

Рис. 3. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
Инвентарь из погребения 3: 1- керамика; 2-3 - кость.

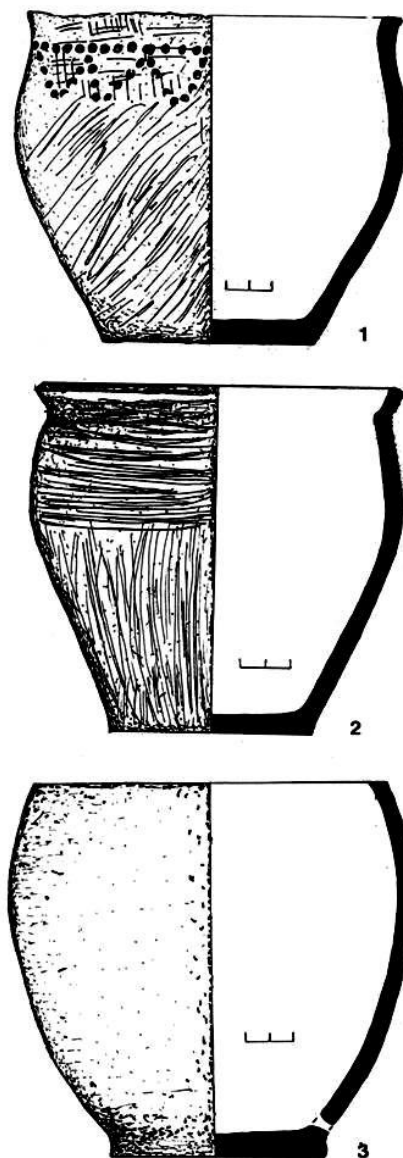

Рис. 4. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
Керамика из погребения 4.

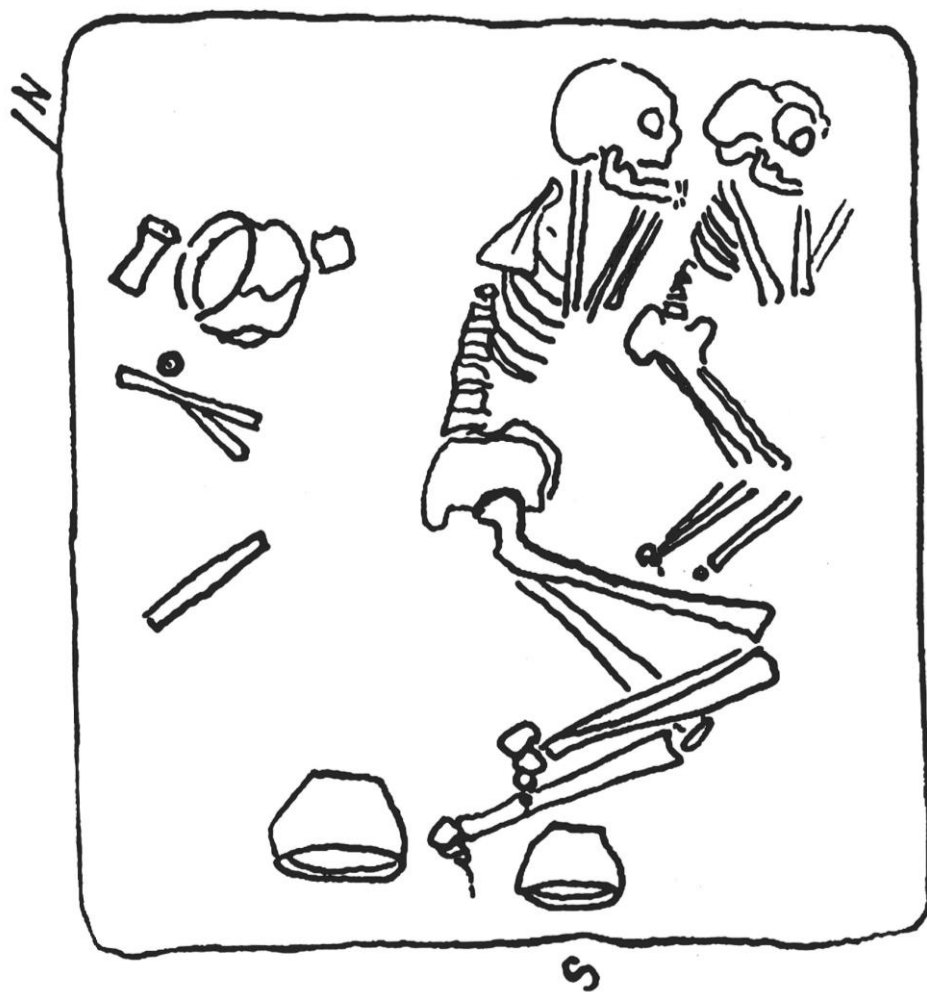

Рис. 5. Чардымский курган №1.
Раскопки П.С. Рыкова. План погребения 4.

Рис. 6. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
Керамика: 1- п.4; 2- п.5; 3 - п.7; 4, 5- п.9 (4 - скелет №4).

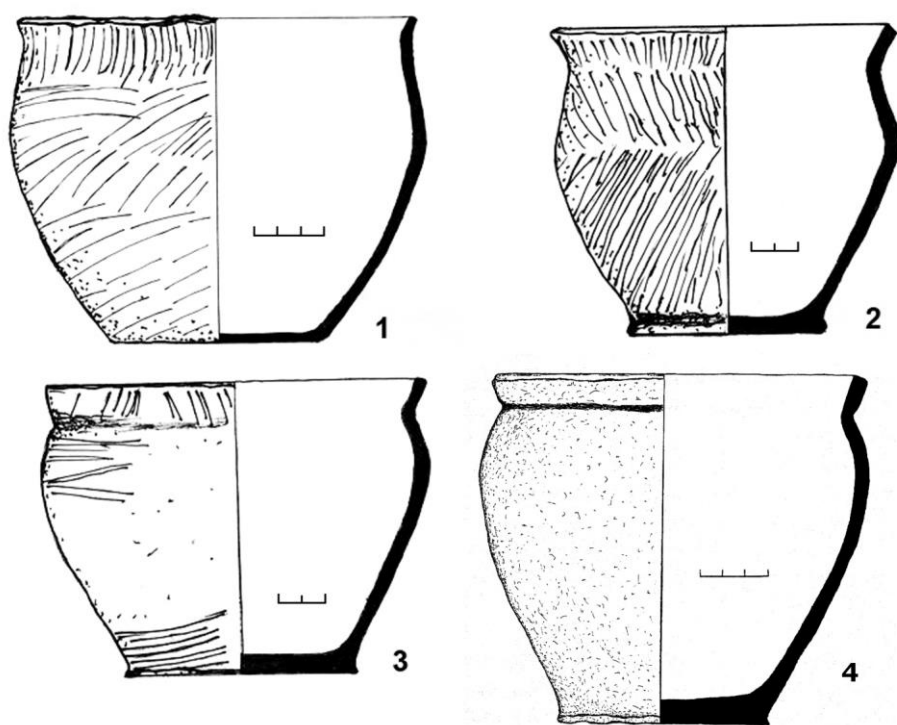

Рис. 7. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
Керамика: 1- п.5; 2 - п.7; 3 - п.6; 4 - п. 8.

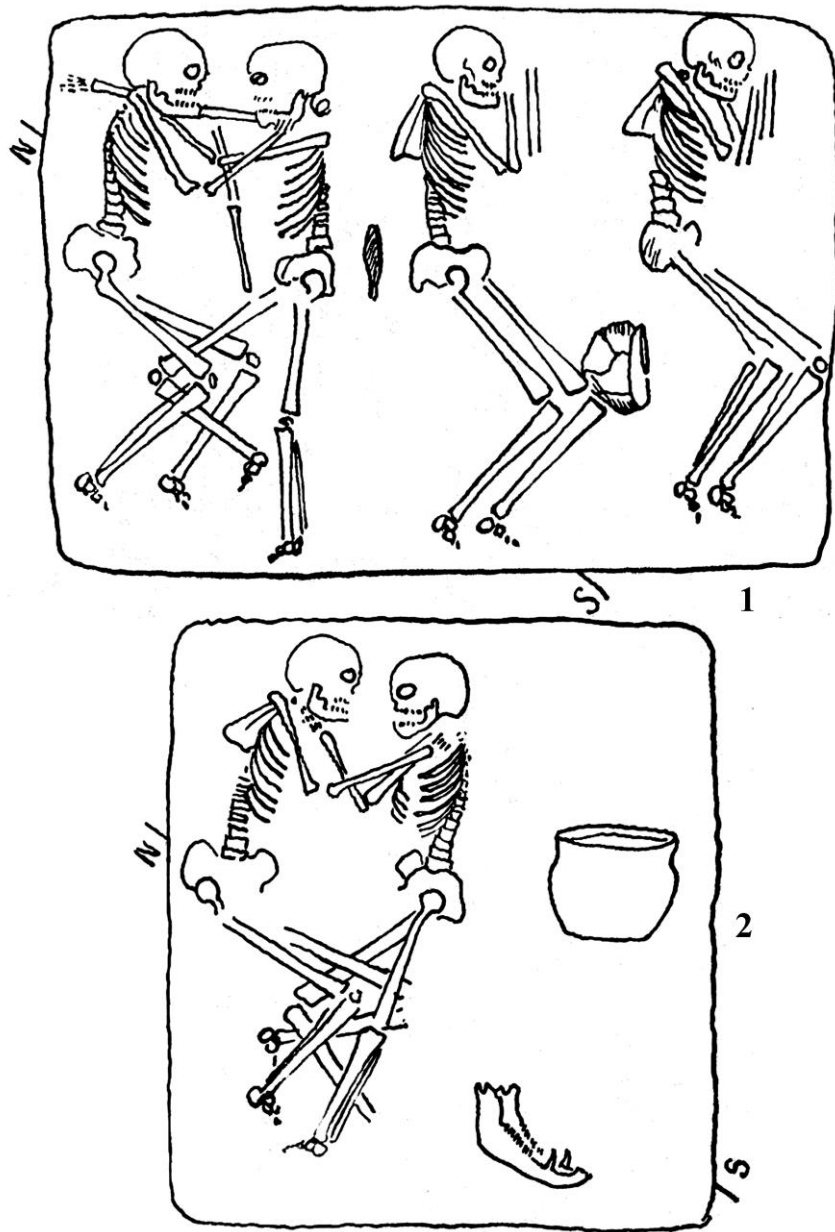

Рис. 8. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
Планы погребений: 1 - п.7; 2 - п.11.

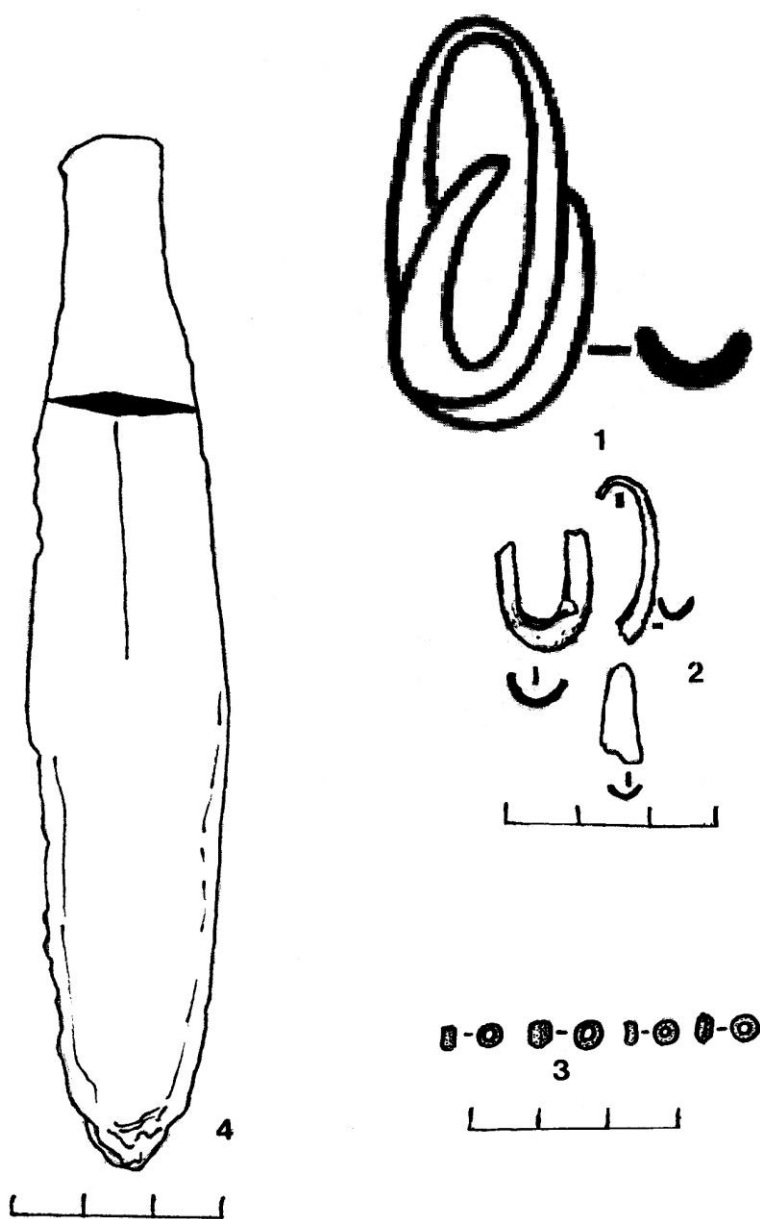

Рис. 9. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова. Вещи из погребения 7.
 Бронза - 1,2,4. Фаянс - 3. (1 - без масштаба. По О.А. Кривцовой-Граковой).

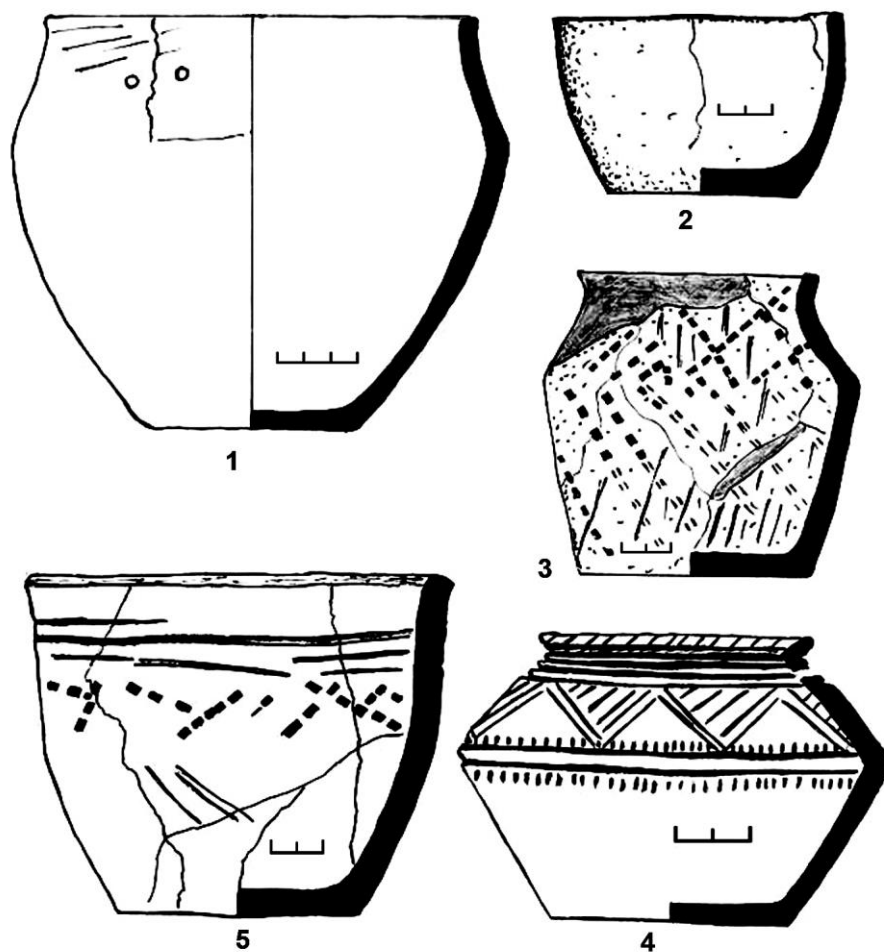

Рис. 10. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
Керамика из погребения 9.

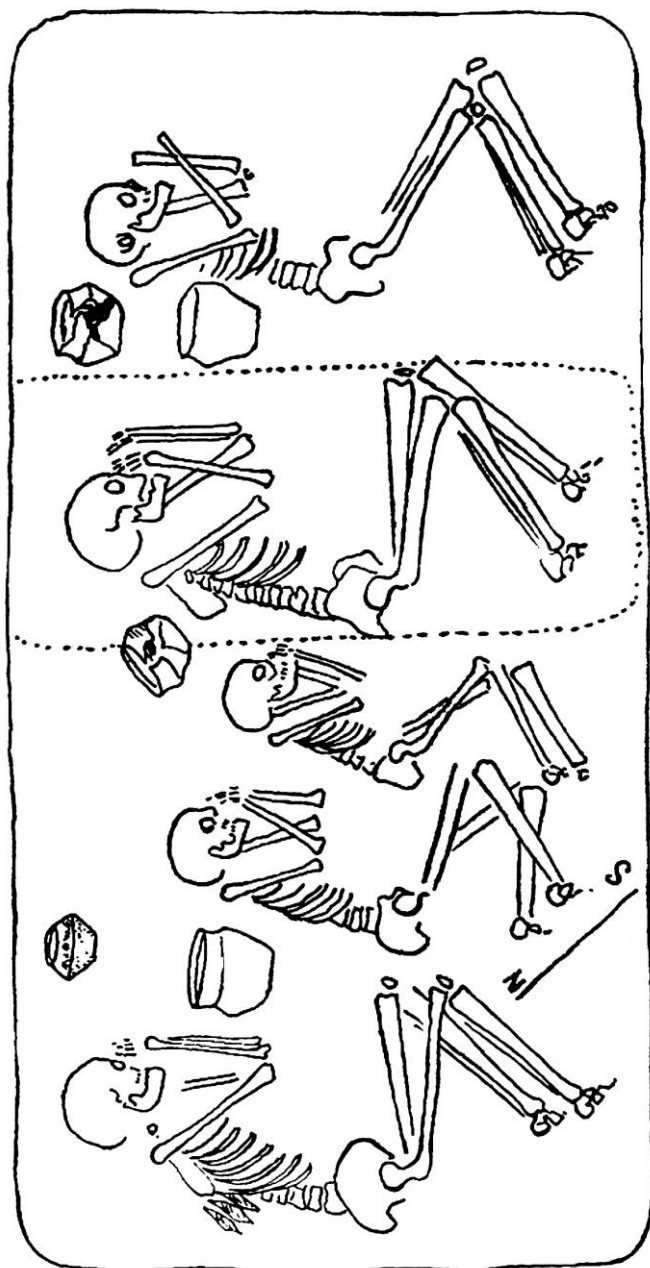

Рис. 11. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
План погребений 9 и 10.

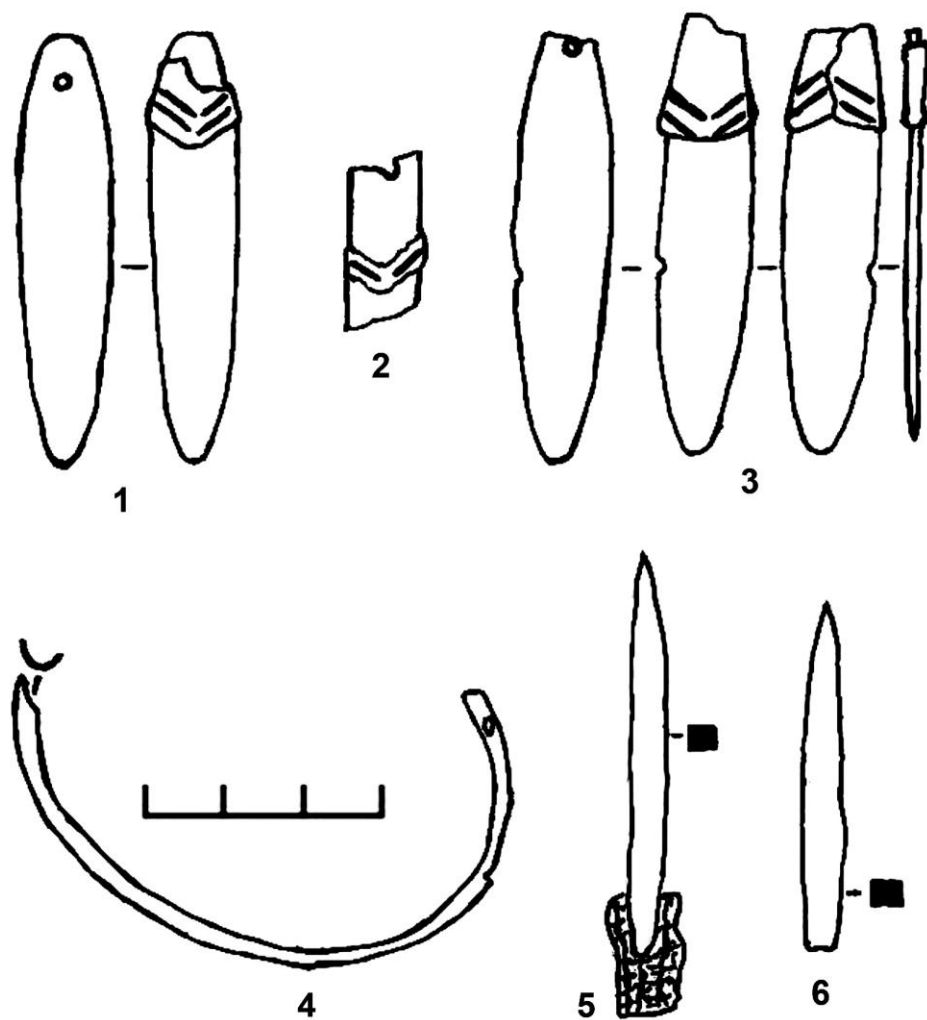

Рис. 12. Чардымский курган №1. Раскопки П.С. Рыкова.
Бронзовые предметы из погребения 9 и 10 (5,6).

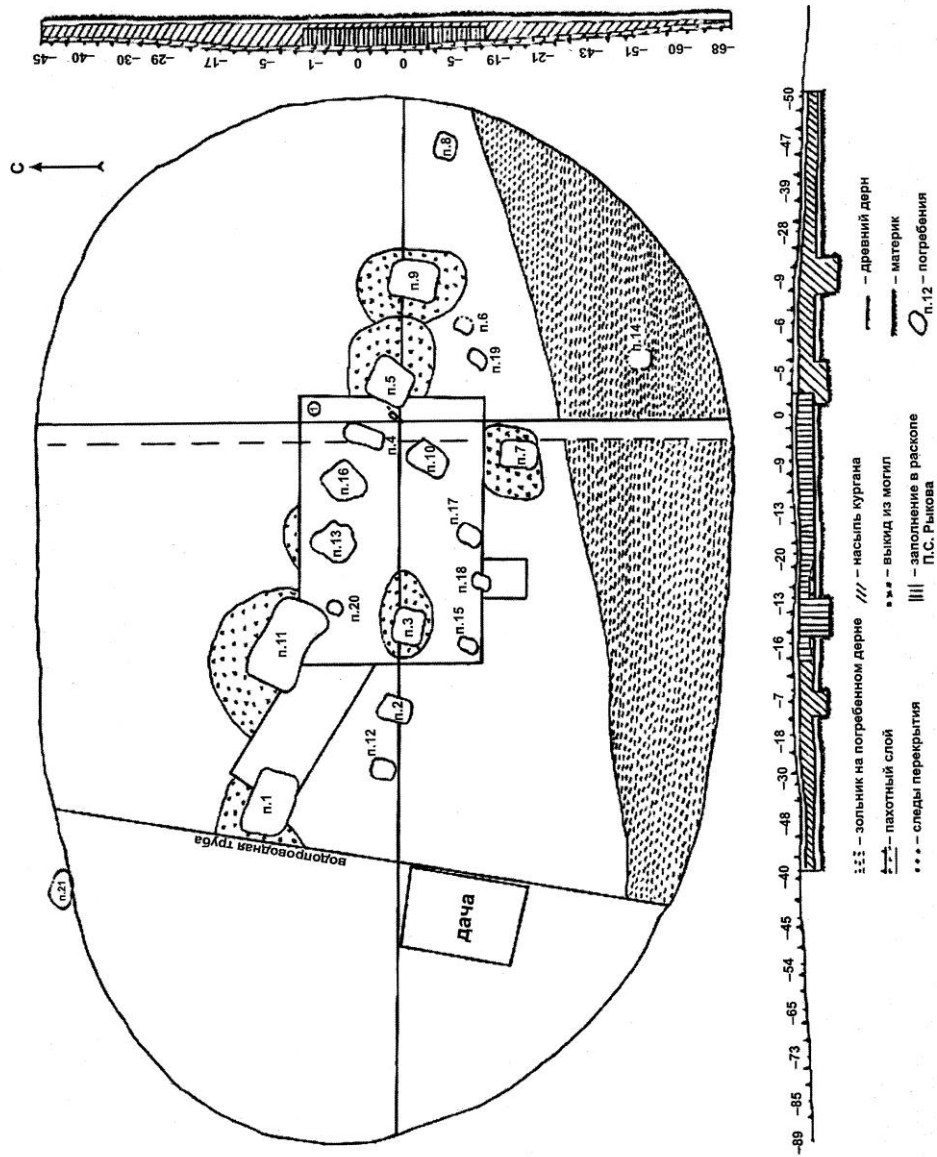

Рис. 13. Чардымский курган №1. План с новыми номерами погребений.
 Раскопки В.Г. Миронова.

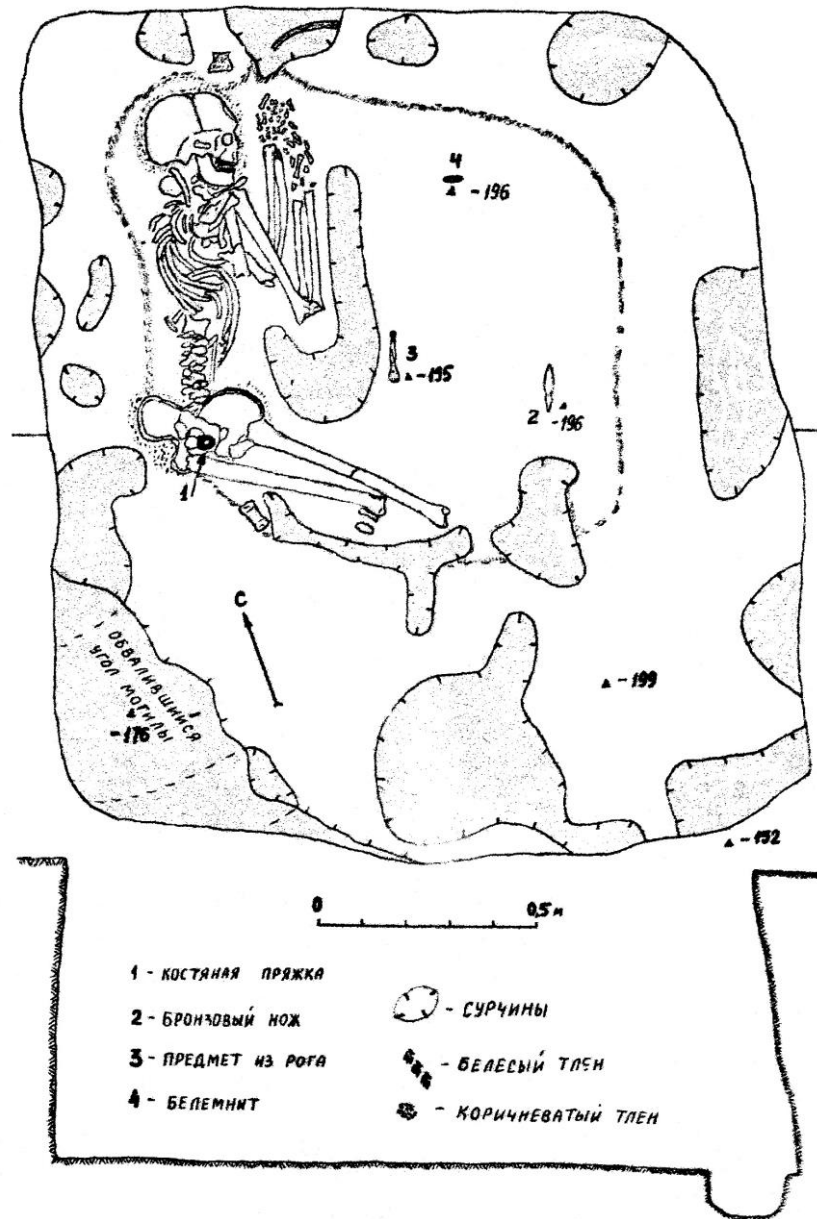

Рис. 14. Чардымский курган №1.
План погребения №9, выявленного В.Г. Мироновым.

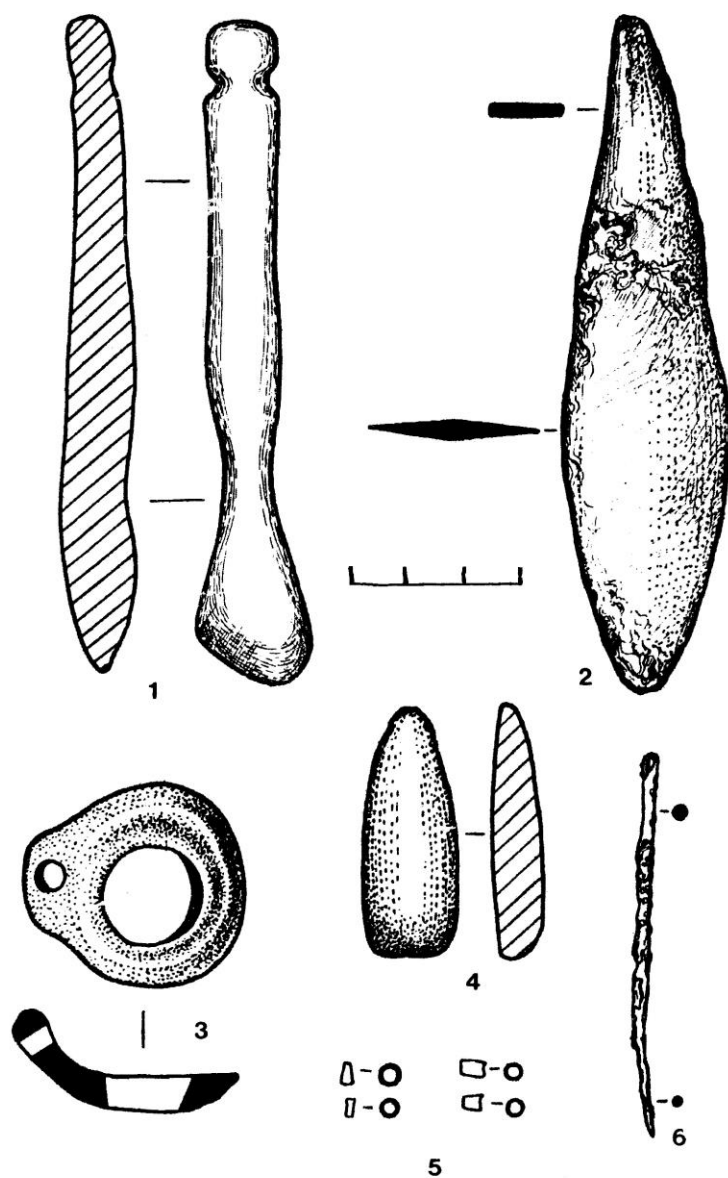

Рис. 15. Чардымский курган №1. Вещи из погребения №9 (1-4),
 выявленного В.Г. Мироновым и погребения №11 (Раскопки П.С. Рыкова).
 1,3 - рог, кость. 2,5,7 - бронза. 4 - белемнит.

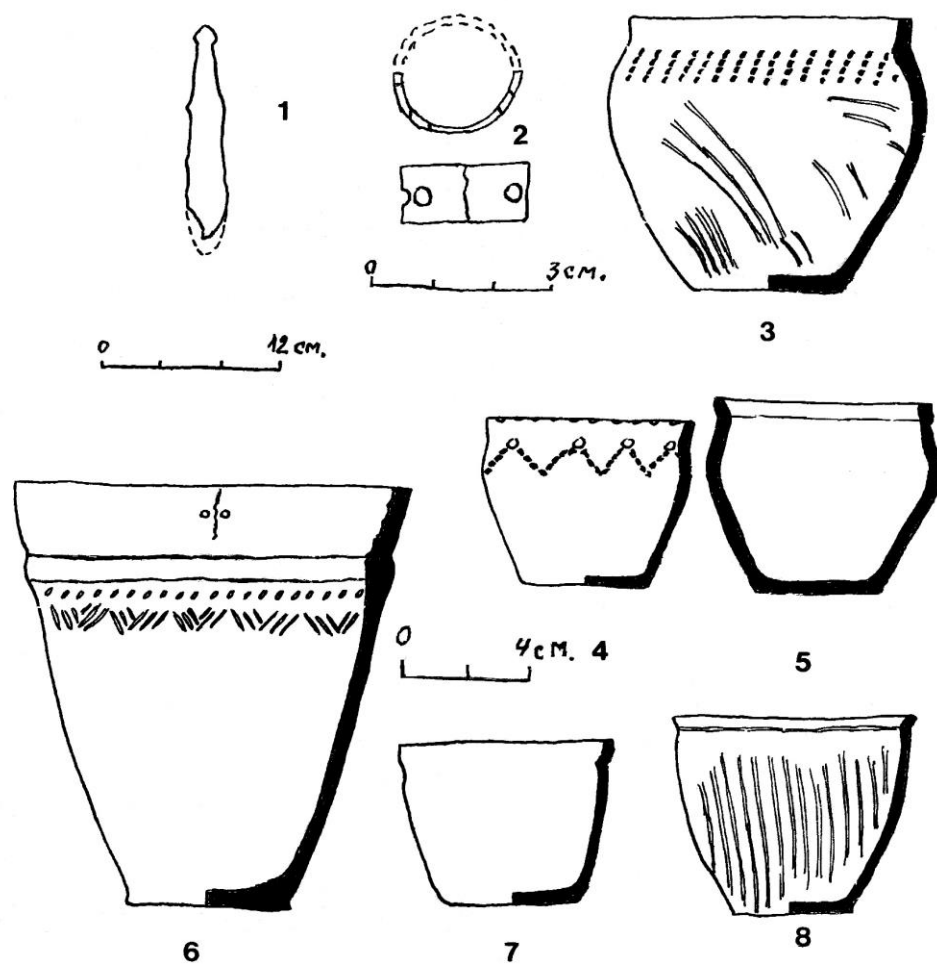

Рис. 16. Новоузенский курган №1. Вещи покровской культуры:
 3 - п.15, 4 - п. 11, 5 - п. 11, 6 - п.4, 7 - п.12, 8 -п.10. Керамика:
 3-8. Бронза - 1. Кость - 2.

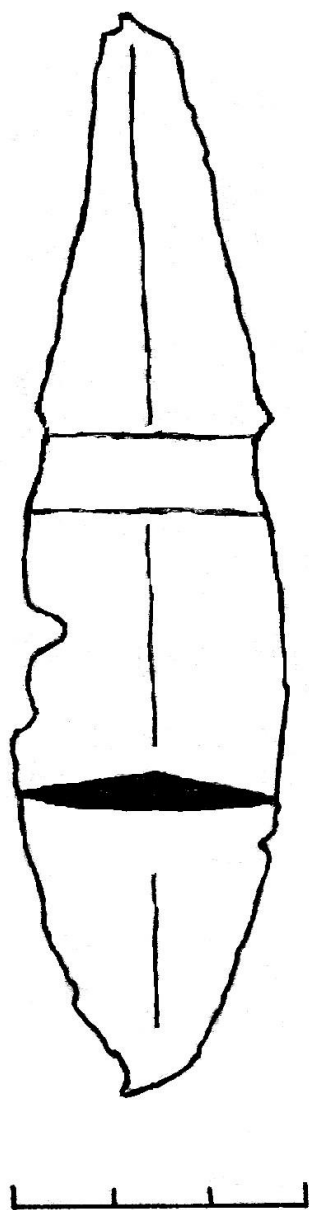

Рис. 17. Чардымский курган №1. Бронзовый нож из погребения №9, выявленного В.Г. Мироновым.

УДК 902|637.7|(470.44/.47)
ББК 63.4(235.54)

Кочерженко О.В., Слонов В.Н.

ОБРЯДОВЫЕ ГРУППЫ СМЕЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В работе на основании специального математического метода рассматривается погребальный обряд грунтового могильника у с. Смеловка Саратовской области. Анализ выявил существование трех групп погребений, две из которых относятся к срубной культуре. Третья группа обладает выраженной структурой признаков, характерных как для позднекатакомбных, так и посткатакомбных памятников. На раннем этапе сложения срубного обряда эта группа становится одним из «центров кристаллизации», вокруг которых при переходе от периода деструкции к периоду стабилизации формировалась ранняя срубная культура. Авторы предложили для нее название «Смеловская обрядово-культурная группа».

Ключевые слова: генезис срубной культуры, Смеловский могильник, математические методы в археологии, Смеловская обрядово-культурная группа.

Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.

RITUAL GROUPS OF THE SMELOVSKY BURIAL GROUND AND THE PROBLEM OF THE GENESIS OF SRUBNAYA CULTURE IN THE LOWER VOLGA REGION

The paper, based on a special mathematical method, discusses the funeral rite of the soil burial ground near the village of Smelovka, Saratov Region. The analysis revealed the existence of three groups of burials, two of which belong to the Srubnaya culture. The third group has a pronounced structure of features characteristic of both Late Catacomb and Post-Catacomb sites. At an early stage of the Srubny rite, this group becomes one of the "crystallization centers" around which, during the transition from the period of destruction to the period of stabilization, an early Srubnaya culture was created. The authors suggested the name "Smelovskaya ritual and cultural group" for it.

Key words: genesis of the Srubnaya culture, Smelovsky burial ground, mathematical methods in archeology, Smelovskaya ritual and cultural group.

В 1995 году экспедицией Саратовского госуниверситета под руководством В.А. Лопатина были начаты раскопки могильника у с. Смеловка Энгельсского района Саратовской области. Работы продолжались до 2000-го года, и результаты раскопок, а также анализ полученных материалов были представлены автором в монографии «Смеловский курганный могильник: локальная модель культуругенеза в степном Заволжье» [Лопатин, 2010]. Само название труда говорит о том, что материалы могильника позволяют ставить серьезные вопросы происхождения и развития культур эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья.

Всего автором в монографии представлены данные по 131 погребению, включая присутствующий в них инвентарь. При этом им подробно и тщательно разбирается топография памятника, непосредственно сам погребальный обряд, а также демографические и некоторые другие особенности погребенных.

С точки зрения В.А. Лопатина погребения Смеловского могильника могут быть распределены по 3 обрядовым группам, именуемым автором 1ОГ, 2ОГ и 3ОГ. Всем этим группам исследователь дает культурную и хронологическую атрибуцию. Автор располагает обрядовые группы в хронологическом интервале от криволукских комплексов посткатакомбного времени до позднего этапа срубной культуры, соответствующего поселению Смеловка, расположенному вблизи рассматриваемого могильника, и по версии исследователя время существования Смеловского могильника охватывает три периода: криволукский, покровский и срубный вплоть до его позднего этапа.

Как полагает В.А. Лопатин, «границы» погребального комплекса задают погребения криволукцев, ограничивая «сакральное пространство» [Лопатин, 2010. С. 106]. Далее следует этап погребений с «покровскими чертами», которые постепенно изживаются, и далее следуют классические срубные погребения.

Автор также уделяет большое внимание демографическим особенностям выделенных им групп погребений. Так, в частности, указано на преобладание взрослых, часто пожилых индивидов, погребенных в криволукских комплексах. В захоронениях с покровскими чертами отмечено явно непропорциональное преобладание детских захоронений. В срубное же время демографические показатели близки к стандартным [Лопатин, 2010. С. 167]. Для объяснения демографических диспропорций ранних периодов исследователь предполагает одновременное бытование как курганных, так и грунтовых могильников.

Безусловно, автор раскопок, как никто другой, видит особенности и детали исследуемых материалов. Тем более ценны его выводы, когда, как в нашем случае, вслед за представлением, «публикацией материала», следует

его глубокий аналитический разбор, основанный на опыте многолетних исследований данной эпохи. В то же время, также несомненно, что всегда имеется возможность взглянуть на материалы с другой стороны, сделать еще один шаг вперед в понимании процессов сложения культур региона. И в настоящей статье ее авторами предпринята попытка с помощью специальных математических методов, прежде всего, выявить структурные характеристики погребального обряда, а далее на основе полученных структур связей выделить обрядовые группы и дать культурную атрибуцию получившихся обрядовых групп.

Для характеристики погребений мы взяли традиционно используемую в представлении погребального обряда степной поздней бронзы двухуровневую систему описания: «признак» (например, «поза погребенного») и соответствующий данному признаку набор «значений признака» (например, «скорченно на левом боку», «скорченно на правом боку» и др.). С целью проведения расчетов признакам и их значениям были присвоены индексы (приложение).

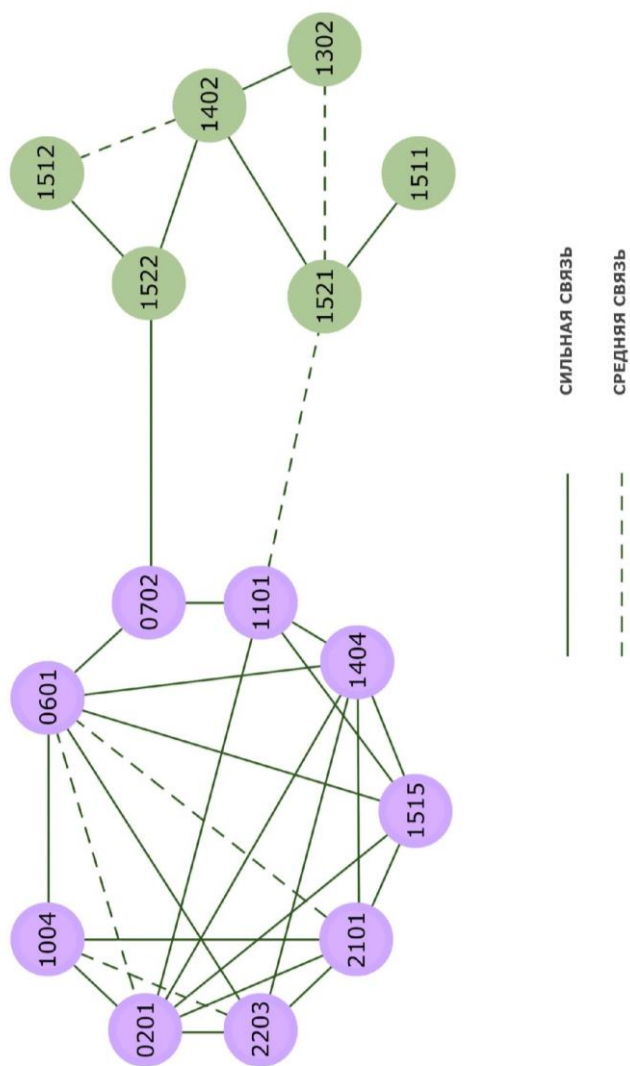
Структура погребального обряда определяется через совокупность тех значений признаков, которые «часто» встречаются вместе в одних и тех же погребениях. И здесь возникает необходимость количественного определения понятия «часто». Рассмотрим, например, значение признака «Овальная форма погребальной ямы» (индекс 0702) в целом по выборке. Частота его встречаемости составляет 0,326. Далее возьмем не всю выборку, а только те погребения, которые обладают значением признака «Могильная яма с подбоем» (индекс 0601). Для такой «подвыборки» частота встречаемости значения признака 0702 окажется уже другой, а именно – 0,750, что на 130% больше частоты встречаемости признака 0702 в целом по выборке: $100\% \times (0,750 - 0,326) / 0,326 = 130\%$. И если нами определен порог значимости, скажем, на уровне 100%, мы должны зафиксировать связь между значениями признаков 0601 и 0702.

Задавая порог значимости и рассматривая все возможные пары значений признаков, мы в итоге получим граф значимых связей, по которому можно судить о том, какие группы значимых связей формируются на базе исследуемой выборки погребений, т.е. выявить СТРУКТУРУ погребального обряда¹. Получившийся для Смеловки граф связей представлен на рис. 1.

¹ Используемая нами методика включала в себя также учет массовости значения признака (это когда для большей частоты встречаемости сила связи оказывается также больше) и еще ряд дополнительных частных деталей. Расчеты производились специальной программой, которая была создана д.ф.-м.н. Д.В. Кондратовым, которому авторы, пользуясь случаем, выражают свою глубокую благодарность. Кроме того, мы готовы предоставить возможность пользования данной программой всем коллегам, которые пожелают это сделать по своим материалам. Для

Хорошо видно, что для погребального обряда Смеловского могильника по связям значений признаков выделились 2 структуры (рис. 1).

получения возможности использования программы обчета погребального обряда достаточно просто с нами связаться по электронной почте: vnslonov@yandex.ru.

Структура 1:

- 0201 – центральное погребение в круговой структуре
- 0601 – могильная яма с подбоем
- 0702 – овальная форма погребальной ямы
- 1004 – положение погребенного скорченно ничком, либо с завалом на живот
- 1101 – сильная степень скорченности
- 1404 – керамика в погребении отсутствует
- 1515 – местонахождение «1-го» сосуда не фиксируется за его отсутствием
- 2101 – наличие костей МРС
- 2203 – положение костей животных на дно могилы

Структура 2:

- 1302 – СВ ориентировка погребенного
- 1402 – наличие в погребении 2-х сосудов
- 1511 – местонахождение «1-го» сосуда у головы погребенного
- 1521 – местонахождение «2-го» сосуда у головы погребенного
- 1512 – местонахождение «1-го» сосуда у рук/туловища погребенного
- 1522 – местонахождение «2-го» сосуда у рук/туловища погребенного

Следует отметить, что для любой рассматриваемой выборки свой вклад в формирование структур могут вносить не все признаки, а именно – структурообразующими не будут те признаки, у которых имеется какое-то одно значение признака, присутствующее на подавляющем большинстве, или даже вообще на всех погребениях данной выборки. Такие признаки не являются структурообразующими в принципе, поскольку характеризуют всю выборку в целом, отличая ее от каких-то еще других выборок. Для Смеловки не структурообразующими являются признаки:

- 01, значение 0101 – грунтовый могильник
- 03, значение 0306 – погребение бескурганного могильника
- 04, значение 0403 – погребение бескурганного могильника
- 08, значение 0802 – конструкции перекрытия могилы отсутствуют
- 09, значение 0902 – подстилка отсутствует
- 153, значение 1535 – третий сосуд отсутствует
- 16, значение 1602 – элементы «колесничного набора» отсутствуют
- 17, значение 1702 – элементы оружия дальнего боя отсутствуют
- 18, значение 1802 – элементы оружия ближнего боя отсутствуют
- 19, значение 1902 – орудия труда отсутствуют
- 23, значение 2302 – следы огня отсутствуют
- 24, значение 2402 – охра отсутствует

Наличие 2 структур означает наличие 2 систем устойчивой связи между значениями признаков погребений, и данным структурам соответствуют 2 группы погребений. К этим группам будем относить те погребения,

которые обладают 4 и более значений признаков структуры 1 и 3 и более структуры 2. Назовем их структурно-обрядовыми группами (СОГ) и присвоим номера: 1СОГ и 2СОГ, а далее – сравним с теми группами, которые выделяет для Смеловского могильника В.А. Лопатин – 1ОГ, 2ОГ, 3ОГ.

Группа 1СОГ: **9 12 20 33 38 67 70 80 111 112 118 131**

Группа 1ОГ: **6 9 12 20 24 33 34 35 36 37 38 67 70 111 112 128**

(курсивом здесь выделены совпадающие номера погребений групп 1ОГ и 1СОГ)

Для группы 1СОГ имеется 9 совпадений из 12 или 75%, т.е. можно говорить о большой близости состава групп 1СОГ и 1ОГ. Следует отметить важную «демографическую особенность» группы 1СОГ: подавляющее большинство здесь – взрослые (10 из 12), подростков – 2, а детей – НИ ОДНОГО.

В группу 2СОГ вошли погребения: **11 34Г 48 57 72 73 97 98 102 106 110 113 114 115 116 117 119 120 122 123 126 129**. Ее можно сравнить с группой 3ОГ В.А. Лопатина: **8 13 29 45 47 48 50 53 58 59 61 62 72 74 80 81 86 87 95 98 99 102 102 104 105 109 110 113 114 116 117 119 120 121 123 125 126 129**

Для группы 2СОГ с группой 3ОГ имеется 14 совпадений из 22 или 64% – допустимо говорить о «родстве» групп 2СОГ и 3ОГ. В группе 2СОГ взрослых оказалось только около половины, остальные – подростки и дети, разделившиеся примерно поровну.

Для группы 2ОГ В.А. Лопатина, которую он именуется «покровской», своей структурно-определенной группы не нашлось, что позволяет констатировать, что основанием для индивидуализации данной группы могут служить только некоторые особенности ее керамического комплекса.

Однако было бы не совсем верно просто констатировать обрядовую невыделенность группы 2ОГ. Дело в том, что по результатам нашей обработки нужно говорить не о двух, а о трех выделившихся группах погребений. Первые две охарактеризованы выше, и их характеристикой является структурная связность некоторых наборов значений признаков. Но есть еще третья группа, причем в ней оказалось большинство погребений выборки, это – все остальные погребения, не вошедшие в группы 1СОГ и 2СОГ. Данную группу не характеризуют внутренние структурные связи между признаками, и она – как бы «фоновая» группа «обрядового большинства», из которой выделяются две структурно связанные группы.

Тем не менее, и эта третья группа также может получить свою обобщенную характеристику путем представления тех значений признаков, которые в ней присутствуют более чем 50% погребений – «частая» встречаемость и более чем в 25% погребений – «регулярная» встречаемость. А теперь выделим из этой третьей группы «погребения с покровскими чертами» и

представим обобщенные характеристики «покровской» и «фоновой» групп, обозначая «регулярную» встречаемость через круглые скобки:

«Покровская» группа:

0202 - 0502 - 0603-0701-1001-1102-1201-1301-1401-1511-1525-2002-(2108)-(2206)
(0204) (0501) (1202) (2101) (2203)¹

«Фоновая» (без покровских погребений) группа:

0202 - 0502-0603- 0701 - 1001-1102- 1201 -(1301)- 1401 - 1511-1525- 2002 -2108-2206
(0204) (0501) (0702) (1004) (1202) (1302) (1404) (1512) (2001)
(1515)

Как хорошо видно по «доминантным» значениям признаков, «покровская» и «фоновая» группа обрядово НЕРАЗЛИЧИМЫ. Поэтому на могильнике Смеловка имеется третья группа погребений, но она не является обрядово-покровской. По своей сути это – некоторая «фоновая» группа, относительно которой выделяются своими внутренними связями группы 1СОГ и 2СОГ. Данную «фоновую» группу обозначим ЗСОГ-Ф.

Дадим культурную характеристику всем трем группам.

Группа ЗСОГ-Ф. Данная группа выделилась не по наличию внутренней структуры связей между значениями признаков, поскольку признаки, в ней присутствующие, по большей части – массовые, «фоновые». Тем не менее, она также может быть охарактеризована по присутствующим в ней доминирующим значениям признаков.

Ее характеризуют довольно обычные признаки срубной культуры: простая яма прямоугольной формы без каких-либо особенностей, положение погребенного скорченно на левом боку, средняя степень скорченности погребенного, в значительном большинстве случаев руки согнуты, кисти перед лицом, северо-восточная и северная ориентировки, наличие в погребении единственного сосуда, расположенного перед лицом.

Данную группу также характеризуют признаки, которые можно интерпретировать как «социально-непрестижные»: периферийное погребение в круговой структуре, один сосуд в качестве единственного инвентаря.

В этой группе присутствуют погребения, которые, не отличаясь обрядово, выделяются керамикой, имеющей покровские черты (отметим, что почти все такие погребения – детские). Кроме того, в ней присутствуют в близком процентном соотношении СВ и С ориентировки. Наконец, более 25% ее

¹ Группа по некоторым признакам может иметь как «частое», так и «регулярное» значение признака, в связи с чем возникает второй ряд характеризующих значений признаков.

погребений имеют положение рук, отличное от позы адорации – признак, присущий именно раннему этапу срубной культуры.

Группа 2СОГ.

Данную группу, которая, в отличие от предыдущей, является «структурно-определенной», выделяют следующие значения признаков: практически исключительно северо-восточная ориентировка, наличие в погребении двух сосудов, при этом один из них располагается в районе головы, а второй – в районе туловища погребенного. Группу также характеризуют простая яма прямоугольной формы, положение костяка скорченно на левом боку, а рук – в согнутом состоянии с кистями перед лицом.

Эти две группы включили в себя подавляющую часть погребений Смеловского могильника, и, в соответствии с этим, именно они дают культурную характеристику данному комплексу.

По совокупности характеристик, хронологическую позицию группы 3СОГ-Ф, а вместе с ней и основное время бытования Смеловского могильника, можно отнести к раннему периоду существования срубной культуры.

Все значения признаков, характеризующие группу 2СОГ, вполне обычны для срубной культуры. В то же время, планиграфическая выделенность – «тяготение» погребений данной группы к периферии (прежде всего – юго-восточной) памятника делает допустимым предположение о несколько более поздней позиции группы 2СОГ относительно основной массы погребений Смеловского могильника.

Вместе с тем, как нам представляется, наибольшее значение для культурной характеристики Смеловского могильника имеет третья из групп – 1СОГ.

Группа 1СОГ.

Едва ли будет преувеличением сказать, что именно эта группа определяет «лицо» Смеловского могильника. Как уже говорилось выше, ее характеризуют такие значения признаков, как центральное погребение в круговой структуре, овальная форма могильной ямы, наличие подбоя, положение погребенного «ничком» с завалом на живот в сильно скорченном положении, а также безынварность, но при регулярной встречаемости костей барана. Кроме «доминантных» признаков, следует отметить большое разнообразие ориентировок, а также – присутствие положения рук, отличного от позы адорации.

Отдельно подчеркнем такие весьма специфичные и не всегда учитываемые при анализе погребального обряда признаки, как положение скорченно

ничком и сильная степень скорченности. И – самое важное: для данной группы характерен такой доминантный признак, как «центральное погребение в круговой структуре». Здесь же еще раз отметим то обстоятельство, что 10 из 12 погребений группы – взрослые, при полном отсутствии детских захоронений.

Особое внимание следует уделить взаимному расположению погребений выделенных групп в топографии памятника. Как уже отмечалось, автор раскопок также считал этот вопрос важным и потому уделил ему особое место при анализе материалов могильника. Действительно, топография данного памятника «говорящая» и заслуживает отдельного разбора.

Итак, по мнению В.А. Лопатина могильник развивался с СЗ на ЮВ, а погребения 1ОГ первоначально маркировали границы, окраины сакрального пространства. Далее, с его точки зрения, первоначальная традиция сооружения ровиков, связанная именно с ранним горизонтом захоронений этой группы, постепенно угасает в последующие эпохи. Именно этим ранним захоронениям и посвящены обряды «трансферной коммуникации» покровских и срубных подхоронений [Лопатин, 2010. С. 167].

Здесь следует отметить, что развитие могильника с СЗ на ЮВ действительно подтверждается тем наблюдением, что именно в СЗ части памятника располагаются завершенные комплексы и «закрытые» системы ровов (полное кольцо с «входом», либо без такового). Однако разорванные ровики и системы кругового расположения захоронений могут быть не только свидетельством деградации традиции, но и следствием незавершенности обряда. Возможно, создание рва не всегда являлось действием, одновременным сооружению погребений, и данное обстоятельство могло иметь и сакральный смысл как акт, совершаемый последовательно по мере заполнения комплекса.

Нам представляется дискуссионным предположение, что захоронения какой-то обрядово-значимой (отметим, что речь идет только о взрослых погребенных) группы маркировали границы сакрального пространства. Традиционная погребальная обрядность степной бронзы дает нам расположение престижных погребений преимущественно В ЦЕНТРАХ сакральных комплексов в окружении или сопровождении менее престижных погребений. То есть, в случае Смеловского могильника более логичным представляется предположение, что такие погребения маркировали не границы или окраины сакрального пространства, а представляли собой будущие центры «кластеров» групп погребений родственников.

Далее будем говорить конкретно о погребениях нашей группы 1СОГ. В Смеловском могильнике они фиксируются в окружении погребений срубных (включая те, которые имеют керамику «с покровскими чертами»). При этом социально-престижные захоронения сопровождаются подхоронениями, которые ни в одном случае их не нарушают. Тот факт, что погребения груп-

пы 1СОГ хронологически предшествуют сопровождающим их захоронениям, включая подхоронения, бесспорен, но их полная сохранность, значительные расстояния между «базовыми» могилами, явно завершённые обрядовые комплексы внутри рвов заставляют предположить, что временной разрыв между «погребениями пращуров» 1СОГ и сопровождающими их срубными и «с керамикой с покровскими чертами» минимален, и все они с большой вероятностью представляют единый погребальный комплекс.

Еще одно наблюдение касается комплексов ЮВ части могильника, где завершённые круги детских срубных захоронений совершены в одном случае вокруг пустой ямы (№№ 99, 113, 114, 119, 120, 123, 125, 126), а в другом – вокруг пустой площадки (№№ 48, 50, 51, 72, 73), как бы в «ожидании достойного претендента» на место центрального захоронения. Какой обряд стал бы «достойным завершением» этих погребальных кругов? Может быть, такой же, как и в СЗ ранней части могильника? Напрашивается предположение, что посткатакомбные погребальные традиции могли быть достаточно устойчивы и продолжали бытовать также в раннесрубном времени, выполняя функции «собирания», консолидации раннесрубного обряда. Косвенным образом это подтверждается тем фактом, что в подкурганном обряде встречаются ситуации, когда срубные захоронения располагаются вокруг центрального погребения с обрядом средней бронзы, не нарушая его (например, Бережновка I к. 32 п. 5; к. 35, п. 18; Политотдельское к. 4 п. 6; Бережновка II к. 14 п. 13; к. 87 п. 3).

Таким образом, вполне возможным является предположение, что погребения группы 1СОГ имеют не обрядово-хронологическую (раньше срубных), а обрядово-социальную (маркер социального статуса) атрибуцию.

Еще раз объясним, почему, в отличие от автора монографии, мы говорим именно о срубных, а не о «покровских» погребениях, о срубном, а не о «покровском» мире. Ведь В.А. Лопатин видит в материалах могильника именно «посткатакомбное взаимодействие» с «покровскими» материалами, а основной массе срубных погребений отводит более позднее время – в рамках ЗОГ, которые формируются в массе своей уже после «изживания» и «трансформации» покровских черт. Но дело в том, что материалы могильника, исследованные с точки зрения именно СТРУКТУРЫ погребального обряда, не дают НИКАКИХ оснований, кроме инвентаря, для выделения покровской обрядовой группы¹. И – самое главное: погребения могильника с точки зрения обряда не обнаруживают никаких свидетельств «взаимовлияния» покровских и посткатакомбных культурных признаков. Напротив, в погребени-

---

¹ Разумеется, мы понимаем, что в данном случае возможно говорить только о материалах конкретного могильника и определенной представленной на нем поло-возрастной (детской) группе.

ях «с покровскими чертами» скорее наблюдаются следы взаимодействия с «классической срубной» культурой в русле «параллельного» сосуществования (в настоящей работе мы не обсуждаем возможный хронологический диапазон такого взаимодействия). А на материалах Смеловского могильника мы как раз видим взаимодействие групп посткатакомбных и срубных.

Группа 1СОГ нам представляется настолько значимой, что она заслуживает получения имени собственного. С формально-обрядовой стороны многие черты этой группы, причем как «определенные» (наличие костей ног барана, обрядовый аскетизм), так и «неопределенные» (различные ориентировки погребенного) имеют соответствия в культурном явлении, некоторое время назад именовавшемся «криволукской культурной группой» [Мимоход, 2004. С. 108–114]. Собственно, В.А. Лопатин о своей группе 1ОГ, очень близкой по составу к нашей 1СОГ, и говорит как о криволукских погребениях [Лопатин, 2010. С. 74].

Но привязка группы 1СОГ к «криволукской культурной группе» невозможна по причинам как формальным, так и содержательным. К формальным причинам относится, прежде всего, то обстоятельство, что автор данного определения сам от него отказался [Мимоход, 2013. С. 173]. В то же время, то, в пользу чего он отказался – «генерализация» данного феномена с повышением его статуса до культуры (т.н. «волго-донская бабинская культура», ВДБК) нам видится, как минимум, преждевременным, поскольку для выделения «ВДБК» автором были предложены «внешние основания» при отсутствии ВНУТРЕННИХ показателей связности материала (лучше всего это видно на примере керамических материалов, которые Р.А. Мимоход отнес к «ВДБК» [Мимоход, 2013. С. 173]).

Однако, помимо формальных, имеются еще гораздо более существенные содержательные основания, не позволяющие применить к 1СОГ ни одно из имеющихся культурно-определяющих имен собственных. Оба «конкурентных» определения – и «криволукская культурная группа», и «волго-донская бабинская культура» рассматриваются в качестве принадлежности «блока посткатакомбных культурных образований» в рамках традиционной таксономической позиции «культурный тип – культура». При этом «блок катакомбных культурных образований» в диахроническом плане располагается между эпохами средней и поздней бронзы.

И вот здесь необходимо сформулировать позицию, с которой нам представляется правильным рассматривать «посткатакомбный» период. Именно – высказанную уже давно Е.Н. Черныхом идею о чередовании периодов стабилизации и периодов деструкции [Черных, 1988. С. 37–57]. С этой позиции «посткатакомбное» время относится как раз к периоду деструкции, и для него достаточно затруднительно адекватное применение выработан-

ных на основе анализа периодов стабилизации терминов «культурный тип памятников» и «культура» [Жемков и др., 2019. С. 185].

Период деструкции характеризуется наличием большого числа количественно немногочисленных групп, часть из которых представляет собой «распадающиеся осколки» предыдущего этапа стабилизации, часть – нестабильные короткоживущие группы. Но есть среди них и такие, которые постепенно «собирают» вокруг себя то, что будет представлять последующий этап стабилизации. При этом среди данных групп могут быть как вновь возникшие в период деструкции, так и оказавшиеся в силу тех или иных причин стабильными «осколки» предыдущего этапа, которые доживут до этапа образования нового мира и будут участвовать в его формировании в качестве неких «центров кристаллизации». И мы считаем, что данный феномен оказался, благодаря выявлению структуры погребального обряда с помощью математических методов, выявлен в Смеловском могильнике и представлен тем, что было поименовано как 1СОГ. Считаем, что такое явление впервые отмечено в материалах этапа формирования срубной культуры и может быть названо Смеловской обрядово-культурной группой.

Часть поздне-/посткатакомбных групп продолжали свое «обрядово-консолидирующее» существование уже в рамках раннесрубного времени, выполняя функцию «собрания», объединения раннесрубного мира. Такие погребения могли выполнять роль «предков», вокруг которых консолидировался новый обряд. И погребения трансферной коммуникации подтверждают необходимость и востребованность наличия на раннем этапе формирования обряда таких «центров коммуницирования» последующих и предшествующих поколений. Отметим, что точка зрения о существовании памятников «не-покровских», как минимум, одновременных покровским, либо даже предшествующих им, получает в последнее время все новых сторонников и подтверждение новыми материалами [см., напр.: Купцова, Лыганов, 2021. С. 376].

Учитывая многочисленные аналогии из курганных могильников [см., напр.: Кочерженко, Слонов, 2012. С. 115–123], можно констатировать, что на ранней стадии формирования срубного погребального обряда влияние и участие как поздне-, так и посткатакомбного мира выражено достаточно определенно и является скорее закономерностью.

Существование небольших мобильных культурных групп в период деструкции после распада катакомбного мира периода стабилизации средней бронзы представляется более логичным, чем формальное объединение материалов этого сложного динамичного периода в привычные схемы «культура – общность». Эти инструменты формализации материала отчасти помогают определить временные и территориальные рамки для дальнейшего

осмысления, но не решают вопросов значительных различий в материале, его динамике, участии в процессах культурогенеза как уходящих с исторической сцены, так и новых формирующихся новых культур.

Разнообразие погребального обряда в рамках даже количественно не очень большой смеловской культурной группы показывает значительные обрядовые отличия, что подтверждает мысль о сосуществовании не только различных культурных типов в эпоху посткатакомбного периода, но и продолжающееся в период формирования срубной культуры существование поздне-/посткатакомбных групп со своими особенностями обряда.

Отличия этих немногочисленных групп очень ярко могут быть проиллюстрированы различием в самых консервативных элементах погребального обряда, а именно – в позах захороненных. Если ориентировки, инвентарь, оформление погребального комплекса могут быть достаточно вариabельными в пределах стабильной культуры, то поза – это устойчивый стабильный параметр.

В посткатакомбных группах мы видим значительную изменчивость именно поз. Так, например, поза скорченно ничком вообще является самостоятельной, и вряд ли эти погребения можно относить к позе адорации, столь характерной в эпоху поздней бронзы.

Кроме того, мы считаем, что есть основания предполагать, что часть таких групп, усилившихся и получивших влияние в позднем периоде, становятся центрами консолидации нового погребального обряда уже в срубную эпоху. Эти усилившиеся группы, внутренне консолидированные, и объясняют тот факт, что, при всем разнообразии обряда, именно они образовали устойчивую структуру.

Материалы памятника очень ярко представляют процессы локального культурогенеза на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Взаимодействие позднекатакомбных, посткатакомбных, покровских и раннесрубных черт складываются в единый процесс формирования нового этапа глобальной стабилизации периода срубной культурной общности. Именно срубная культура во всем многообразии ее проявлений и распространенности на огромных территориях Восточной Европы становится лицом периода поздней бронзы. Потому вопросы формирования этого огромного культурного феномена имеют существенное значение для понимания процесса культурогенеза.

Важным условием для зарождения таких центров консолидации нового культурного мира являются не только благоприятные природные условия, но и взаимодействие с соседними культурными образованиями, обмен информацией и доступ к новым технологиям и источникам сырья. Наличие такого центра техногенеза на Урале, безусловно, сыграло огромную роль в

формировании центров культурогенеза, которые и привели к формированию культурной картины позднего бронзового века огромных территорий Евразийских степи и лесостепи.

Территория Нижнего Поволжья является одной из основных, где фиксируются процессы зарождения раннесрубного обряда. И Смеловский могильник дает очень значимые материалы для наблюдения этих процессов. Его материалы, подкрепленные другими, позволяют сделать вывод о том, что позднекатакомбные и посткатакомбные группы на этой территории, безусловно, смыкаются хронологически, доживают до раннесрубного времени и являются одной из ведущих составляющих (не исключая другие влияния) формирования срубных памятников Нижней Волги.

И если говорить об очаге срубного культурогенеза, то он возникает там и тогда, где и когда после распада крупной общности (катакомбного мира), пройдя через период деструкции, небольшие культурные группы, усилившиеся при благоприятных условиях, становятся центрами формирования нового культурного мира периода стабильного развития, а именно – срубной культурно-исторической общности. А логика формирования и развития срубного мира в этом случае обретает стройность и внутреннюю непротиворечивость. «Повисший в воздухе» развитый этап срубной культуры, который возникает в своем количественном и территориальном масштабе без определенных оснований и логичных истоков происхождения (каковые никак не дают покровские памятники) получает опору и корни. В Нижнем Поволжье это – позднекатакомбные и посткатакомбные памятники, различные черты которых, при наличии прочих составляющих мозаичного периода дестабилизации, маркируют процесс формирования нового срубного мира.

Литература:

Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Исследование кургана 3 у с. Дмитриевка и некоторые вопросы генезиса срубной культуры // АВЕС. Вып. 15. Саратов, 2019.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Курган у села Симоновка и некоторые вопросы интерпретации культурных групп переходного времени между средней и поздней бронзой // АВЕС. Вып. 9. Саратов, 2012.

Купцова Л.В., Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // Археология Волго-Уралья. Энеолит и бронзовый век. Т. II. Казань, 2021.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в Степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов, 2010.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье и Волго-Донское междуречье: содержание и дефиниции // АВЕС. Вып. 10. Саратов, 2013.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижне-волжская археологическая конференция. Волгоград, 2004.

Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

Приложение¹

01 Стратиграфическая позиция погребения

0101 Грунтовый могильник

0102 Основное в кургане

0103 Впускное в кургане

02 Структурно-планиграфическая позиция погребения

0201 Центральное в круговой структуре

0202 Периферийное в круговой структуре

0203 Принадлежащее линейной структуре

0204 Отсутствие планиграфической схемы

03 Планиграфическое размещение погребения

0301 В центре

0302 СВ сектор

0303 ЮВ сектор

0304 ЮЗ сектор

0305 СЗ сектор

0306 Погребение бескурганного могильника

04 Размещение погребения в кургане предшествующего времени

0401 Да

0402 Нет

0403 Погребение бескурганного могильника

05 Наличие ровика в ритуальном комплексе

0501 Да

0502 Нет

06 Конструкция могильной ямы

0601 С подбоем

0602 Со ступенькой

0603 Без особенностей

0604 Не фиксируется

---

¹ Предлагаемый нами для описания погребального обряда набор признаков может быть использован без изменений как для курганного, так и для бескурганного могильника – соответственно, он, при необходимости, дает возможность совместной обработки погребений могильников обоих типов.

07 Форма ямы

0701 Прямоугольная

0702 Овальная

0703 Не фиксируется

08 Перекрытие

0801 Да

0802 Нет

09 Подстилка

0901 Да

0902 Нет

10 Поза погребенного

1001 Скорченно на левом боку

1002 Скорченно на правом боку

1003 Скорченно на спине

1004 Скорченно с завалом на живот

1005 Скорченно с завалом на спину

1006 Прочее

11 Степень скорченности

1101 Сильная

1102 Средняя

1103 Слабая

12 Положение рук погребенного

1201 Адорация

1202 Отличное от адорации

13 Ориентация погребенного

1301 С

1302 СВ

1303 В

1304 ЮВ

1305 Ю

1306 ЮЗ

1307 З

1308 СЗ

14 Количество сосудов

1401 Один

1402 Два

1403 Три и более

1404 Отсутствуют

151 Местонахождение «первого» сосуда

1511 У головы

1512 У туловища

1513 В ногах

1514 На краю могилы

1515 Нет керамики

152 Местонахождение «второго» сосуда

1521. У головы

1522. У туловища

1523. В ногах

1524. На краю могилы

1525. Нет керамики

153 Местонахождение «третьего» сосуда

1531. У головы

1532. У туловища

1533. В ногах

1534. На краю могилы

1535. Нет керамики

16 Элементы «колесничного набора»

1601 Да

1602 Нет

17 Оружие дальнего боя

1701 Да

1702 Нет

18 Оружие ближнего боя

1801 Да

1802 Нет

19 Орудия труда

1901 Да

1902 Нет

20 Украшения

2001 Да

2002 Нет

21 Кости животных

2101 МРС

2102 КРС

2103 Лошадь

2104 Собака

2105 Дикие животные

2106 Разных видов

2107 Птицы

2108 Отсутствуют

22. Местоположение костей животных

2201 В засыпи

2202 Ступенька

2203 Дно

2204 Край ямы

2205 В сосуде

2206 Отсутствуют

23 Следы огня

2301 Да

2302 Нет

24 Охра

2401 Да

2402 Нет

УДК 902(470.44-15) |653|
ББК 63.4(235.54)

Хреков А.А.

НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЁРЬЯ
НА РУБЕЖЕ I–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
(к постановке вопроса)

В работе рассматриваются памятники и случайные находки салтово-маяцкой и боршевской культур рубежа I–II тыс. на территории лесостепного Прихоперья. Представлены характеристики керамики, орудий, вероятные пути этнических процессов.

Ключевые слова: Лесостепное Прихоперье, Средний Дон, салтово-маяцкая культура (алано-болгары), славяне боршевской культуры, керамические комплексы, этнические процессы.

Khrekov A.A.

POPULATION OF THE FORES-STEPPE PRIKHOPERYE
AT THE BOUNDARY OF THE I–II MILLENIA
(to the problem statement)

The paper deals with the monuments and the random finds relevant to the Saltovo-Mayatskaya and the Borshevo cultures of the I–II millennia boundary from the forest-steppe Prikhoperye region. Ceramics and tools descriptions are presented alongside with the probable paths of the ethnic processes.

Keywords: the forest-steppe Prikhoperye, the Middle Don, the Saltovo-Mayatskaya culture (Alans-Bulgarians), Slavs of the Borshevo culture, ceramic complex, ethnic processes.

История Хазарского каганата – одна из узловых тем средневековой истории Восточной Европы. Занимавшая огромную территорию, на которой жили различные народы, находившиеся на различном экономическом и культурном уровне, Хазария просуществовала около 300 лет – со второй половины VII в. до середины X в. Северные и северо-западные рубежи каганата представлены алано-болгарами, известными в археологической литературе как племена салтово-маяцкой культуры.

На территории Саратовской области памятники этого типа и его составляющие исследованы крайне слабо [Хреков, 2012. С. 252–258].

Некоторые данные о населении рубежа I–II тыс. обнаружены в лесостепном Прихоперье, на западе Саратовской области. Они не только расширяют источниковедческую базу, но и позволяют, хотя бы в общих чертах, представить этнические процессы, происходившие на территории Волго-Донского лесостепного междуречья в это время. В целом, речь идет о погребениях, в том числе стационарно раскопанных, случайных находках (сосудах, изделиях из бронзы, железа, фрагментах керамики), обнаруженных в пределах Балашовского района Саратовской области (рис. 1). Все перечисленные материалы хранятся в фондах и экспозиции Балашовского краеведческого музея.

Сосуды, представленные на памятниках, стандартны, поэтому мы будем придерживаться типологии предложенной С.А. Плетневой для керамики салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1989. С. 121–143].

К первой группе отнесены сосуды, сделанные на ручном гончарном круге, или подправленные на нем.

Вторая группа включает небольшое число лепных от руки сосудов, сделанных без применения гончарного круга, или иных приспособлений.

В свою очередь, каждая группа делится на отделы-столовой и кухонной посуды, а отделы на виды (горшки, кувшины, кружки, миски и т. д.).

Летом 1961 г. во время земляных работ в черте г. Балашова, на левом берегу р. Хопер, рабочие разрушили погребение взрослого человека, рядом с которым находились два сосуда и железный нож. Форма могильной ямы и положение костяка не установлены.

Обнаруженные сосуды мы отнесли к первой группе, представленной лепными или слегка подправленными на гончарном круге кухонными горшками.

Один из них (рис. 3, 1) яйцевидной формы (ближе к шарообразной) с плоским дном и коротким резко отогнутым наружу венчиком. Наибольшее расширение тулова находится на середине его высоты, или чуть выше. Верхний срез венчика украшен косыми насечками. Тулово окольцовывает линейный орнамент в виде широких и узких поясков, видимо подправленных с помощью гончарного круга, хотя довольно небрежно. На дне сосуда имеется четкое изображение клейма в виде квадрата с отрезком. Тесто с примесью песка и мелких зерен шамота. Поверхность темно-серого цвета, слегка залощена. Высота 15,5 см., диаметр устья 11 см., дна 10,6 см.

Второй горшок лепной, яйцевидной формы, с плоским дном и коротким чуть отогнутым венчиком (рис. 3, 2). Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть сосуда. Верхний срез венчика украшен нерегулярными насечками. Орнамент на тулове сосуда отсутствует. Тесто с примесью песка и мелкими зернами шамота. Поверхность светло-серого цвета.

Высота сосуда 12,5 см., диаметр устья 9,5 см., дна 5,5 см. Некоторые исследователи склонны считать подобные горшки славянскими, или сделанными под влиянием форм славянской посуды, хотя довольно близкие сосуды встречены в катакомбах и тризнах Дмитриевского археологического комплекса [Плетнева, 1989. С. 126, рис. 70, 62, с. 134, рис. 78, 2, 40, 47].

В целом, форма и орнамент сосудов указывают на их принадлежность древнеболгарскому тюркскому населению, вероятно периода их продвижения на Среднюю Волгу и Каму, где в последствии возникла Волжская Болгария.

Интересно, что недалеко от разрушенного погребения, во время реконструкции городского парка в 2021 г., был обнаружен железный топор (рис. 3, б) «салтовского» типа, вероятно использовавшийся в качестве наступательного оружия ближнего боя. Общая длина 18,3 см., лезвие широкое 10,5 см., сужающееся к основанию до 2,5 см. Проушина имеет овальную форму и размеры 4 X 2 см., обух оттянутый, в сечении округлый «молотковидный», диаметром 3,2 см. Подобные топоры по форме лезвия разделены на два вида, а по форме обуха виды делятся на типы [Плетнева, 1989. С. 75–76]. По ряду признаков наш топор относится к 2 виду, 3 типа, или производным от него, выкованному по индивидуальному заказу. Это топоры с оттянутым овальным или округлым в сечении обухом, оканчивающимся «молотковидным» расширением типа боевого топорика-чекана. Они, как правило, довольно большие, но тонкие, как бы облегченные.

Наибольшее распространение топоры с подобным обухом получили в аланских древностях лесостепной полосы Восточной Европы и в Предкавказье [Плетнева, 1967. С. 137–143] в рамках IX–X вв.

Коллекцию случайных находок дополняют два сосуда (кувшины), обнаруженные в восьмидесятые годы прошлого столетия в районе карьера у села Репное Балашовского района Саратовской обл. (рис. 3, 3, 5).

В основу деления положена форма тулова: приплюснутая, шаровидная и яйцевидная [Плетнева, 1967. С. 115–116].

Один из сосудов сохранился полностью (рис. 3, 3). Это круговой приземистый кувшин с грушевидным, чуть приземистым туловом, и плоским широким дном. Поверхность светло-серого цвета, подлощена. Тесто плотное с мелким песком. К основанию горла и плечикам прикреплена петлевидная, линзовидная в сечении ручка. Лицевая сторона ручки украшена парой вертикальных прочерченных линий. Тулово сосуда в верхней и придонной части орнаментировано поверхностными прочерченными горизонтальными поясками. На дне хорошо заметно клеймо диаметром 5 см., в виде круга. Высота сосуда 13,5 см., диаметр устья 8 см., дна 12 см.

Второй сосуд имеет чуть приплюснутое шаровидное тулово и плоское (уплющенное) дно (рис. 3, 5). Хорошо заглаженная поверхность темно-серого цвета. Тесто плотное с примесью мелкого песка. Тулово немного асимметрично, видимо, как результат изготовления на поворотном столике. Горло имеет носик-слив, частично отбитый в древности. К горлу и плечикам сосуда прикреплена петлевидная, линзовидная в сечении ручка. В основании горла и придонной части сосуд украшен прочерченными горизонтальными поясками. Высота сосуда 12 см., диаметр устья 7 см., дна – около 10,5 см. Формально оба сосуда мы можем отнести к первому и второму типам салтовских кувшинов, имеющим многочисленные аналогии [Плетнева, 1989. С. 123–132].

В настоящее время территория, прилегающая к карьере, где были обнаружены оба сосуда, занята сосновым лесом и следов могильника или поселения при осмотре местности не обнаружено. Нет упоминания о салтовско-маяцких памятниках в отчетах и публикациях П.С. Рыкова, проводившего здесь разведки и раскопки курганов срубной культуры [Рыков, 1931. С. 30–35].

Еще одно местонахождение следует отметить у с. Большой Мелик. Здесь, на краю села, у пересыхающего лесного озера, местные жители нашли отдельные фрагменты лепной керамики темного цвета с прочерченными полосками и бронзовое височное кольцо с подвижной каплевидной подвеской (рис. 3, 4). Кольцо сплошное, диаметром 2,4 см. Каплевидная подвеска заканчивается плоским утолщением с выемкой в центре. Наиболее массовая подборка «подобных» украшений имеется в салтовских памятниках Приазовья, Поднепровья, Подонья [Плетнева, 1981. С. 150, рис. 37; Плетнева, 1989. Рис. 57] и болгарских на Средней Волге [Плетнева, 1981. С. 167, рис. 52] IX–X вв. Существенным отличием изделия из Большого Мелика является сплошное кольцо без отростка и одинарная, а не многоярусная, подвеска.

Наиболее информативным объектом, на территории лесостепного Прихоперья, является хорошо сохранившееся погребение салтово-маяцкого типа, обнаруженное на курганообразной дюне, в широкой пойме левого берега реки Хопер, в 1,5 км к западу от с. Рассказань Балашовского района Саратовской области (рис. 2). Памятник открыт автором в 1993 г. и исследовался в 1996–1999 гг. [Хреков, 1999]. Размеры дюны 200 x 140 м., высота склонов более трех метров. С востока к дюне примыкает открытая пойменная поляна. В 100 м. к северу находится сосновый лес, южный и западные склоны ограничены береговой линией озера Рассказань. Исследованная площадь к настоящему времени составляет 860 кв.м. Культурные напластования в пределах раскопа достигают 1,15 м. Основная масса находок представлена комплексами неолита, бронзы и постзарубинецкого облика.

Погребение обнаружено почти в центре дюны, на глубине 45 см. от дневной поверхности (рис. 4). Вход в могильную яму-катакомбу открылся

вертикальным, округлой формы, дромосом размером 89 X 73 см., вплотную примыкавшим к торцу погребения, на уровне дна ямы. Заполнение дромоса практически ничем не отличалось от светло-серого материкового песка. Глубина дромоса в материке 55 см. Очертания и размеры катакомбы (камеры) (157 X 88 см) зафиксированы тонкой, едва различимой прослойкой на чистом материковом песке просевшей могильной ямы. Сама яма, подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по линии «запад-юго-запад». На дне дромоса, у входа в катакомбу и в катакомбе находился костяк взрослого человека, погребённого на спине, вытянуто, с чуть расставленными и согнутыми в локтях руками вдоль туловища, головой на запад-юго-запад. Череп слегка завален на левый бок и опущен подбородком к груди. У черепа с левой стороны находились два сосуда. Один из них (рис. 5, 1) горшковидный, лепной с диаметром устья 17,5 см., дна 9,5 см., высотой 17,1 см. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть высоты сосуда. Отогнутый наружу венчик украшен овальными вдавлениями. Внешняя поверхность гладкая, темно-серого цвета. В качестве примеси в тесто использовался песок и мелкие зерна шамота. Второй сосуд – круговой столовый кувшин (рис. 5, 2), с высоким цилиндрическим горлом, приплюснутым туловом и частично отбитым в древности носиком-сливом. Первоначально кувшин имел ручку, которая фиксировалась по местам ее крепления к горлу и тулову сосуда. Лощеная поверхность серого цвета, обжиг ровный, хорошо отмученное тесто без видимых примесей. Высота сосуда 17,6 см., диаметр устья 6,5 см., дна 9,8 см. Основание горла украшено прочерченными горизонтальными поясками прямых и волнистых линий. Придонная часть отделена от тулова комбинацией из пролощенного горизонтального пояска и вертикальными прямыми отрезками.

На груди погребенного обнаружены сильно коррозированные железные удила с прямыми гвоздевидными псалями (рис. 5, 5), овальная пряжка с рассыпавшимся язычком (рис. 5, 6), трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. 5, 7), два из которых сохранились частично в виде стерженьков (рис. 5, 8). Вдоль правой локтевой части руки, с внутренней стороны находился железный однолезвийный нож (рис. 5, 3) длиной около 17 см. Между стенкой могильной ямы и правым бедром железное стремя (рис. 5, 4) арочной формы с выделенной в виде лопаточки петлей, широкой подножкой, укрепленной тремя жгутами с треугольными и округлыми прорезями. На краю могильной ямы, с внешней стороны, у северной стенки, обнаружены остатки тризны в виде неглубокого аморфного углубления, заполненного костями животных. Сопровождающий инвентарь, форма могильной ямы, положение костяка позволяют определить хронологические рамки погребения и этническую принадлежность.

Трехлопастные черешковые наконечники стрел были распространены от Забайкалья до Дуная в степных и лесостепных памятниках VIII–IX вв. [Медведев, 1966. С. 59]. Двусоставные удила с прямыми гвоздевидными псалиями, имеющими в середине прямоугольное отверстие для ремня, относятся к первому типу второго варианта по классификации С.А. Плетневой [Плетнева, 1989. С. 81] и датируются VIII–IX вв.

Нож аналогичен ножам-кинжалам или боевым салтовским ножам второго вида без хомутка [Плетнева, 1989 С. 91].

Стремена с выделенной в виде лопаточки петлей для путалища и плоской, несколько выгнутой подножкой с треугольными и круглыми прорезями, имеются в материалах Дмитриевского могильника, Правобережного Цимлянского городища и ряда других памятников, в основном использовались в середине IX начале X вв. [Плетнева, 1981. С. 148].

Обращают на себя внимание некоторые особенности этого погребения. Первое – отклонение от классической формы катакомбных сооружений тем, что дромос практически являлся входом в погребальную камеру. Второе – часть костяка (череп) находилась на дне входной ямы, а не в катакомбе. Третье – для захоронения использовали останцовую дюну, придав ей форму кургана, о чем свидетельствует стратиграфия и выборка грунта у восточной полы, включая материк. Четвертое – форма погребальной камеры (ямы) подпрямоугольная с закругленными углами, ориентировка костяка головой на запад (с сезонными отклонениями), вытянутое на спине положение покойника предполагает праболгарскую этническую принадлежность погребенного [Плетнева, 1989. С. 255], хотя сооружение катакомб – аланский признак погребального обряда. С.А. Плетнева подобную ситуацию, на примере Дмитриевского могильника, объясняет смешением этносов, что прослеживается не только на антропологическом материале, но и на изменении самого устойчивого этнического признака – погребального обряда [Плетнева, 1989. С. 268–269]. В целом, погребение у с. Рассказань укладывается в рамках от середины IX до начала X вв. и относится к кругу алано-болгарских.

Совершенно неожиданно, помимо алано-болгарского населения, в Прихоперье обнаружен третий этнический компонент – славянский. Пока это рабочая гипотеза, которая требует дополнительной информации.

Осенью 2021 г. от жителей с. Никольевка в фонды Балашовского краеведческого музея поступили отдельные средневековые предметы. В последствии выяснилось, что они происходят с ранее неизвестных стоянок (поселений, местонахождений), которые осмотрели и собрали там подъемный материал сотрудники музея.

Открытый памятник находится в пойме правого берега р. Хопер, в 0,5 км. к юго-востоку от южной окраины с. Никольевка Балашовского района

Саратовской области (рис. 6). Он включает в себя около шести разновременных стоянок (местонахождений) от III до XIV вв. Стоянки расположены в разных концах небольшой возвышенности, протяженность которой с юго-запада на северо-восток составляет около 900 м. Ширина до 500 м. Высота склонов 3–5 м. Внешняя поверхность покрыта редколесьем. Южная граница выходит на коренной берег р. Хопер, другие стороны ограничены заболоченными старичными протоками. По центру возвышенности проходит накатанная лесная дорога.

Наиболее интересными оказались материалы, (керамика, шлаки с большим содержанием железа, угольки, кости животных, камни, изделия из железа), собранные на открытых склонах мыса, в северо-восточной части памятника (пункт 2). Его размеры 100 x 75 м. На самой территории мыса зафиксированы разной величины впадины, вероятно являющиеся следами построек.

Среди собранных артефактов наиболее выразительной категорией оказались фрагменты керамики – венчики, стенки и днища сосудов (рис. 7–11). Днища плоские, но сильно фрагментированы, не позволяющие определить их диаметр. Всего собрано 44 фрагмента. Полностью реконструированных сосудов нет. По составу теста, технологии изготовления, форме и ornamentации керамика разделена на три условные группы и типы.

К первой группе относятся, в основном лепные (7 венчиков, 10 стенок, 1 днище) горшковидные сосуды с коротким, резко отогнутым наружу венчиком и плавно очерченными плечиками (рис. 7, 1–2, 8, 1–3; 11, 1–2, 6, 8). Два сосуда изготовлены при помощи гончарного круга (рис. 7, 1–2). Судя по отдельным фрагментам, диаметр устья колеблется от 12,5 до 16 см., высота – около 12–13 см., наибольшее расширение тулова приходится на середину или верхнюю половину высоты сосуда. Край венчика имеет округлый, косой и горизонтальный плоский срез, украшенный оттисками гребенки и ногтевыми вдавлениями. Тесто горшков характеризуется примесью шамота, иногда довольно крупного, и песка. Внешняя поверхность гладкая, от темно-серого до коричневого цвета. Орнамент состоит из весьма небрежных волнистых и линейных прочерченных линий, покрывающих тулово сосуда полностью или отдельными участками. Особо следует отметить, что многие фрагменты вторично обожжены со следами нагара на внутренней стороне.

Вариантом этой группы керамики являются стенки грубых лепных сосудов с намечающимся ребром (рис. 10, 13; 11, 7). Поверхность покрыта вертикальными небрежными прочерками-отпечатками, напоминающими текстильную керамику городецкой культуры.

Ближайшие аналогии керамике первой группы имеются в славянских материалах на I Белогорском городище [Винников, 1990. С. 130, рис. 2], Северском Донце [Плетнева, 1960. С. 14, рис. 5] и других. С.А. Плетнева, исследуя

поселения салтово-маяцкой культуры в верховьях Северского Донца, отмечала присутствие на этих памятниках керамики смешанного облика. С одной стороны – типичные сосуды салтово-маяцкой культуры, но изготовленные из теста с примесью шамота, который широко применялся для изготовления славянской керамики. С другой – находки на одних и тех же поселениях славянской лепной и круговой салтово-маяцкой посуды. Эти факты, по мнению С.А. Плетневой, свидетельствуют «о близком сожительстве и вероятном смешении двух народов и двух культур» [Плетнева, 1960. С. 19].

А.Н. Москаленко, исследовавшая городище Тигчиха, обратила внимание на наличие некоторых смешанных типов керамики, содержащих в себе черты славянского и салтово-маяцкого керамического производства [Москаленко, 1965. С. 158–162]. В более широком плане ею высказана мысль о присутствии населения салтово-маяцкой культуры и на других славянских поселениях в бассейне Дона [Москаленко, 1981. С. 134–141].

Не противоречит этому мнению комплекс керамики второй группы пойменного поселения Никольевка (пункт 2). По нашему мнению, это типичная или очень близкая к ней славянская керамика (рис. 9, 1, 3; 10, 1–5, 7–12; 11, 4–5). Она представлена лепными фрагментами сосудов (13 венчиков, 8 стенок). Поверхности в основном гладкие, коричневатого-серого и темно-серого цвета, иногда подлощены, изготовлены из плотного, хорошо промешанного теста с примесью песка и довольно крупных зерен шамота. Толщина черепка 0,6–0,7 см. Следует отметить, что славянская керамика боршевской культуры более толстостенна, чем обнаруженная на Хопре. Видимо, здесь мы видим смешение двух традиций, салтовской и славянской. Орнамент покрывает только верхний срез венчика. Это различной формы насечки и вдавления (рис. 9, 1, 3; 10, 1–2, 4–5, 7–9). Часть венчиков орнамента не имеет (рис. 10, 3, 10–12). Керамика сильно фрагментирована, но, тем не менее, позволяет частично реконструировать ведущие формы сосудов. Судя по венчикам и стенкам, сосуды представлены тремя типами.

Первый – горшковидные сосуды с плавно или резко отогнутым, коротко изогнутым венчиком (рис. 10, 1–2, 4–5, 10–11), округлыми боками и плоским дном (рис. 9, 1, 3). Диаметр устья 11–14 см., наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю половину. Полная высота сосудов и диаметр днища пока неизвестны.

Второй тип, судя по мелким фрагментам, представлен горшками с чуть отогнутым наружу прямым венчиком (рис. 10, 3, 7–9). На внутренней стороне шейки фиксируется скругленное ребро. Условно ко второму типу отнесен крупный фрагмент сосуда, тесто которого содержало обильную растительную примесь (рис. 9, 2; 11, 3). Верхний срез венчика украшен углом палочки. Диаметр устья 12,5 см. Возможно, сосуд относится к более раннему (стоговскому?) времени.

К третьему типу следует отнести крупный лепной фрагмент конической миски с округленными боками (рис. 8, 4). Венчик загнут внутрь. Диаметр устья около 16 см., высота около 7–8 см., днище не обнаружено. Тесто с примесью песка и шамота. Поверхность грубая, коричневато-сероватого цвета. А.З. Винников подобные миски на боршевских поселениях и городищах отнес к 4 типу [Винников, 1995. С. 77, рис. 27, 22, 25].

Обращает на себя внимание полное отсутствие на хоперской керамике орнамента, выполненного веревочным штампом, столь характерного для среднедонских памятников.

Единичными фрагментами представлены стенки (5 экз.) сосудов с прорезанным орнаментом (рис. 8, 5–7) в виде параллельных поясков, заполненных наклонными и угловыми отрезками. Тесто плотное с примесью органики, поверхность коричневого цвета. Предположительно подобная керамика относится к эпохе бронзы.

Все три типа славянской керамики, найденной на пойменном поселении Никольевка (пункт 2), находят себе аналогии на тех или иных поселенческих памятниках донских славян: Дрониha [Винников, Синюк, Цыбин, 1995. С. 130–138]; Михайловский Кордон [Винников, Цыбин, 2017. С. 80–93]; Животинное городище [Винников, Ковалевский, 2005. С. 20–45] и почти всегда в комплексе с керамикой салтовской культуры. Некоторое сходство, особенно в оформлении верхней части сосудов, наблюдается и с курганной боршевской керамикой Боршевского [Винников, 1984. С. 35, рис. 12, 1–2, 4, 8] и Лысогорского могильников [Винников, 1984. С. 51, рис. 16, 1–2, 5, 10, 13], хотя тот же исследователь указывает на существенные различия керамики поселений и могильников [Винников, 1984. С. 72].

Помимо керамики на памятнике (пункт 2) обнаружены изделия из железа. Они, как и керамика, концентрировались в северо-восточной части мыса. Среди них ножи (рис. 12, 3–5), сулица (рис. 12, 2), наконечники стрел (рис. 12, 6, 8), крупный крючок без жала (рис. 12, 7).

По характеру перехода клинка в черенок и по форме клинка Р.С. Минасян выделяет четыре типа ножей [Минасян, 1980. С. 68]. Исходя из этого признака ножи, найденные на поселении, можно разделить на два типа.

Тип 1 (рис. 12, 3). Ножи с прямой спинкой, непосредственно переходящей в черенок и образующей с ним прямую линию, а лезвие или плавно переходит в черенок, или имеет уступ. Длина с черешком 13,5 см, ширина лезвия в основании 0,8 см, клинка 10,5 см.

Тип 2 (рис. 12, 4–5). Ножи с асимметричными уступами, которые образуют переход от спинки и режущей кромки к черенку тупые (плавные) углы. Длина ножей с черешком около 10 см, ширина лезвия в основании 1–1,4 см, клинков, с учетом, что один из них обломан, 7 см.

Со славянской керамикой уверенно можно связать листовидный наконечник сулицы (рис. 12, 2). Общая длина с черешком 20,4 см., ширина пера в основании 4 см. Аналогичный наконечник обнаружен в культурном слое славянского городища «Михайловский Кордон» на р. Воронеж [Винников, Цыбин, 2017. С. 85, рис. 7, 1].

Помимо сулицы предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел. Один из них ромбовидной формы, в сечении линзовидный (рис. 12, 8), основание обломано. Сохранившаяся длина пера 5,2 см., ширина 2,7 см. Вероятно, подобные наконечники стрел (тип. 40 по А.Д. Медведеву) были распространены в Восточной Европе в X–XIV вв. [Медведев, 1966. С. 64, 65.]

Второй наконечник с длинным острием, в виде «кинжалчика» (рис. 12, 6), в сечении ромбовидный, с вогнутыми плечиками типа 97 по А.Д. Медведеву [Медведев, 1966. С. 85]. Общая длина равна 7,9 см., длина пера 4,6 см., ширина пера в основании 1,5 см. Такие наконечники характерны для XI–XII вв. Они найдены в Вышгороде, Вщиже, Новгороде [Медведев, 1966. С. 85], на болгарских памятниках [Руденко, 2000. С. 62], на Правобережном Цимлянском городище [Плетнева, 2003. С. 207, рис. 31].

К бытовым предметам относится фрагмент лепного плоского пряслица (рис. 10, 6), железная проколка (рис. 10, 14) и железный крюк без жала, с отогнутым верхним краем (рис. 12, 7), вероятно для выборки мяса из котла. Все предметы имеют широкий хронологический диапазон.

Особой категорией находок на славянских памятниках Подонья являются салтовские «мотыжки» [Винников, 1995. Рис. 11, 6–7]. Это железная кельтовидная лопаточка с прямым, или выгнутым рабочим краем и незамкнутой втулкой. Насаживалась на коленчатую рукоять, использовалась, в основном, во время земляных работ. На территории лесостепного Прихоперья такое орудие встречено впервые (рис. 12, 1). Высота орудия 11 см, ширина плеч 4,5 см, ширина рабочей части 7 см, размеры незамкнутой втулки 3,5 X 2,5 см. Общие параметры, в основном, совпадают с салтовскими. Некоторое разнообразие С.А. Плетнева объясняет тем, что орудия производились различными мастерами [Плетнева, 1989. С. 93; 94, рис. 46]. К славянам мотыжки попадали в результате торговли с южными соседями.

Появление восточных славян в лесостепном Прихоперье, видимо происходило в то время, когда северные и северо-западные границы салтовомаяцкой культуры в рамках Хазарского каганата уже обозначились, о чем свидетельствуют погребения и отдельные находки (рис. 1). Насколько массовым было освоение этой территории славянами покажут дальнейшие исследования. Но даже то немногое, что мы имеем, говорит о перспективности поисков.

Литература

- Винников А.З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Изд. Воронежского университета, 1984.
- Винников А.З.* Контакты донских славян с алано-болгарским миром // СА. 1990. № 3.
- Винников А.З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII – начало XI века. Изд. Воронежского университета, 1995.
- Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В.* Средневековые материалы с поселения «Дрониha» // Средневековые памятники Поволжья. Изд. Самарского университета, 1995.
- Винников А.З., Ковалевский В.Н.* Жилые комплексы славянского времени Животинного городища // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.
- Винников А.З., Цыбин В.М.* Славянское городище у «Михайловского Кордона» на р. Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2017.
- Медведев А.Д.* Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. // САИ ЕИ-36. М, 1966.
- Минасян Р.С.* Четыре группы ножей Восточной Европы // АСГЭ. 1980. № 21.
- Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981.
- Москаленко А.Н.* Славяне на Дону. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981.
- Плетнева С.А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца // КСИИМК 1960. Вып. 79.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА № 142. М, 1967.
- Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М: Наука, 1981.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М: Наука, 1989.
- Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. 4. Симферополь, 1994.
- Руденко К.А.* Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000.
- Рыков П.С.* Археологическая экспедиция по Хопру // СГАИМК, 1931. № 8.

Сташенков Д.А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея по раскопкам у с. Рассказань Балашовского района Саратовской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Хреков А.А. Салтово-маяцкие памятники в лесостепном Прихоперье // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Балашов, 2012.

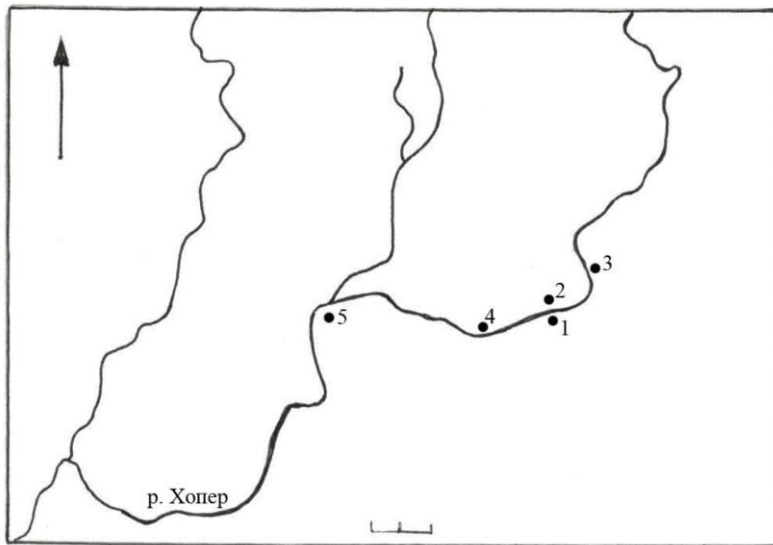

Рис. 1. Археологические памятники лесостепного Прихоперья рубежа I-II тыс.: 1- Балашов; 2-Решное; 3-Большой Мелик; 4-Никольевка; 5-Рассказань.

Рис. 2. Топографический план стоянки и могильника Рассказань III.

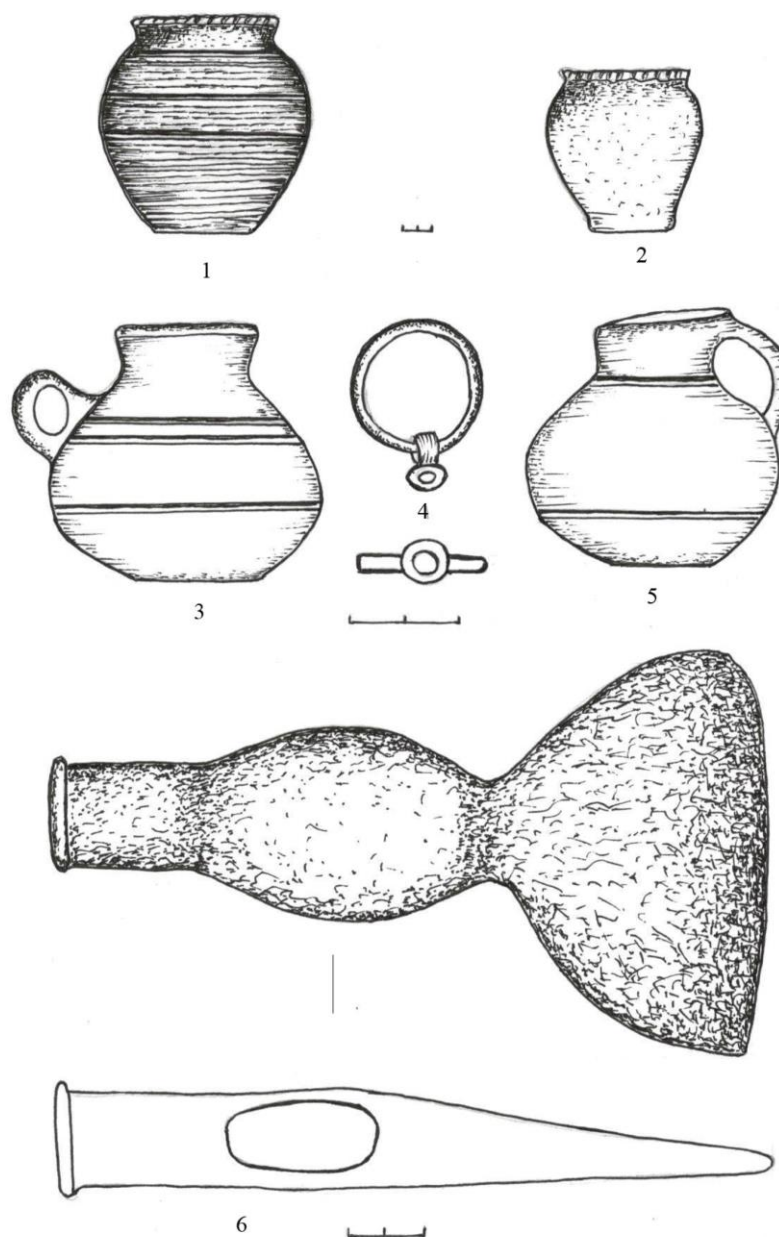

Рис. 3. Балашов - 1-2 керамика, 6-изделие из железа; Репное - 3, 5 керамика;
Большой Мелик - 4 изделие из бронзы.

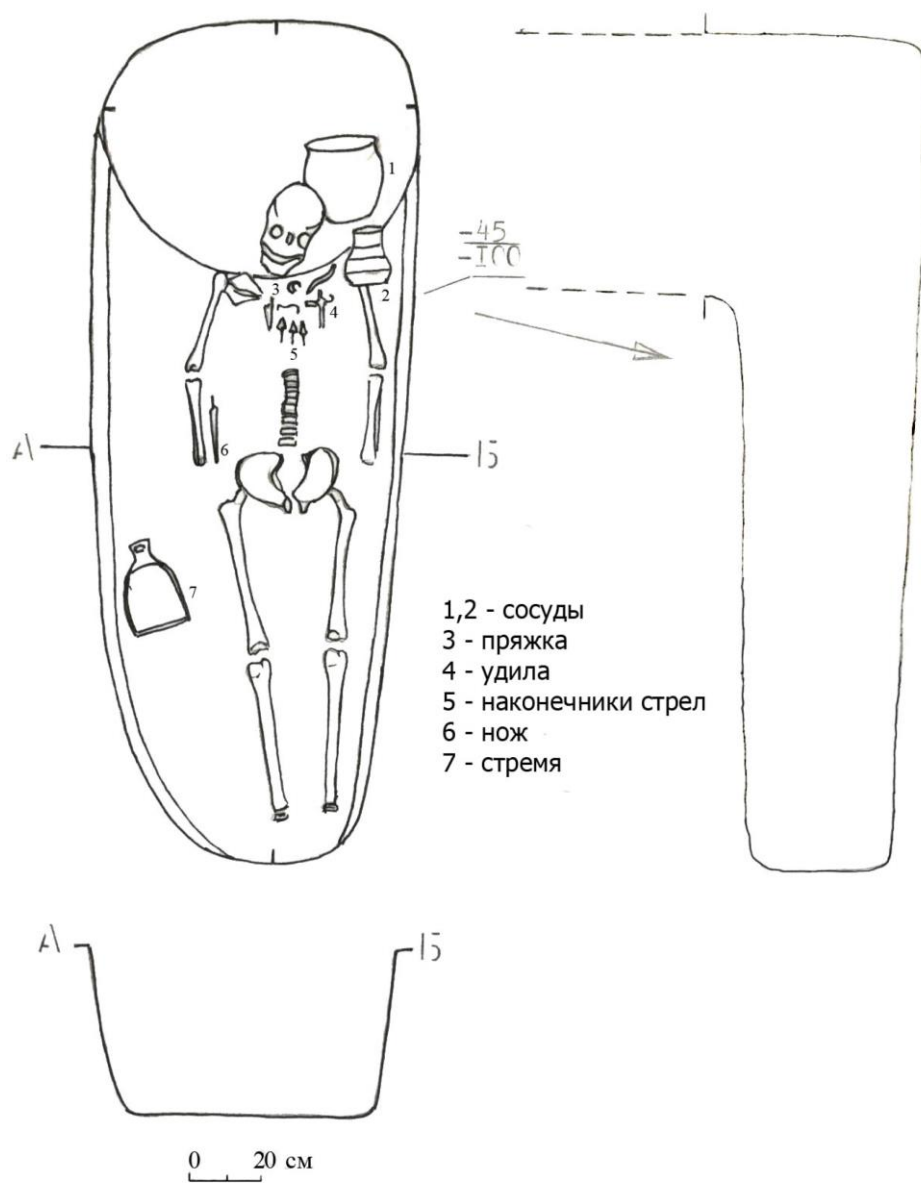

Рис. 4. Рассказань III. Погребение: 1-2 сосуды; 3-фрагмент пряжки; 4-удила; 5-наконечники стрел; 6-нож; 7-стремя.

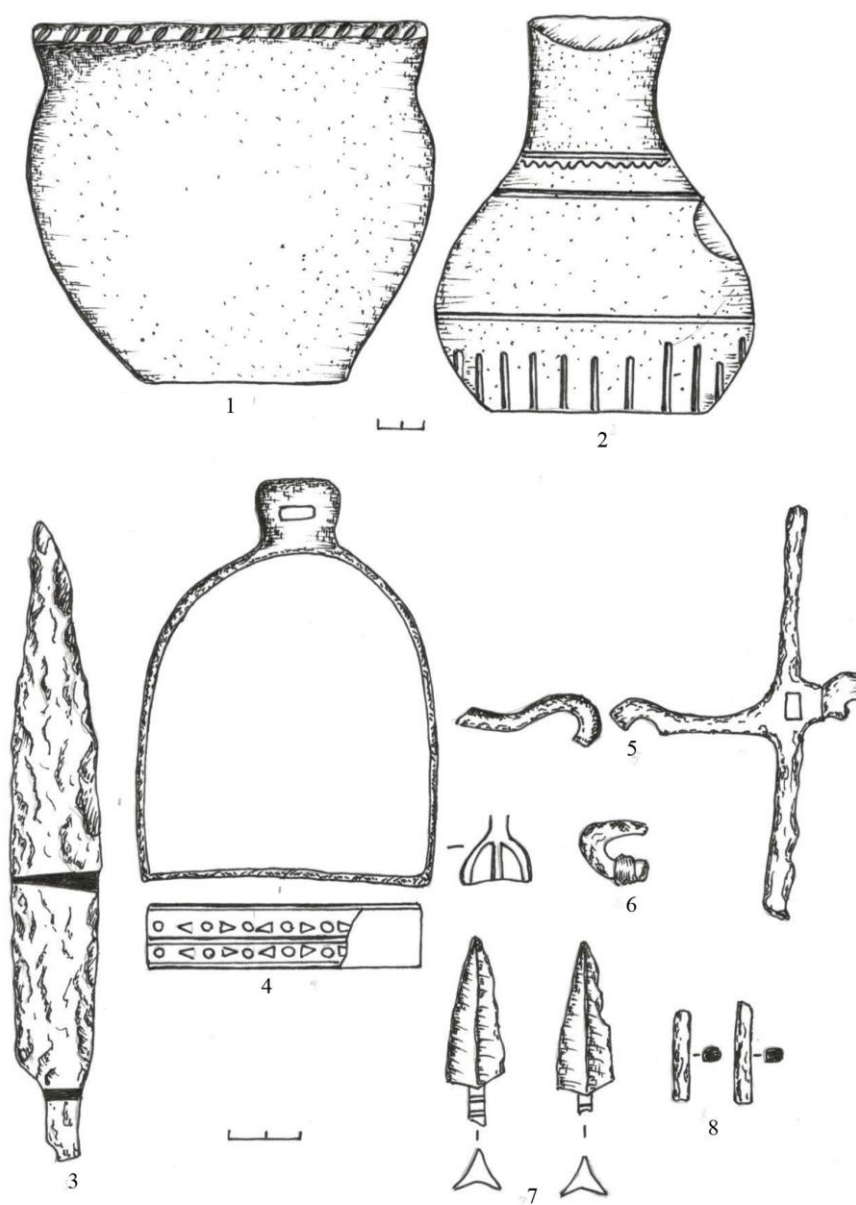

Рис. 5. Расказань III. Погребение: 1-2 керамика; 3-нож; 4-стремя; 5-удила; 6- фр пряжки; 7-наконечники стрел; 8-стерженьки.

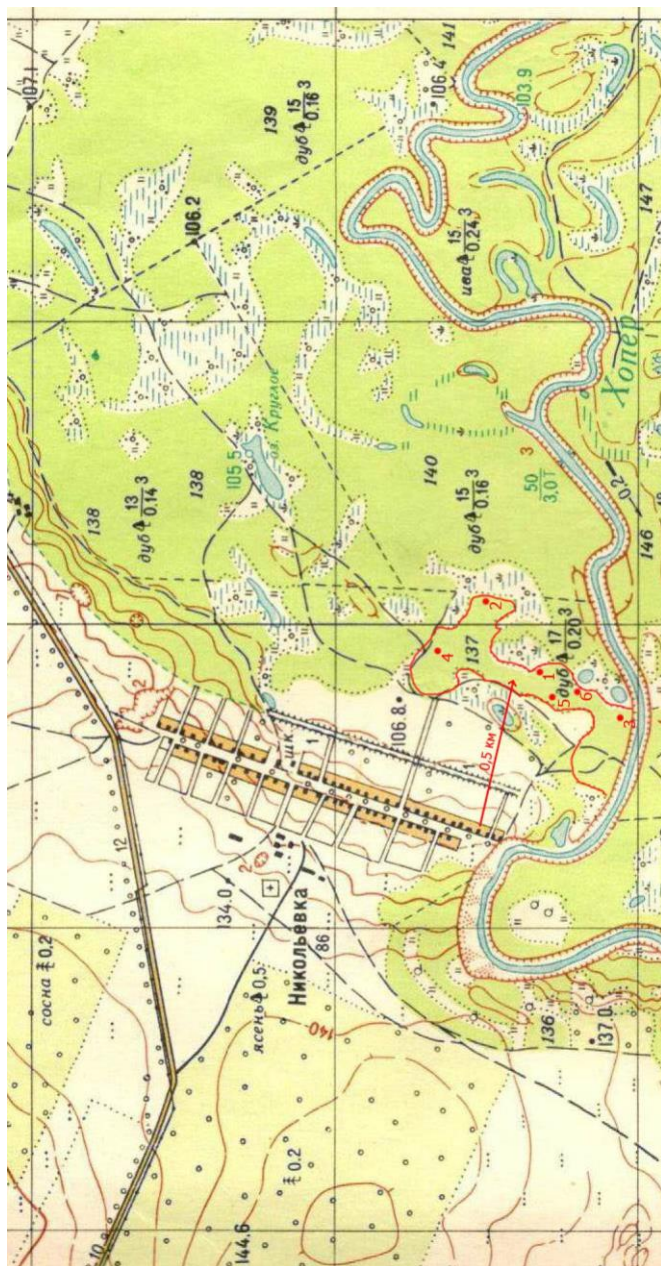

Рис. 6. Никольевка. Топографический план памятника (1-6- стоянки-местонахождения).

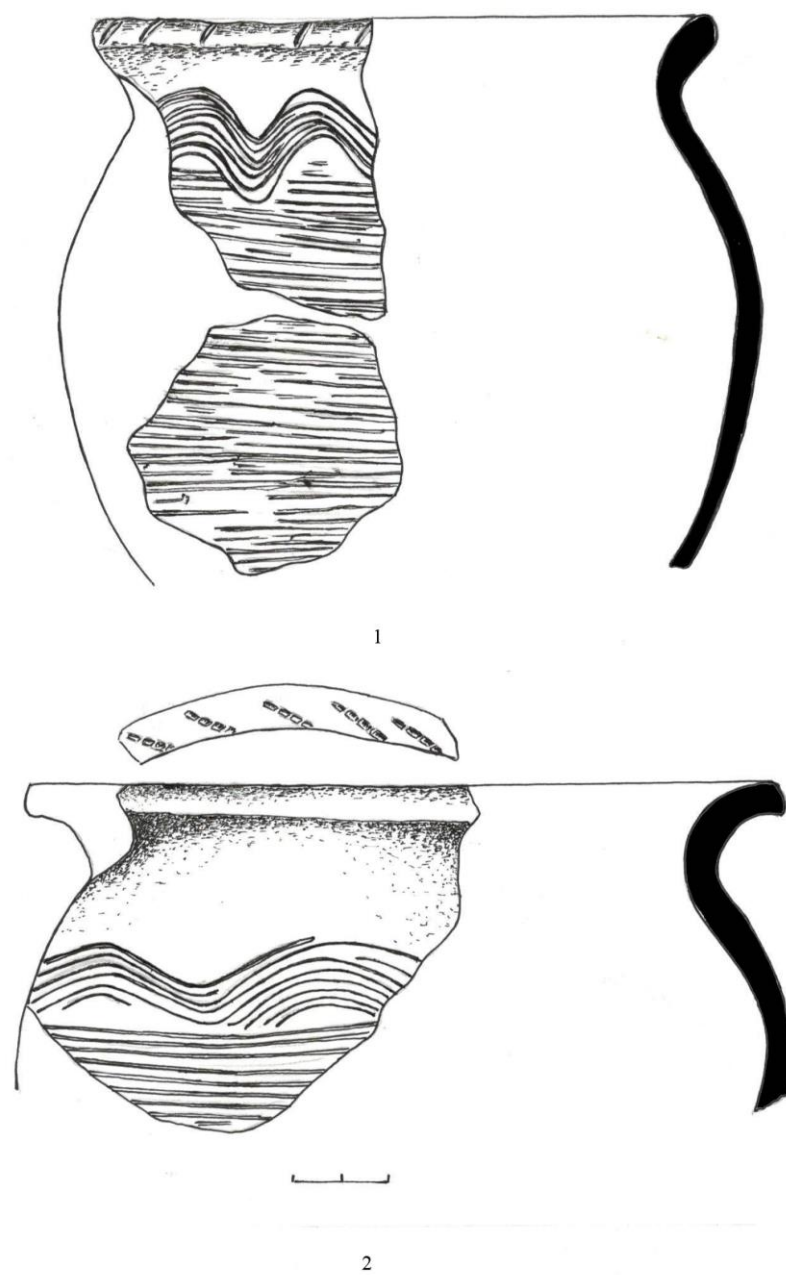

Рис. 7. Никольевка. 1-2-керамика.

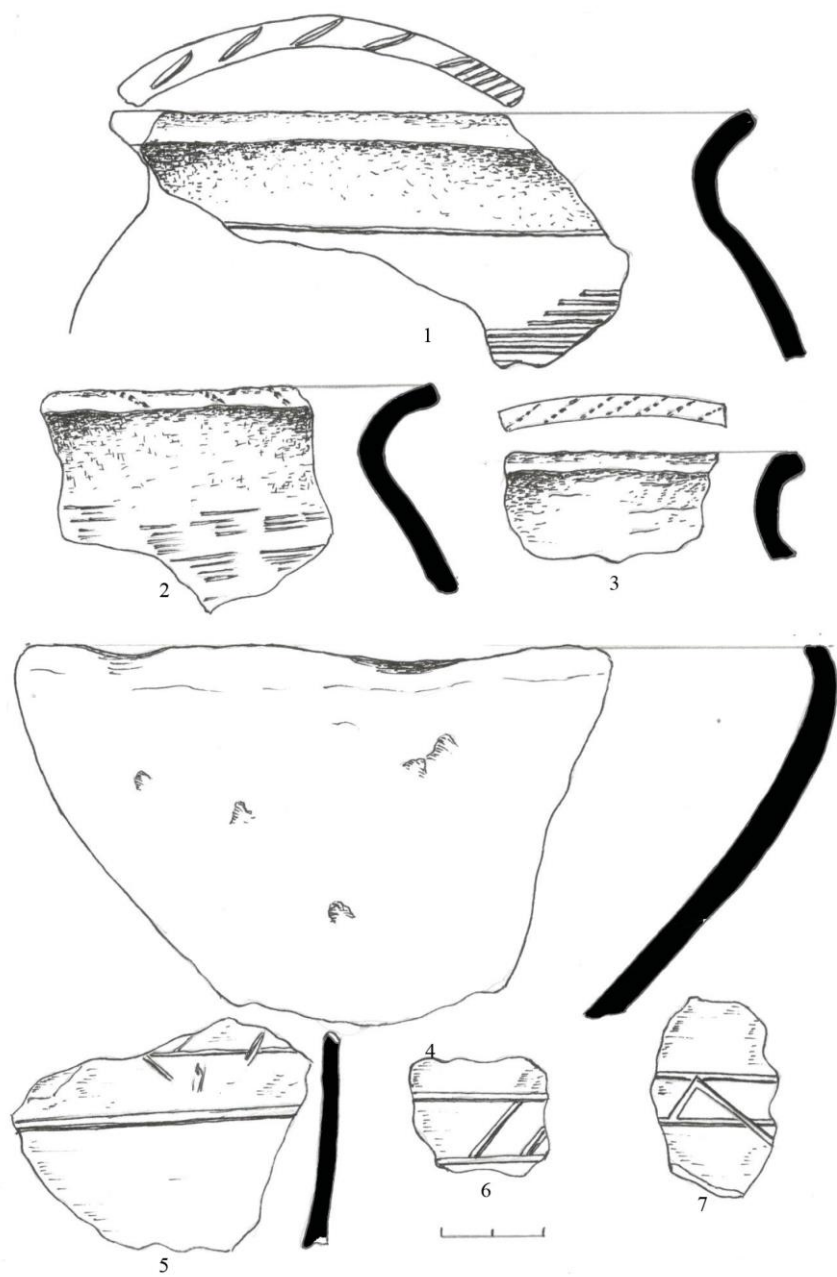

Рис. 8. Никольевка. 1-7-керамика.

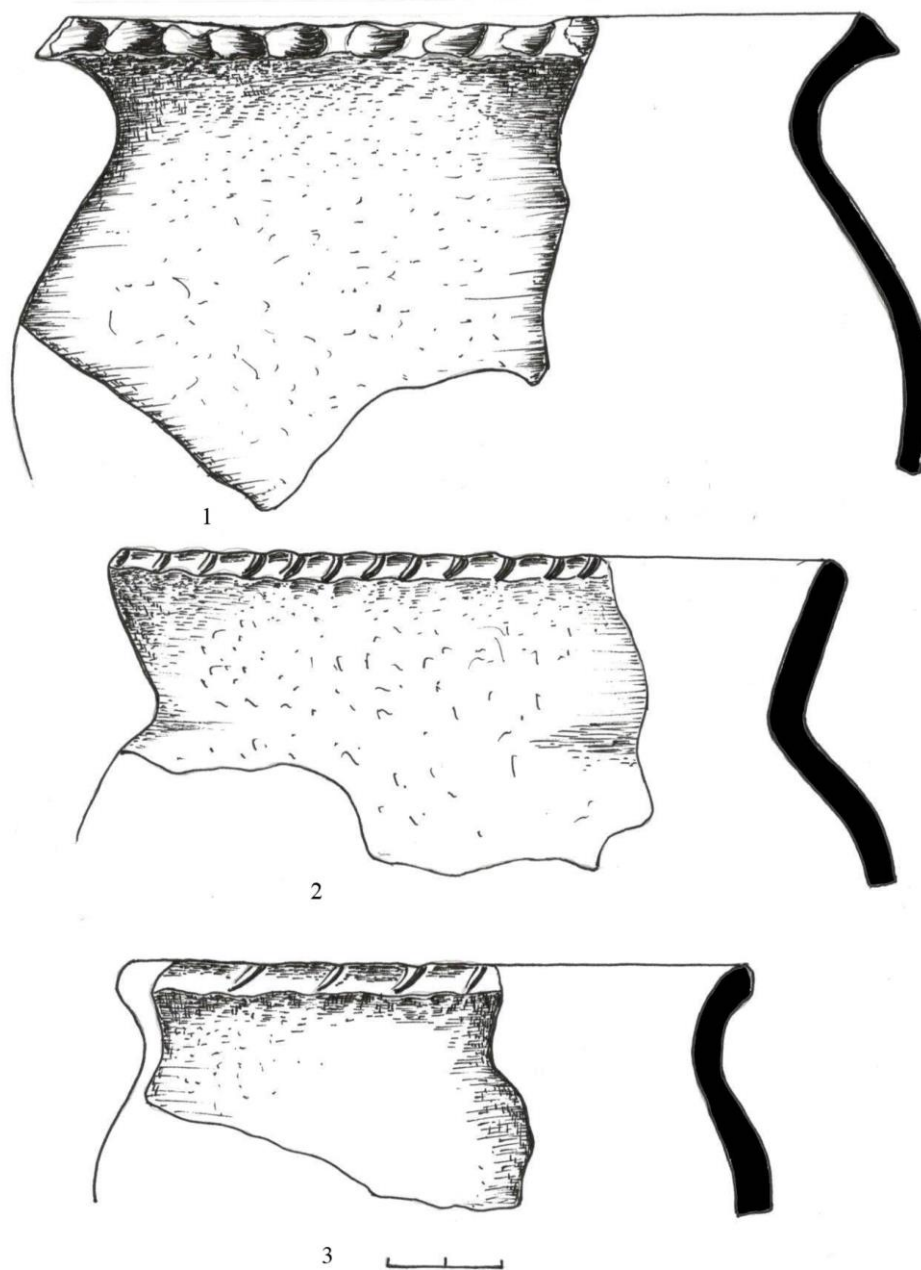

Рис. 9. Николъевка. 1-3-керамика.

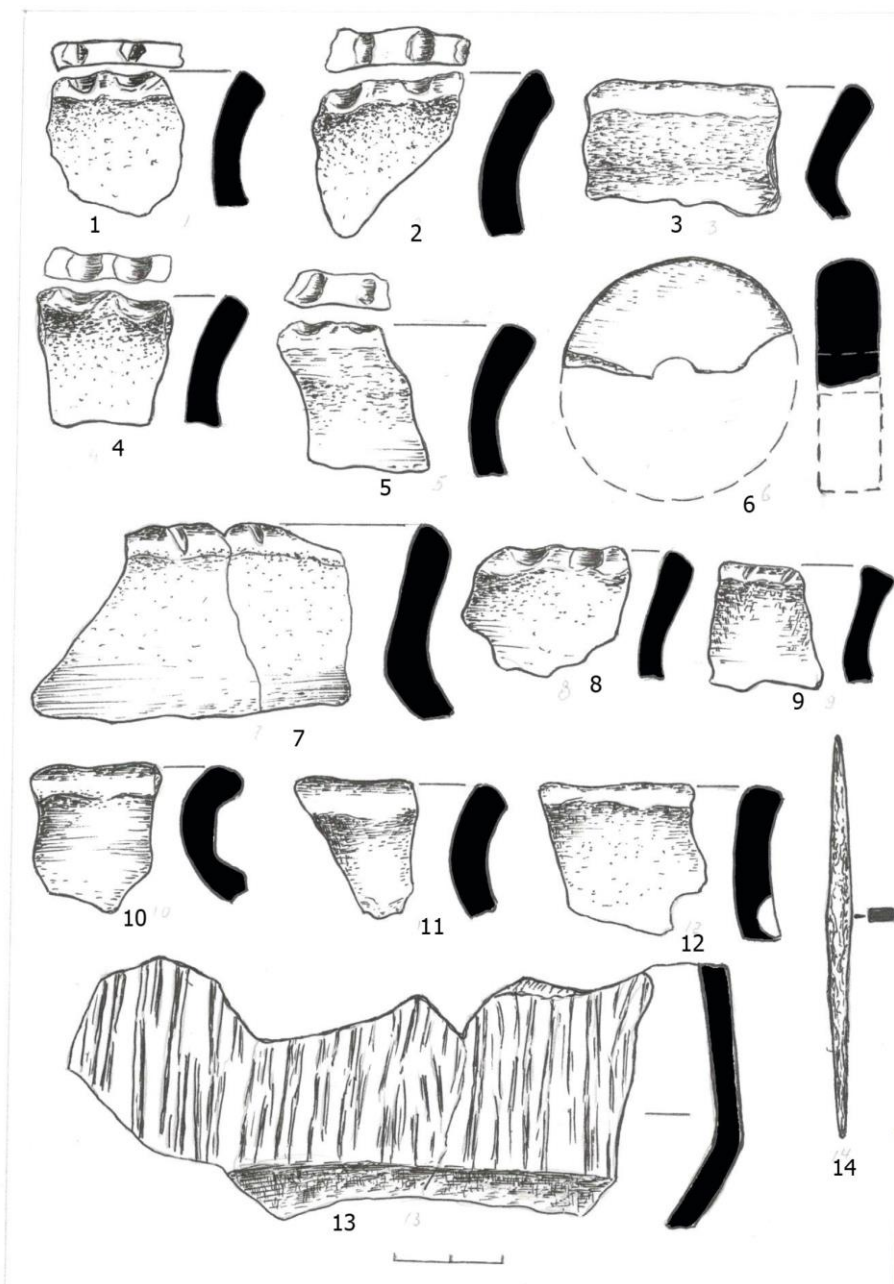

Рис. 10. Никольевка. 1-13-керамика, 14-железо.

Рис. 11. Николъевка. 1-8 керамика.

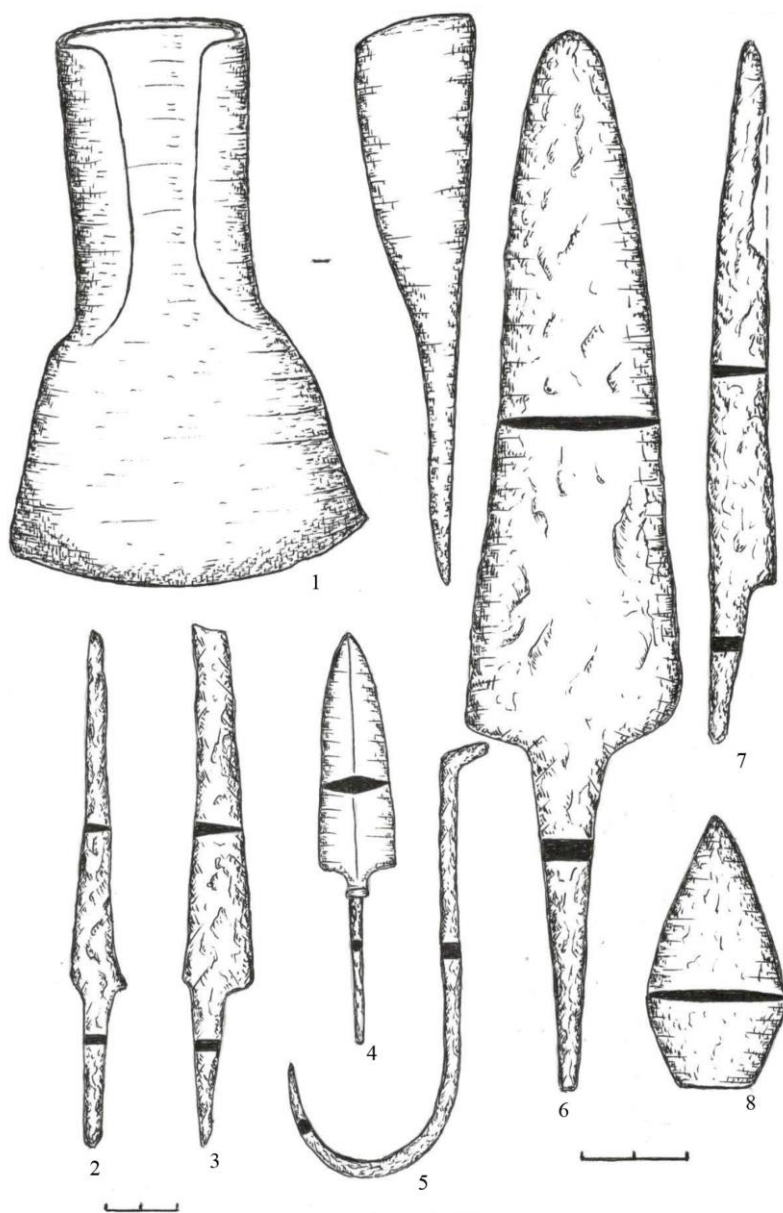

Рис. 12. Никольевка. 1-8-изделия из железа: 1-мотыжка; 2-сулица; 3-5 ножи; 6, 8-наконечники стрел; 7-крюк.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 902 (470.44-15) /637/638.3/

ББК 63.4(235.54)

Лопатин В.А., Чурекова Н.Б.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУРКОВСКОМ РАЙОНЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлена информация о работах 2011–2015 гг. в лесостепном Прихопёрье, на городище и курганном могильнике, расположенных около с. Гривки Турковского района Саратовской области. Даны описания этих новых памятников и характеристики полученных материалов, относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку. Предположительно синхронизированы материалы РЖВ с территории городища и комплекс кургана № 1 расположенного поблизости могильника.

Ключевые слова. Культуры иванобугорская, воронежская, катакомбная, абашевская, городецкая, постзарубинецкая, керамика, курган, стратиграфия.

Lopatin V.A., Churekova N.B.

STUDIES IN THE TURKOSKIY DISTRIKT OF THE SARATOV REGION

The paper presents information about the works of 2011–2015 in the Khoper River Region (Prikhoperye) forest-steppe on the defended settlement and the burial mound, located near the Grivki village of the Turkovsky district of the Saratov Region. Descriptions of these new monuments and characteristics of the obtained materials relating to the Bronze Age and the Early Iron Age are given. Presumably, the materials of the Early Iron Age from the territory of the defended settlement and the complex of mound No. 1 of the nearby burial ground were synchronized.

Keywords. Cultures of Ivanobugorskaya, Voronezhskaya, catacomb, Abashevskaya, Gorodetskaya, post-Zarubinskaya, ceramics, burial mound, stratigraphy.

В течение нескольких полевых сезонов с 2011 по 2015 гг. отряд Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета проводил работы на памятниках, расположенных на правобережной террасе реки Хопер в окрестностях с. Гривки Турковского района Саратовской области [Чурекова, 2015]. В географическом отношении полигон исследований приурочен к северной части Волго-Донского междуречья. Здесь естественное течение одного из крупнейших притоков Дона, реки Хопер, образует обширную излучину, вытянутую с запада на восток (рис. 1). Ее протяженность в широтном направлении составляет 6 км, ширина террасы, замкнутой в пределах излучины вместе с пойменно-старичными низинами, – до 3 км. На западе весь этот внутренний массив отсекается древней балкой, по ложу которой протекает безымянный ручей. Около с. Гривки он перегороден земляной плотиной, поэтому на северной окраине деревни, между крутыми склонами оврага образовался обширный пруд. В периоды паводков вода преодолевает плотину, и на некоторое время южный отрезок балки бывает незначительно обводнен.

Современное состояние ландшафта Гривкинской излучины в целом типично для верхнего и среднего Прихоперья. Это обширные лесные массивы, чередующиеся с остепненными пространствами, не только вдоль рек, но и на открытых водоразделах. Территория, замкнутая излучиной, сплошь покрыта старым разнолесьем, в котором памятники археологии вряд ли могли возникнуть, поэтому уместно предположить, что таковой природно-экологическая ситуация на Хопре была не всегда, а леса здесь появились намного позже, чем археологические объекты. Работы археологов СГУ были проведены на неизвестном ранее городище и курганном могильнике.

1. Городище у с. Гривки. Решение по обследованию этого памятника было принято после того, как местные жители передали в распоряжение специалистов коллекцию бронзовых предметов¹ раннего железного века (рис. 8, 1,2,5–7). Два из них, наручный браслет и подвеска, являются украшениями, остальные деталями фурнитурной оснастки кожаных ножен кинжала или короткого меча.

Браслет отлит в виде круглого в сечении дрота и свернут в неровную окружность (рис. 8, 1). Его окончания украшены стилизованными протомами вепря. Изображены стилизованные, неестественно вытянутые головы с клыками, короткие уши, стоящие торчком, и круглые глаза в виде кольцевидных

---

¹ Находчики представили эти предметы в качестве клада, обнаруженного на территории городища. Предметы клада получили предварительное освещение в работе: Леонтьева А.С. Новый памятник скифского времени на севере Саратовской области // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Оренбург. Материалы и тезисы докладов. 1–3 февраля 2011 года. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2011. С. 104–108.

выпуклостей. За ушами обозначен щетинистый загибок, показанный сжатой «гармошкой» волнообразного зигзага. Поперечный диаметр браслета 6,7 см, продольный диаметр – 7,5 см, сечение дрота – 0,5 см. Длина протомы вепря на обоих окончаниях 3,8 см. На одном из фигурных окончаний имеется необрезанный литниковый стержень, что позволяет квалифицировать предмет, как бракованное изделие. Кроме того, при его передаче в наше распоряжение он оказался сломанным в средней части, изломы старые. По всей вероятности, украшение было повреждено и забраковано при попытке свернуть отлитый стержень в окружность браслета и впоследствии отложено в виде литейного лома.

Подвеска представляет собой стилизованный птицевидный, или некий фантастический мотив на тему крылатой богини (рис. 8, 5). Вместе отлиты петлевидная головка, распростерты в стороны крылышки с опущенными книзу окончаниями и удлиненный, несколько расширяющийся лопаточкой хвостик. На крылышках показаны продольные штрихи, имитирующие разделенные перья. Высота подвески 2,9 см, ширина по окончаниям крылышек 2,8 см, диаметр петлевидной головки 0,8 см. Наиболее близкими аналогами данной подвески, вероятно, следует считать так называемые культовые («шаманские») птицевидные амулеты пьяноборско-ананьинского типа, относимые к IV–I вв. до н.э. [Смирнов А.П., 1952. С. 255, табл. LXIV, 2, 3].

Фурнитура боковой прошвы ножен кинжала представлена двумя экземплярами (рис. 8, 6, 7). По всей вероятности, это также литейный брак, – прошивные бляшки неравнозначны по размерам. Они представляли собой оригинальные технологические изделия, предназначенные для конструктивного усиления и одновременно художественного оформления воинского снаряжения, в частности, кожаных ножен колюще-режущего оружия ближнего боя. Бляшки отливались по сложной технологии в двухстворчатых формах, для которых были предусмотрены мелкие вставные стержни под отверстия прошвы. Внутренняя планка с четырьмя-пятью отверстиями вставлялась между краевыми бортами чехла и прошивалась, вероятно, тонким ремешком. Наружный щиток, выступавший за края бортов, украшался в технике литья, нехитрым орнаментом в виде S-видных фигур, волнообразных линий и окружностей. Подогнанные вплотную друг к другу по вертикальной линии прошвы эти детали фурнитуры в совокупности составляли единый жесткий бордюр, который надежно фиксировал самую слабую часть ножен и устранял опасность рассечения чехла острым клинком. Длина прошивных деталей от 2,9 до 3,8 см. Ширина внешнего декорированного щитка от 0,7 до 0,9 см.

Наконечник ножен имел подобную функцию, но фиксировал нижнее окончание кожаного чехла (рис. 8, 2). Его отливали с таким расчетом, чтобы внутри оставалась полость для острия клинка кинжала или меча, поэтому

конструкция литевой формы должна была предусматривать специальную вставку. Высота предмета 5 см, ширина в верхней части 2,8 см, ширина нижнего окончания 1,3 см. Толщина наконечника 1 см, ширина внутренней полости 1,5 см. На внешней стороне есть рельефный орнамент, единый по стилю с декором прошивных бляшек. В центре – три концентрические окружности, сверху и снизу – горизонтально расположенные S-видные фигуры. Такие же знаки, но размещенные вертикально, украшают боковые грани, по две с каждой стороны. Наконечник отлит неудачно, на обратной стороне образовалась обширная сквозная каверна, и это обстоятельство не позволило использовать изделие по прямому назначению. Как и все прочие предметы из этого комплекса, наконечник был утилизирован для переплавки.

Прямые аналогии этим деталям ножен не найдены. Однако, такие мотивы декора, как кольцевидная выпуклость с точкой в середине (соляренный символ), украшающая центр наконечника (рис. 8, 2), встречаются на рукоятках раннеананьинских кинжалов [Халиков, 1977. С. 160, рис. 59, 7; с. 164, рис. 61, 1, 2]. Растительные мотивы в виде S-видных завитков, которые имеются как на наконечнике, так и на боковых элементах прошвы (рис. 8, 2, 6, 7), также фиксируются в материалах ананьинской культуры, в частности, среди металлических элементов парадного пояса из богатого погребения Зуевского могильника [Збруева, 1952. С. 37, табл. IV, 19].

По всей вероятности, набор бракованных бронзовых изделий скифского времени, действительно, был захоронен в виде клада, в северо-западной части городища, где при обследовании памятника замечены очертания заплывшего квадратного шурфа размерами примерно 2×2 м. Кроме того, здесь отмечены признаки полного разрушения земляных фортификационных сооружений, защищавших территорию городища с западной напольной стороны (рис. 2). Очевидно, для удобного проезда автотранспорта неустановленные лица снесли вал и засыпали ров при помощи землеройной техники (следы этой зачистки были заметны по свежему грунту, лишенному дернового покрова). Цветовые различия на поверхности обнажения позволяют предполагать, что защитный вал был сложен из материковой глины, взятой из рова. Примерная длина вала составляла около 25 м, ширина в основании – около 5 м, ширина рва 2,5–3 м.

С учетом оборонительного комплекса протяженность площадки городища с ЗЮЗ на ВСВ составляет 125 м, ширина в среднем 25 м. Приблизительная площадь памятника – 3125 кв. м. Объект занимает узкий мысовой клин высокой террасы, ограниченный на севере участком прибрежной поймы р. Хопер, а на юге древней глубокой балкой с узкой промоиной на дне, происхождение которой имеет сезонный характер. В летнее время она сухая, но весной и осенью незначительно обводняется. Высота террасы составляет око-

ло 10 м. Нижние участки поймы несут следы мощной денудации, активного переноса супесчаных и суглинистых грунтов в результате сезонных паводков. К северу от подошвы городища, вплоть до берега Хопра, на протяжении 40 м, влажная пойма представляет собой череду рельефных увалов высотой до 3 м, заросших лесом и редким кустарником. Между древесно-кустарниковыми популяциями произрастает разреженное влажное разнотравье.

Склоны террасы, на которой расположено городище, очень круты и труднопреодолимы. Спуск к реке здесь возможен только по естественному узкому пандусу, который короткими уступами простирается от мысового окончания террасы к ССВ (рис. 2). Здесь, у самой подошвы заметны выходы плотных палеогеновых пород, обнаженные промоиной. Встречаются также моренные фракции, перенесенные в ледниковое время. Они представляют собой окатанный гранитный галечник различных размеров. Условия залегания морен в толще террасы пока не ясны. Местами, в верхних отделах террасы, заметны абразионные процессы размывания и развеивания культурных отложений, мощность которых составляет приблизительно от 0,2 до 0,45 м. Культурный слой залегает на материковом суглинке. На верхней площадке городища и на крутых склонах террасы множество кротовин – холмиков выброшенного из нор грунта.

В результате осмотра нарушенных и переотложенных участков культурного слоя на памятнике собран подъемный материал – фрагменты лепной керамики и несколько металлических предметов. С целью уточнения особенностей культурного слоя в различных пунктах на территории городища были заложены контрольные шурфы. Установлено, что мощность культурных отложений невелика (до 0,5 м), но вместе с тем слой обильно насыщен артефактами. Характер находок демонстрирует их неодновременность, причастность к эпохе бронзы и раннему железному веку. Интервал присутствия древних племен на городище довольно широк, в общих чертах с третьей четверти III тыс. до н.э. и вплоть до первых веков I тыс. н.э. Все это, с учетом небольшой совокупной толщины культурных отложений, указывает на использование высокой защищенной площадки в качестве не постоянного места обитания, а временного убежища в периоды внешней опасности.

Керамика иванобугорского типа – наиболее ранний комплекс на городище (рис. 3). Интерес представляет крупный сосуд, зафиксированный в виде неполного развала, расчищенного в шурфе, который был заложен в центральной части мыса. Сосуд имеет яйцевидную форму, зауженное округлое днище, довольно резко отогнутый венчик, край которого скошен наружу и покрыт оттисками короткого гребенчатого штампа (рис. 3, 1). Максимальное расширение тулова приходится на верхнюю треть общей высоты сосуда. Верхняя часть внешней поверхности орнаментирована как раз до линии мак-

симального расширения однотипным «елочным» декором, выполненным коротким зубчатым штампом. На внутренней поверхности отогнутого венчика имеются три горизонтальные линии, оттиснутые крученым шнуром. Параметры: диаметр устья 23 см, диаметр шейки 22 см, диаметр максимального расширения тулова 27,2 см, общая высота сосуда 29,4 см.

Примечателен также фрагмент венчика с массивным воротничком и внутренним ребром, профиль которого типично огранен и скошен наружу (рис. 3, 4). Верхняя, горизонтальная, грань венчика покрыта рядом попарно сгруппированных наколов, а на боковой, скошенной, грани имеется горизонтальная гребенчатая линия.

Еще один массивный венчик выглядит проще: по краю утолщенной закраины проходит горизонтальный ряд коротких, вертикально оттиснутых вдавлений (рис. 3, 5).

Отметим также небольшой фрагмент стенки сосуда, украшенного «рамчатым» штампом в виде плотной сетки косо штрихованных ромбов (рис. 3, 3).

Подобная керамика неоднократно отмечалась на поселениях и городищах Среднего Дона. Широко известна многослойная Черкасская стоянка, где иванобугорский пласт подстилается комплексами репинского типа, а также нижнедонской поздненеолитической культуры [Васильев, Синюк, 1984. С. 125–128]. Но наибольший интерес представляет комплекс близких в культурном отношении памятников типа Мостище/Аверино [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 19–95], где последовательно отмечены соотношения комплексов иванобугорского типа с керамикой воронежской культуры, катакомбными материалами и последующей абашевской инвазией, что в значительной степени соответствует специфике Гривкинского городища.

Керамика переходного периода – обозначенный условно, эклектичный комплекс, в котором сочетаются сосуды гибридного иванобугорско-воронежского типа (рис. 4, 5–9), катакомбные с рельефной орнаментацией (рис. 4, 4) и керамика, в большей степени типичная для южнолесной зоны окско-донского междуречья, с утолщенными воротничковыми венчиками и приостренными закраинами (рис. 4, 1–3). Последний комплекс предположительно можно соотнести с памятниками так называемого «имерского» типа, керамика которых по формам и орнаментации довольно близка воронежским сосудам, обнаруженным на Хопре [Хреков, 2012. С. 55, рис. 10]. Следует, между тем, отметить, что три венчика из Гривок совсем не имеют орнамента.

Для керамики иванобугорско-воронежского облика типичны массивные, отогнутые венчики с обрезами устья, скошенными наружу, украшенные незатейливо, пальцевыми защипами, прочерченными линиями, различными вдавлениями и насечками. Этот переходный тип сосудов выделил

А.Т. Синюк, который выводил воронежскую культуру из иванобугорской [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 43–49]. В данном смысле сосуды переходного типа демонстрировали, по его мнению, процесс культурной трансформации. Но в целом он находил много общего между комплексами иванобугорской и воронежской культур и даже склонен был их частично синхронизировать. Очень важен вывод А.Т. Синюка о хронологическом предшествовании иванобугорских памятников не только воронежским комплексам, формирующимся на основе местного пережиточного энеолита (к которому причислен Иванов Бугор) [Васильев, Синюк, 1984], но и всей последующей донской диасхронии. В частности, его наблюдения в ходе исследований Мостищенского культурного комплекса позволили установить подобную преемственность иванобугорского пласта с катакомбными, воронежскими, абашевскими и бондарихинскими материалами [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 50–52].

Любопытно, что в данном соотношении наиболее часты в донских комплексах катакомбные материалы более позднего периода и даже заключительного этапа эпохи средней бронзы. В частности, сосуды, украшенные треугольными в сечении валиками, покрытыми насечками (рис. 4, 4) встречаются здесь гораздо чаще, чем раннекатакомбная керамика с оттисками «тесмы» или «ёлочным» декором [Синюк, Березуцкий, 2001. С. 51]. Вероятно, основная причина преобладания позднего материала на памятниках с пережиточными энеолитическими пластами заключается в замедленной динамике пространственного распространения катакомбного населения в лесостепной зоне Подонья. Более ранние этапы бронзового века на Дону были отмечены активностью степных популяций – носителей репинско-ямных культурных традиций, а также среднестоговской культуры [Васильев, Синюк, 1984. С. 123–125]. Не исключено, что фрагмент стенки сосуда с частыми оттисками тонкого шнура, обнаруженный в Гривках (рис. 3, 2), также может быть следствием этой, наиболее архаичной, среднестоговской инвазии. Керамика с подобной орнаментацией, диагностированная как среднестоговская, известна в материалах Черкасской стоянки. Сравнительно недавно было установлено, что в среднем течении Хопра также весьма интенсивны были процессы распространения и взаимодействия различных культурных групп позднего энеолита и эпохи бронзы [Хреков, 2015. С. 112–148].

В коллекции Гривок наиболее представительный комплекс – это *керамика воронежской культуры* (рис. 5). Все известные воронежские памятники донского бассейна демонстрируют весьма эклектичный облик керамики, и Гривки здесь не исключение. Разнообразие проявляется как в формах, так и в орнаментации сосудов. В подавляющем большинстве культурные слои содержат фрагменты сосудов средних размеров, плотной фактуры, с толщиной стенок 0,5–0,8 см, неровного восстановительного обжига, с примесями песка и

шамота. Встречаются баночные профили с вертикальными закраинами (рис. 5, 6, 10, 11), плавнопрофилированные сосуды с округленными стенками и отогнутыми наружу венчиками (рис. 5, 4, 5, 9), а также более резкие профили с массивными закраинами и даже многочастные венцы (рис. 5, 2). Типичны для воронежского формообразования резко скошенные наружу, часто покрытые насечками, обрезы венчиков (рис. 5, 1–5, 8, 9, 11). Изредка встречаются венцы с горизонтальными обрезами (рис. 5, 6, 10).

Орнаменты наносились короткими линзовидными насечками, прореченными линиями, различными вдавлениями, иногда образующими с обратной стороны выпуклости (рис. 5, 8). Интересно, что для воронежского декора практически нетипичен гребенчатый штамп. В целом орнаментальные композиции несложны: зачастую это простейшие горизонтальные ряды косых или вертикальных насечек, занимающие верхний узкий бордюр на внешней поверхности (рис. 5, 2–5, 9); нередко также и более сложные густые «паркетты», «ёлочки» и косо штрихованные зигзаги (рис. 5, 1, 6, 7, 10).

В ходе осмысления места воронежских памятников в культурногенетических процессах бронзового века отмечалась заметная роль катакомбной культуры в формировании «воронежа», а также вероятное взаимодействие этого нового образования на Дону с абашевской культурой. В частности, воронежские археологи помещали открытую ими новую культуру между развитыми среднедонскими катакомбными памятниками и срубными лесостепными комплексами. При этом они синхронизировали ее с ранним (допокровским) этапом доно-волжской абашевской культуры [Пряхин, Беседин, 1988. С. 93]. Признаки этого взаимодействия отмечались на многих воронежских памятниках донского бассейна, известны они также и на Хопре, в частности в Гривках (рис. 6), о чем ранее сообщалось в специальной публикации [Лопатин, Русина, 2013. С. 11–23].

Керамика абашевско-воронежского типа в Гривках – это компактная группа сосудов, объединенная одним признаком, наличием «внутреннего ребра» на обратной стороне отогнутого наружу венчика, придающего форме горшка известную колоколовидность. Наиболее близок абашевскому стандарту фрагмент миниатюрного сосудика (рис. 6, 4). Здесь характерны малый диаметр устья (всего 7 см) и специфические показатели формы – резко отогнутый наружу высокий венчик, покрытый горизонтальными расчесами, вероятно реберчатое наибольшее расширение тулова в нижней части общей высоты и уплощенное или даже округлое днище. В доно-волжском варианте «абашева» подобные сосуды составляют особую «ритуальную» разновидность посуды [Пряхин, Беседин, 1998].

Остальные сосуды абашевско-воронежской группы (рис. 6) синкретичны: с внутренней реберчатостью и внешней колоколовидностью здесь

сочетаются типично воронежские орнаменты (горизонтальные линии, простые насечки, ногтевые зашпы, «паркет», горизонтальные ряды овальных оттисков). Примечательно, что овальные или округлые оттиски, построенные в несколько рядов и занимающие верхний бордюр внешней поверхности сосуда нередко встречаются в раннепокровских материалах на широкой лесостепной территории между Средним Доном и Волгой. Данное обстоятельство, наряду с прочими данными по синкретичным комплексам, позволяет ставить вопрос об участии «воронежа» в формировании «покровска». На фоне активного и поликомпонентного культурогенеза в северной части Нижнего Поволжья, где наблюдается широкое распространение элементов воронежской культуры, эти специфические комплексы отмечены наличием эклектичной керамики с многочастными профилями, где сочетаются признаки покровского формообразования и воронежского декора [Лопатин, 2012а. С. 45–73]. Но, кроме этого, в богатых воинских погребениях вместе с такой синкретичной посудой может встречаться редкий престижный инвентарь – наконечники копий с раскованными втулками, щитковые псалии, архаичные ножи-кинжалы [Лопатин, 2014. С. 283–287].

В Гривках к одному из указанных комплексов можно отнести только одну металлическую находку – бронзовое обоюдоострое шильце с подромбическим сечением (рис. 8, 10). Длина инструмента 4 см, толщина в средней части 0,3 см. Подобные мелкие шильца известны обычно в материалах эпохи средней бронзы, и, по всей видимости, также и в комплексах воронежской культуры. Интересно, что они были отмечены также в материалах вольских и лбищенских памятников [Малов, Сергеева, Ким, 2009; Лопатин, 2012б. С. 73, рис. 3, 5; с. 77, рис. 7, 3]. Между тем ранее уже отмечалось, что в сложных процессах поликомпонентного культурогенеза на переходе от средней бронзы к поздней все указанные культурные типы были, по-видимому, синстадиальны и активно взаимодействовали [Лопатин, 2014. С. 67].

Определённый интерес представляет компактная группа керамики, которая относится к раннему железному веку (рис. 7). По характеру орнаментации (сетчатая и крупноячеистая рогожная) это довольно ранний комплекс городецкой культуры, который датируется VI–V вв. до н.э. [Миронов, 1995. С. 78]. В нашей небольшой коллекции это сосуды небольших размеров и средних пропорций, среди которых заметны баночные и слабопрофилированные округлобокие формы с псевдорогожными и текстильными оттисками на внешней поверхности (рис. 7, 1–4, 6, 9, 10). Здесь же присутствуют фрагменты сосудов с мелкими ячейками, часто небрежных, «рогожных» оттисков (рис. 7, 5, 7, 8), которые относятся специалистами к более позднему периоду III–II вв. до н.э. [Чернай, 1981. С. 70–86]. Данное обстоятельство позволяет предполагать довольно длительное использование городецким населением

лесостепного Прихопёрья этой хорошо защищенной правобережной террасы реки. Археологические объекты и отдельные находки скифо-сарматского времени на Хопре и его притоках, среди которых отмечены также комплексы городищской культуры, не так давно представлены в обзорной работе А.А. Хрекова. По всей вероятности, наиболее близки городищским материалам городища Гривки текстильная и псевдорогожная керамика прихопёрских поселений Богатырка и Шапкино 1 (Хреков, 2008. С. 357, рис. 4; с. 359, рис. 6; с. 360, рис. 7). Здесь выявлены такие же баночные и слабопрофилированные формы с нитчато-текстильными и «рогожными» поверхностями.

Особого внимания в материалах Прихопёрья заслуживает также находка литой бронзовой рукояти ножа, украшенной протомой дикого вепря, обнаруженная в культурном слое Шапкино 1 [Хреков, 2008. С. 358, рис. 5, 3]. Это, безусловно, инвариант того же изобразительного канона «длинно-мордого кабана» с торчащим загривком, в котором выполнены окончания гривкинского браслета.

В Гривках к данному культурному блоку следует также отнести глиняное цилиндрическое пряслице (рис. 7, 11), находящее аналогии в городищских комплексах Прихопёрья, например, в Шапкино VI [Хреков, 2008. С. 361, рис. 8, 3]. Помимо типичных для этого круга памятников текстильной и рогожной керамики, прочего инвентаря, здесь отмечена такая важная параллель, как грузик «дьяковского» типа [Хреков, 2008. С. 361, рис. 8, 4]. Всё это указывает не только на инкорпорированность лесостепного Прихопёрья в пространство финноугорского мира РЖВ, но и широкие контакты с культурно близким населением таёжно-лесной зоны.

Некоторые находки железного инструментария на городище в Гривках вероятно транскультурны. Это фрагмент небольшого однолезвийного ножа с уступчато выделенным черешком, однозубый гарпун и массивный пробойник (рис. 8, 8, 9, 11). Нож сохранился не полностью, в древности у него был обломлен черенок прямоугольного сечения. Длина лезвийной части 5 см, лезвие прямое, его сечение имеет клиновидную форму, спинка выпуклая («горбатая»), её толщина составляет 0,3 см.

Весьма своеобразен гарпун, прямые аналогии этому предмету подыскать не удалось, ни в Прихопёрье, ни в соседних регионах. Его круглый в сечении стержень раскован в боевом окончании наподобие треугольного наконечника ромбического сечения, от которого с одной стороны отходит в сторону под острым углом довольно длинный заостренный шип. Противоположный край стержня, предназначенный для насада на древко, раскован в квадратное сечение, а заострённое окончание этого края согнуто в крючок. Общая длина гарпуна составляет 16,3 см, длина треугольного боевого окончания 3 см, максимальная ширина наконечника 1,8 см, толщина его ромби-

ческого сечения 0,5 см, длина шипа 2,5 см, диаметр круглого сечения стержня 0,8 см.

Массивный пробойник заострён с обеих сторон квадратного в сечении стержня, но рабочее острие, в отличие от противоположного края насада, заметно заглажено от длительного использования, а также имеет не квадратное, а круглое сечение. Длина пробойника 15,7 см, толщина в средней части 0,7 см.

Ножи подобных конструкций с прямыми лезвиями и горбатыми спинкам широко встречаются во многих культурных комплексах РЖВ, и действительно транскультурны. А вот однозубому гарпуну весьма отдалённые аналогии замечены только среди костяных и роговых гарпунов в материалах дьяковской и ананьинской культур волго-окского и волго-камского регионов, а также в материалах лесостепной чернолесской культуры [Збруева, 1952. С. 54, табл. X, 4, 6; Степи европейской части..., 1989. С. 312, табл. 7, 25]. Прямоугольные в сечении крупные пробойники из железа встречаются значительно чаще и шире, они известны даже в степных савроматских погребениях [Смирнов К.Ф., 1964. С. 351, рис. 59, 14, 15].

Нашивные восьмёрковидные бляшки в виде двух соединённых полусфер с петелькой на обратной стороне широко распространены в материалах раннего железного века, как в степных, так и в лесных культурах Восточной Европы. Гривкинский экземпляр примечателен тем, что одна из полусфер украшена по краю короткими, радиально расходящимися насечками-лучиками (рис. 8, 3). Общая длина нашивки 2 см, диаметр одинаковых по размеру полусфер 1 см, высота полусфер 0,3 см, толщина бронзовой пластинки, из которой выдавлена нашивка, 0,7 мм.

Интересна также бронзовая пронизка шестигранной формы и биконического профиля (рис. 8, 4), которая находит широкие аналогии в комплексах киммерийского типа и савроматских древностях степной зоны, а также в синхронных культурах начала раннего железного века. Диаметр пронизки 1,6 см, высота 1 см, диаметр сквозного отверстия 0,6 см. Известно такое кольцо, но значительно меньших размеров, в Светлом Озере, в разрушенном подкурганном погребении киммерийского времени [Жемков, Лопатин, 2008. С. 193, рис. 11, 7], есть подобное в Западной Сибири, в могильнике ирменской культуры Журавлёво 4 [Троицкая, Новиков, 2004. С. 55, рис. 19, 1], а также на Кавказе в кобанском могильнике Терезе [Козенкова, 1998. С. 166, табл. X, 19]. Очевидно, типы таких предметов уздечной и портупейной металлической фурнитуры этого времени были транскультурны.

По всей вероятности, эти интересные металлические предметы, включая также бракованные бронзы кладового комплекса (рис. 8, 1–11), следует связывать с раннегородецкой керамикой городища Гривки.

Еще несколько вещей из бронзы и железа, обнаруженные в слое памятника, должны быть отнесены к более позднему периоду нашего памятника, а именно к постзарубинецкому времени начала I тыс. н.э. Это, прежде всего, три щитовых гвоздика с круглыми полусферическими шляпками (рис. 8, 15–17). Подобные вещи известны на памятниках Прихопёрья, например, в комплексе поселения Разнобрычка [Хреков, 2013. С. 138, рис. 11, 8, 9]. Считается, что такими гвоздями набивали толстую воловью кожу на деревянные дощатые щиты.

Еще один предмет, несколько загадочен, поскольку прямые аналоги ему нам не известны (рис. 8, 14). Это фрагмент бронзового стержневидного предмета прямоугольного сечения. Один край стержня завершается своеобразным наконечником в виде полумесяца, а противоположный край плавно отогнут и заканчивается изломом. Общая длина предмета 3,5 см, ширина стержня 0,5 см, толщина 0,3 см. Полумесяц рабочего окончания соединяется со стержнем вогнутой стороной, его размеры 1,3 см, толщина 0,5 см. Предположительно, это обломок шипа сапожной шпоры, который в данном комплексе можно отнести только к постзарубинецкому времени. Здесь, в Прихопёрье, известны находки шпор пшеворского типа, маркирующие постзарубинецкое время, но с шипами совершенно иной конструкции и гораздо меньших размеров [Хреков, 2013. С. 138, рис. 11, 4; он же, 2012-А. С. 113, 1, 2].

Два фрагмента железных изделий не удалось идентифицировать ни в культурном контексте, ни типологически. Можно лишь предположить, что один из них – осколок клина топора, а второй – часть шпильки поясной пряжки (рис. 8, 12, 13).

2. Курганная группа у с. Гривки. Двадцать земляных курганных насыпей зафиксированы в лесном массиве, в пределах представленной выше излучины р. Хопёр, на расстоянии 2,5 км к ЮВВ от с. Гривки (рис. 1; 9). В 1,5 км к ССВ находится городище, а в 1,3 км южнее, протекая с востока на запад, река замыкает гривкинскую излучину.

Курганные насыпи имеют ярко выраженные полусферические профильные формы, округлые размеры, установленные в ходе фиксации и обмеров. Группа компактна, расстояния между крайними насыпями с СВ на ЮЗ – 90 м, с СЗ на ЮВ – 60 м. С севера на юг через территорию памятника, и даже по насыпи кургана № 7, накатана грунтовая дорога.

Памятник густо порос лесом, что, впрочем, не остановило грабителей курганов, которые в разные годы осуществляли здесь несанкционированные раскопки. Бесформенными ямами вскрыты три кургана №№ 18, 19, 20 (рис. 9).

В 2015 г. специалистами СГУ были предприняты пробные раскопки одного кургана, расположенного в центре группы (№ 1 по общей нумерации

насыпей, установленной при инструментальной съёмке плана памятника). Небольшая условно округлая земляная насыпь была вскрыта вручную, с оставлением двух взаимно перпендикулярных стратиграфических бровок толщиной 0,5 м (рис. 10). В ходе послойных раскопок были осторожно удалены корневища кустарниковых и небольших древесных растений, которые произрастали на кургане. По данным микронивелировки условная вершина насыпи оказалась слегка смещённой в юго-восточный сектор. Диаметр кургана 5 м, высота 0,2 м.

Стратиграфия насыпи: гумус – тёмно-серый влажный грунт рыхлой консистенции толщиной 0,15–0,25 м; насыпь – серовато-коричневый рыхлый суглинок с пёстрыми включениями материковых фракций и норами землероев, мощностью до 0,4 м; погребённая почва – ровный хорошо заметный прослой вязкого древнего тёмно-серого гумуса с включениями белесых затёков глея толщиной 0,15–0,2 м; материк – вязкая запесоченная глина коричневого цвета, пронизанная норами землероев. В толще широтной бровки А–А1 зафиксирована линза материкового выкида из могильной ямы (рис. 10). Толщина выкида – до 0,15 м. Планиграфически он прослежен в западной половине кургана на уровне погребённой почвы, в виде округло-овального пятна глинистого грунта коричневого цвета и рыхлой консистенции, размерами 1,8×1,5 м.

В центре подкурганного пространства зафиксировано одно погребение в прямоугольной яме, углы которой округлены. Продольной осью могила ориентирована по линии «ЮВ–СЗ». На юго-западном длинном краю ямы, на глубине -69 от 0г, что соответствует уровню погребённой почвы, зафиксировано пятно слабо прокаленного грунта округлой формы, на котором расчищено скопление мелких древесных угольков. Диаметр прокала 0,25 м. Вероятно, здесь был зажжён погребальный световой костёр.

Размеры могильной ямы 1,9×0,7 м, максимальная глубина в центре ямы -152 от 0г. Она была заполнена тёмным рыхлым однородным грунтом с вкраплениями суглинистых фракций. Стенки могилы вертикальные. На дне расчищен не полностью сохранившийся скелет взрослого человека, погребённого на спине вытянуто, головой к юго-востоку (рис. 11, 12). Умерший был уложен несколько ближе к северо-восточной стене, его руки плотно прижаты к туловищу и протянуты вдоль. Нижние части предплечий с кистями не сохранились, от протянутых ног остались только небольшие фрагменты бедренных костей. Сильно пострадал позвоночник и ребра, они сохранились фрагментарно, ничего не осталось от тазовых костей. Заметно повреждён также лицевой отдел черепа, но заметно, что умерший был обращён лицом к северо-востоку. Слева от скелета, на уровне пояса, был зафиксирован небольшой комочек железного окисла.

К сожалению, данный малоинформативный комплекс не позволяет дать ему развёрнутую культурно-историческую интерпретацию. Предположительно погребение первого кургана можно связывать с ранним железным веком и условно считать принадлежащим к кругу «скифоидных» культур донского лесостепного региона. Во всяком случае, данному предположению не противоречат такие признаки погребальной обрядности, как конструкции курганный насыпи и могильной ямы, а также положение и ориентировка умершего. Вполне допустимо, что курганы следует синхронизировать с материалами раннего железного века ближайшего по расположению Гривкинско-го городища.

Литература:

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев, 1984.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V // МИА. № 30. М., 1952.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В 2-5. М., 1998.

Леонтьева А.С. Новый памятник скифского времени на севере Саратовской области // XLIII Международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Оренбург. Материалы и тезисы докладов. 1-3 февраля 2011 года. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2011.

Лопатин В.А. «Воронежский» вектор становления памятников покровского типа на Волге // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012а. Вып. 9.

Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культурогенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: «Научная книга», 2012б.

Лопатин В.А., Русина А.С. Абашевско-воронежское взаимодействие по керамическим материалам лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: «Научная книга», 2013. Вып. 11.

Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов: изд-во СГУ, 2014.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

- Миронов В.Г.* Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА, 1988. № 3.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Острорезберные абашевские сосуды Доно-Волжского региона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 11. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.
- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., – «Наука», 1964.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., – «Наука», 1989.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., – «Наука», 1977.
- Хреков А.А.* «Скифский логос» Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Хреков А.А.* Памятники воронежской культуры в бассейне Хопра // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: «Научная книга», 2012. Вып. 10.
- Хреков А.А.* Некоторые итоги и проблемы изучения постзарубинецких памятников Прихоперья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9. Саратов, 2012-А.
- Хреков А.А.* Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов, 2013.
- Хреков А.А.* Позднеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2015. Вып. 11.
- Чернай И.Л.* Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4.
- Чурекова Н.Б.* Отчет о проведении археологических полевых работ на территории курганов № 1, № 17 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганная группа «Гривки-1» у с. Гривки в Турковском районе Саратовской области в 2015 году (по открытому листу № 1194) // Архив Института археологии и культурного наследия СГУ.

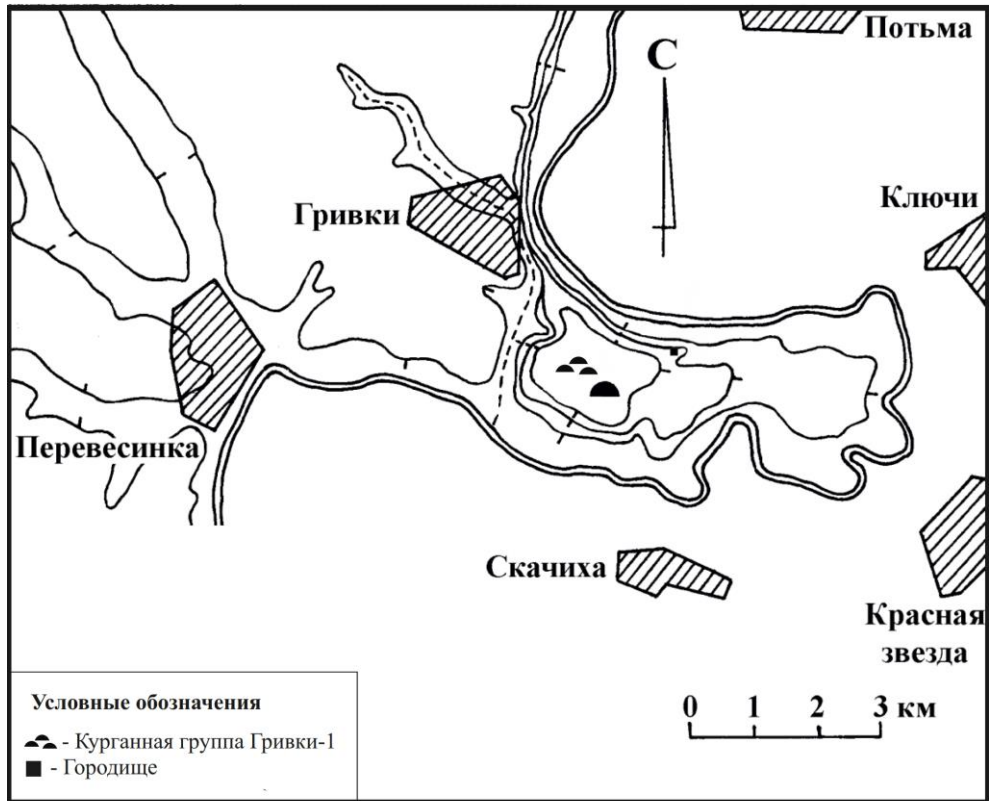

Рис. 1. Схема микрорайона с указанием городища и курганной группы у с. Гривки Турковского района Саратовской области.

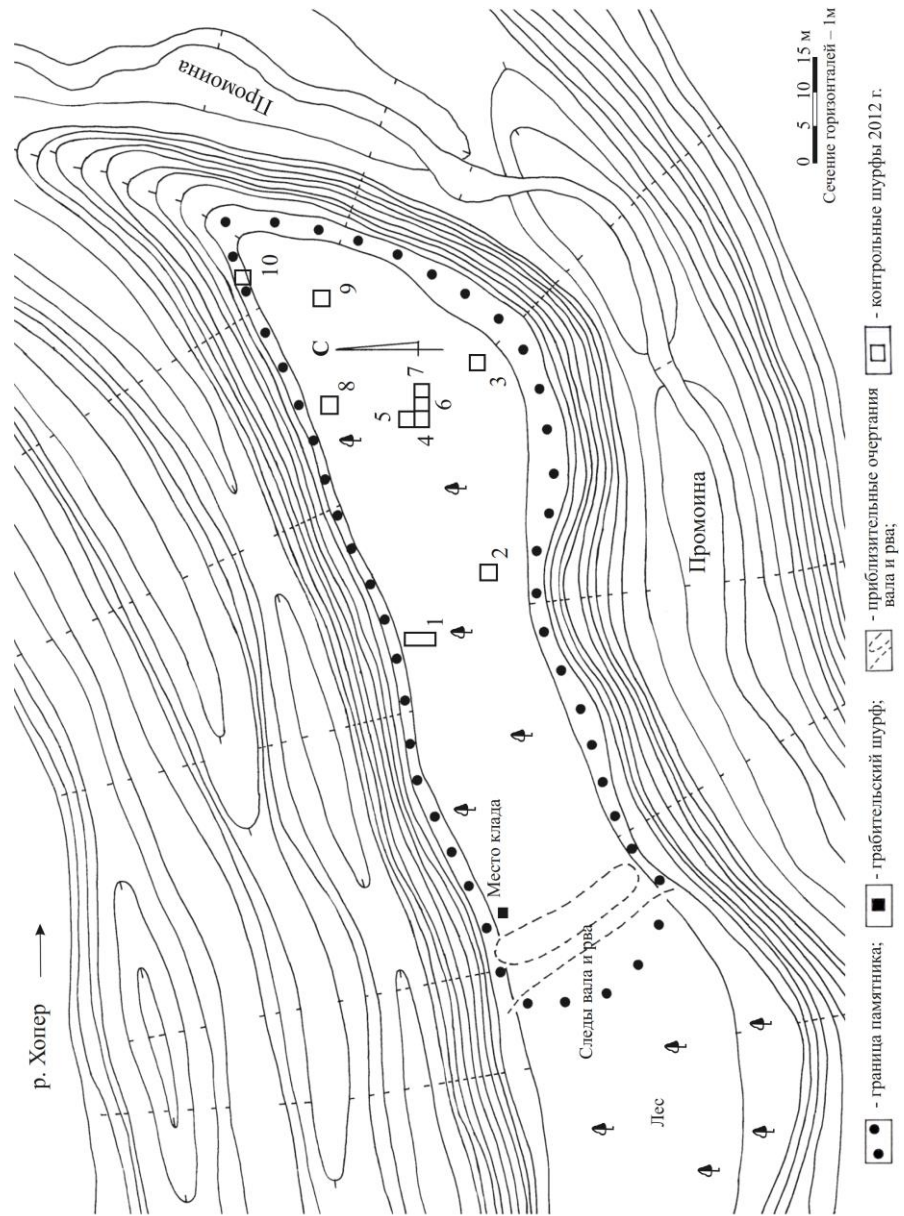

Рис. 2. План городища у с. Гривки: 1-граница территории памятника; 2-грабительский шурф; 3-примерные очертания вала и рва; 4-контрольные шурфы.

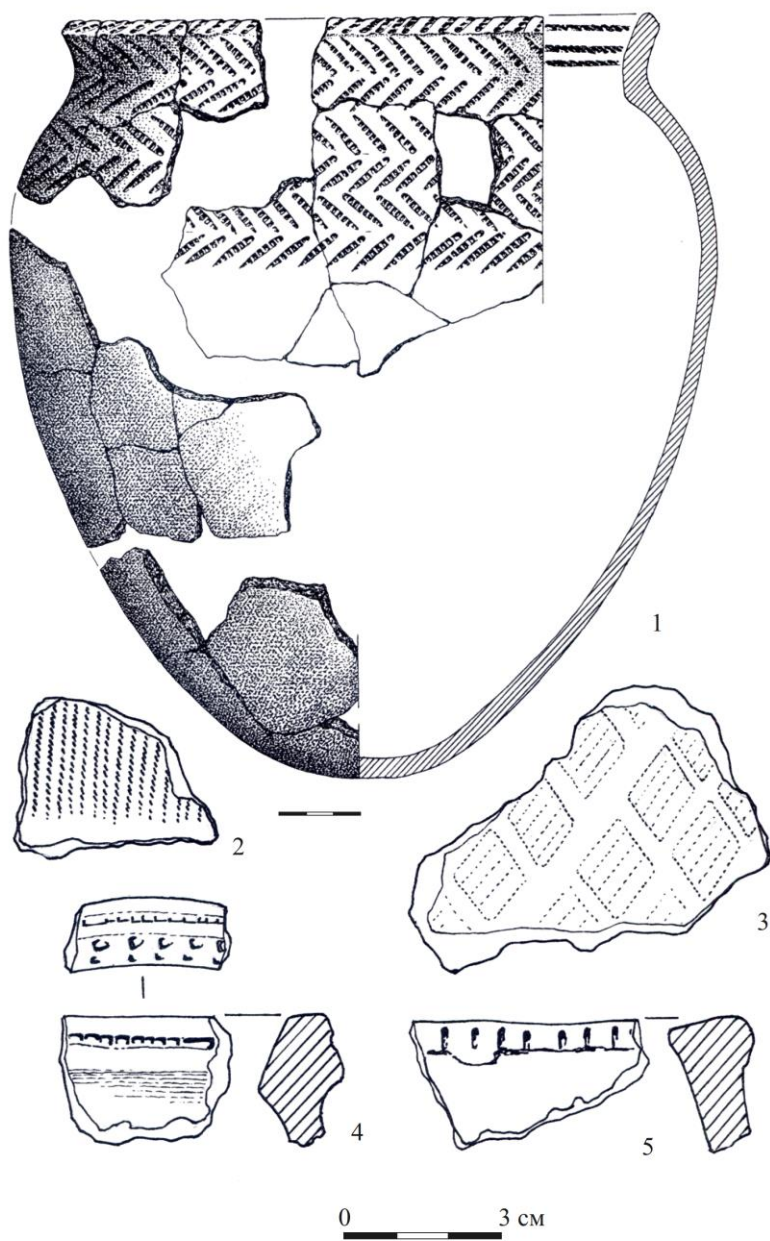

Рис. 3. Керамика иванобугорского типа.

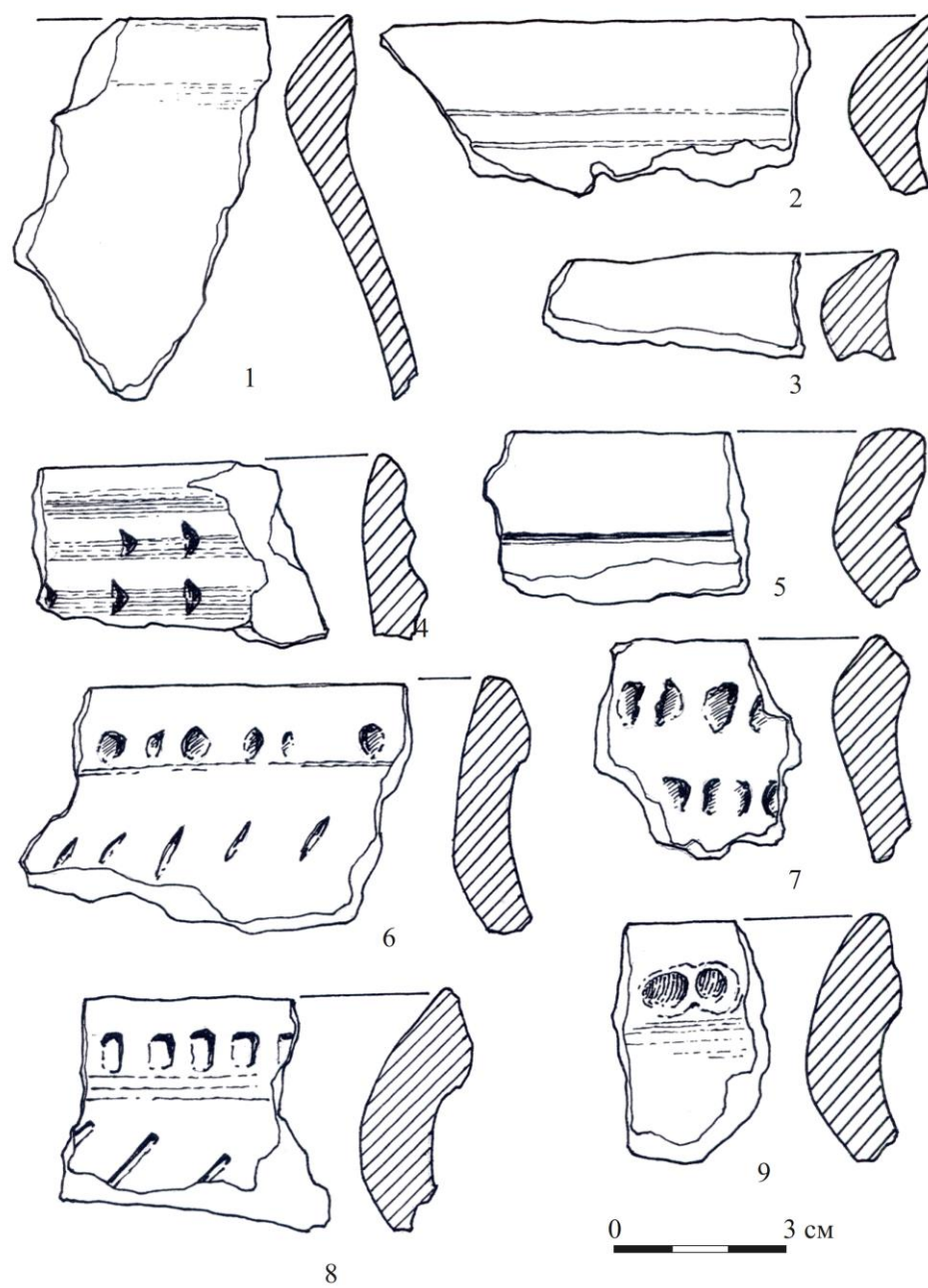
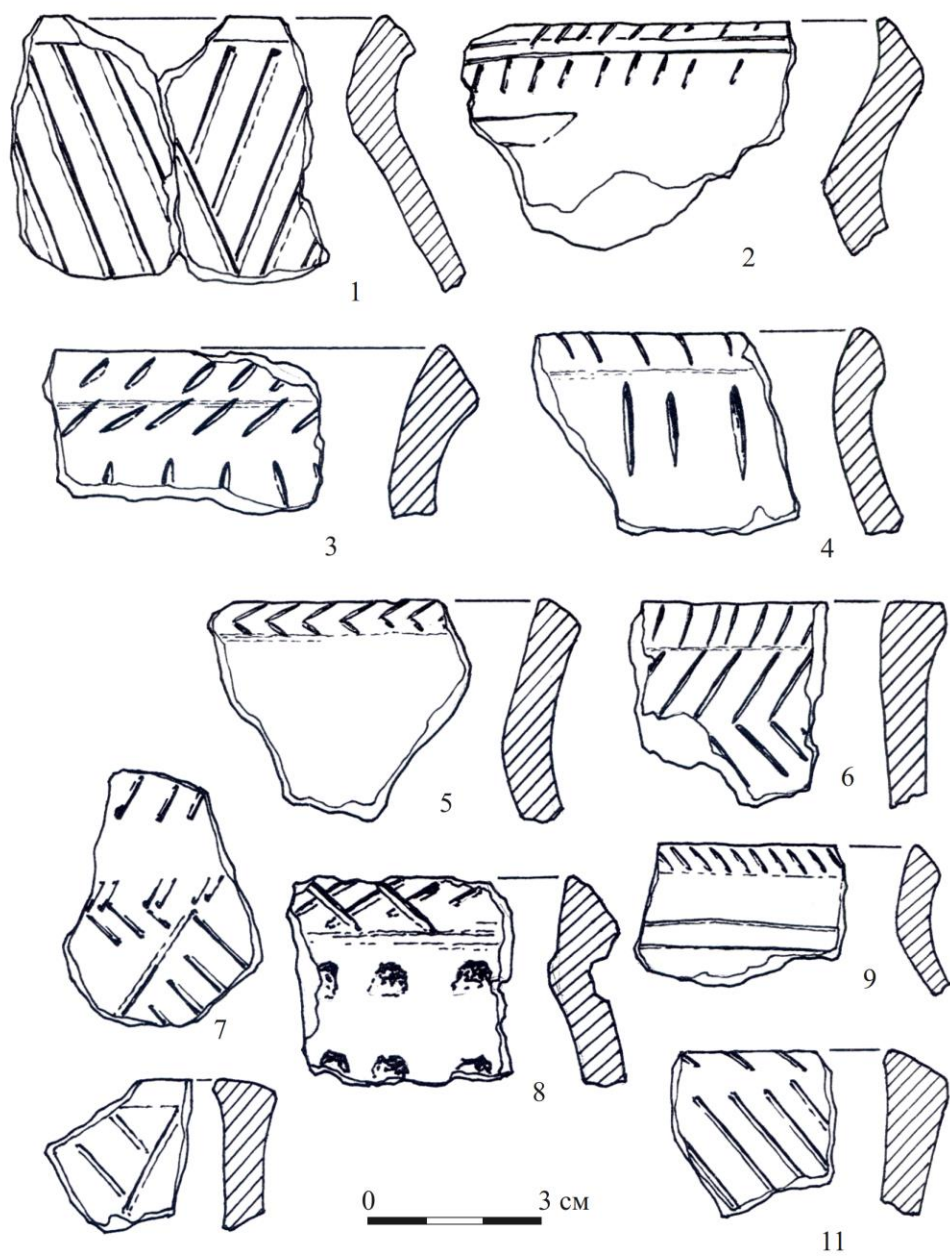

Рис. 4. Керамика иванобугорско-воронежского типа.

10
Рис. 5. Керамика воронежского типа.

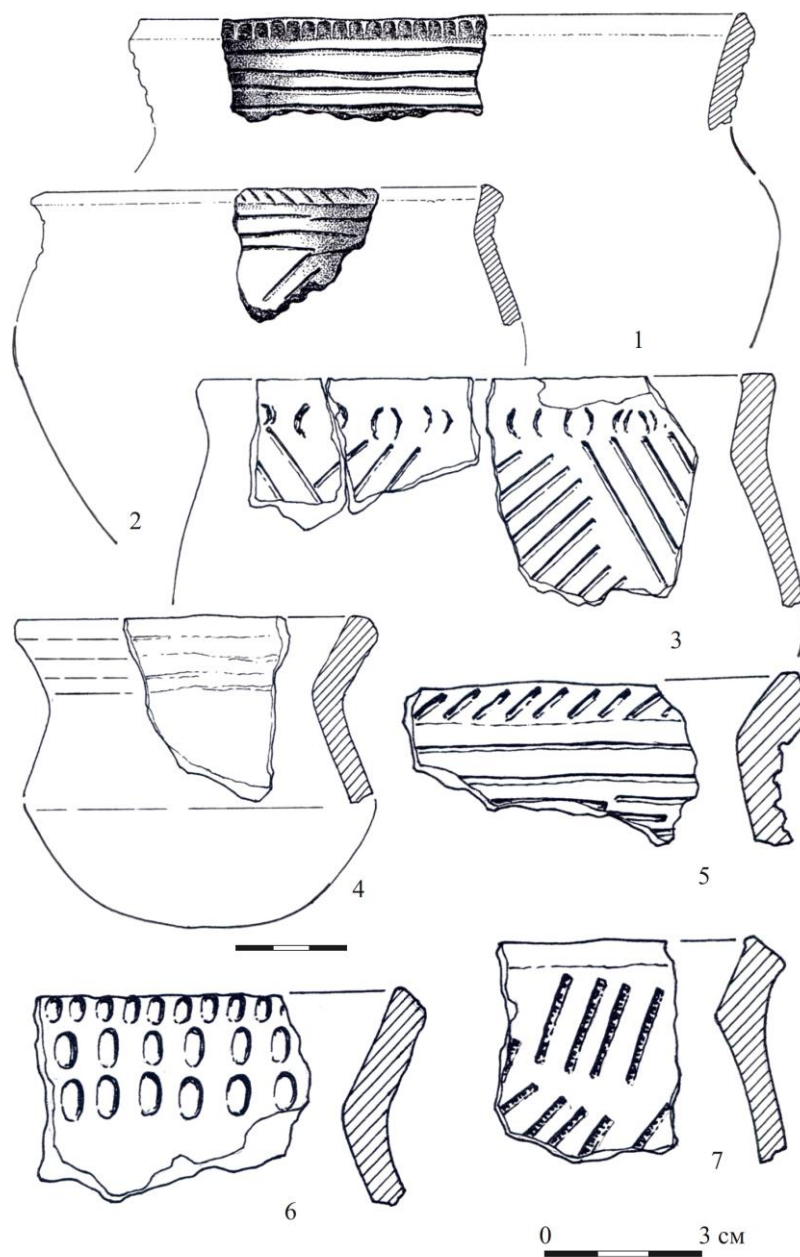

Рис. 6. Керамика воронежско-абашевского типа.

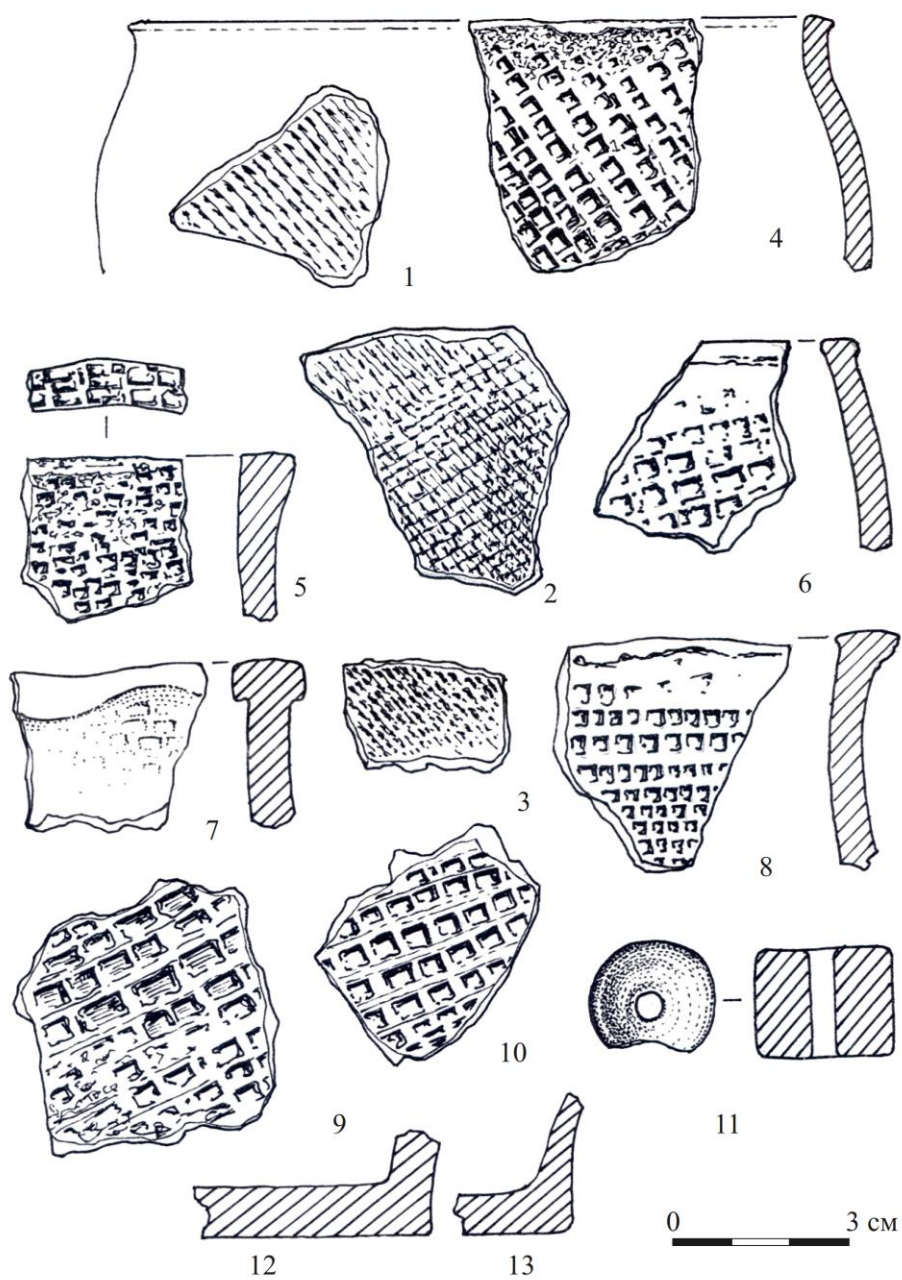

Рис. 7. Керамика городецкого типа.

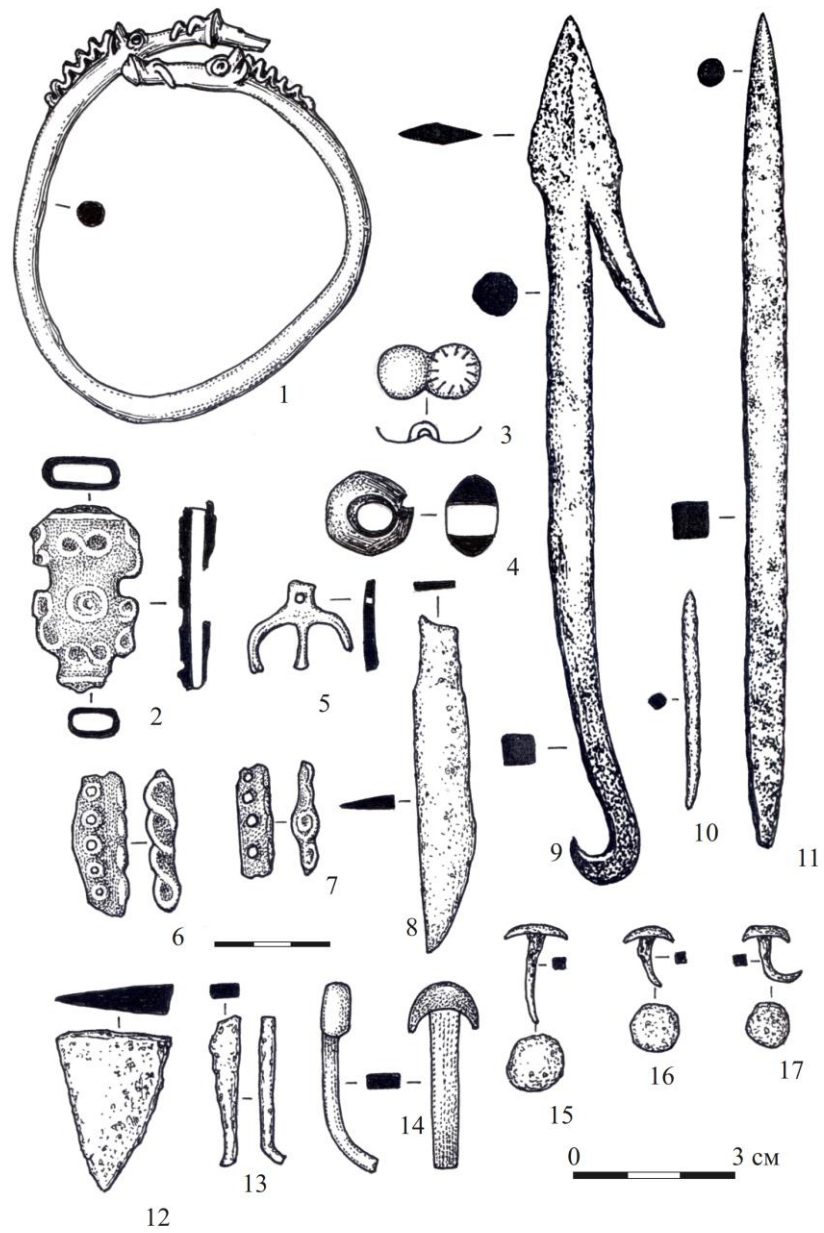

Рис. 8. Металлические предметы с территории Гривкинского городища.
1-7, 8, 10, 14 - бронза; 8, 9, 11-13, 15-17 - железо.

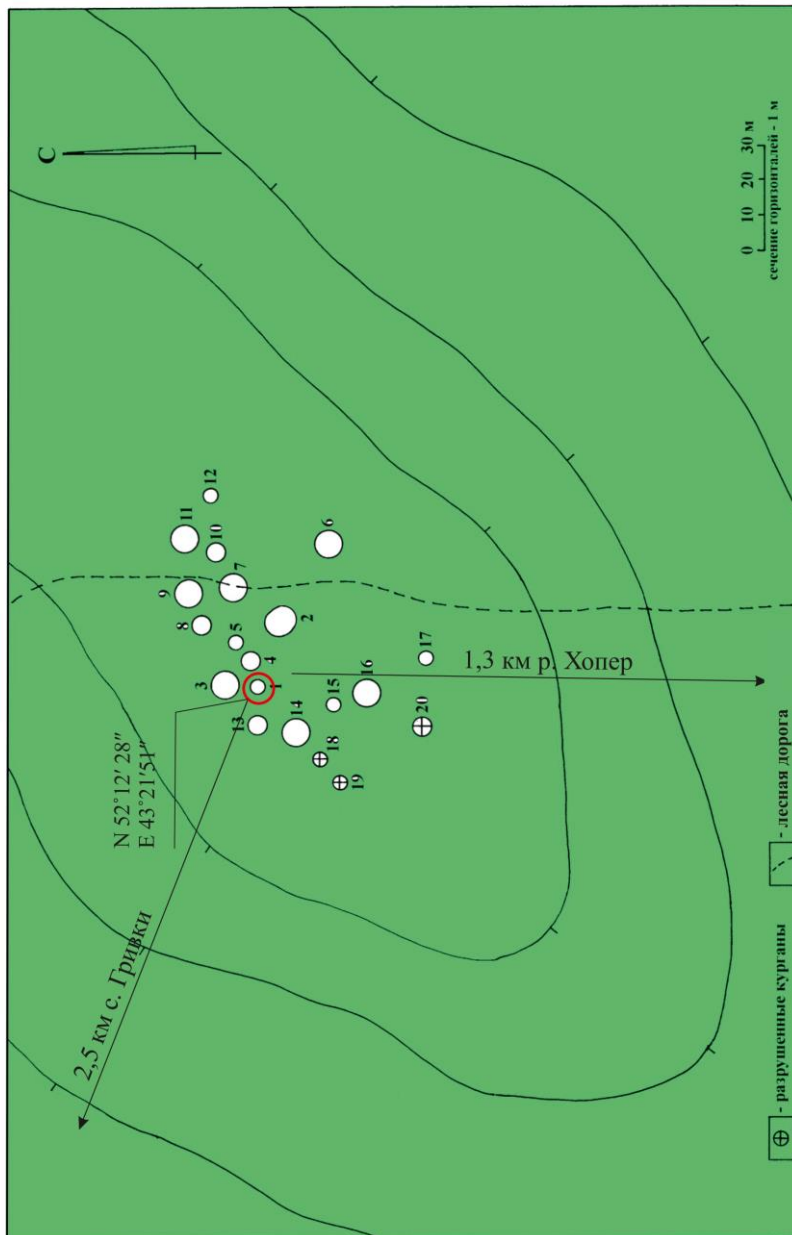

Рис. 9. План курганной группы у с. Гривки.

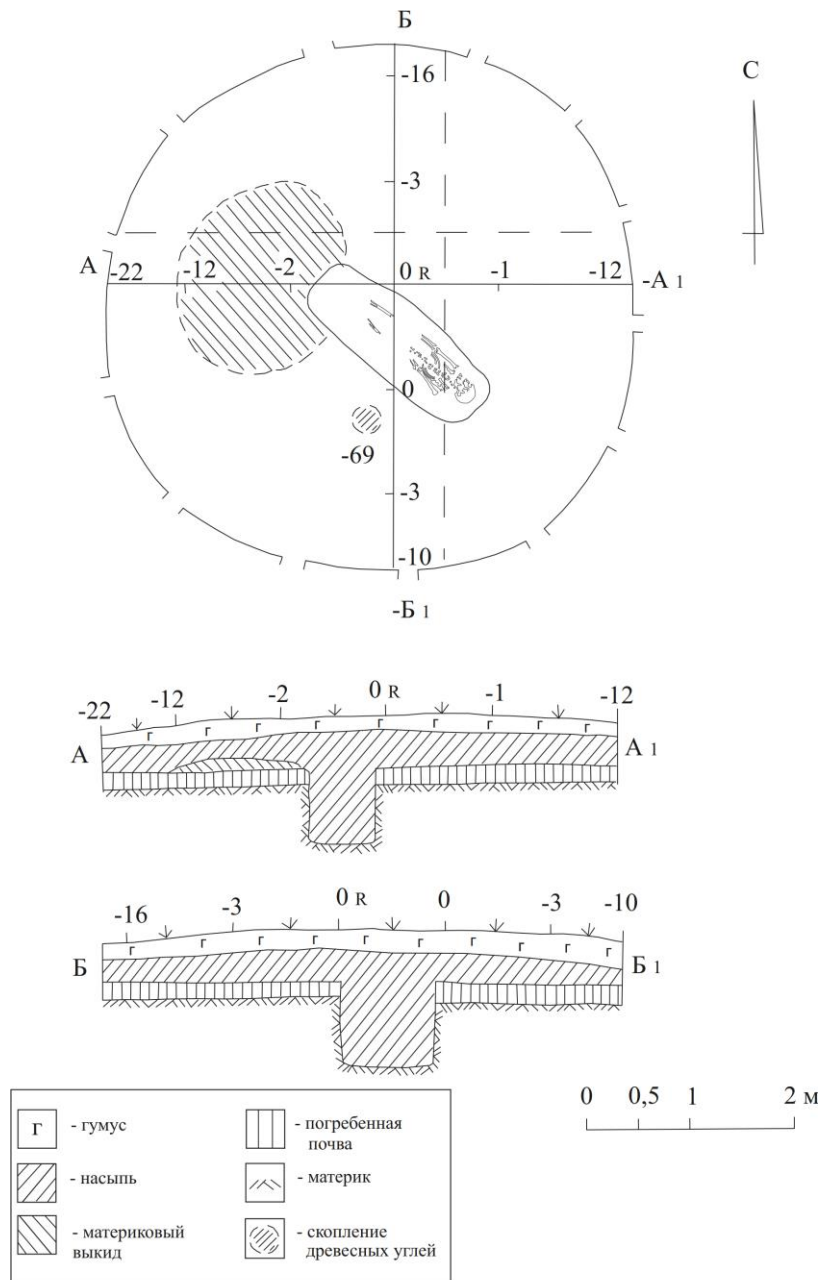

Рис. 10. План кургана № 1 и его стратиграфических бровок.

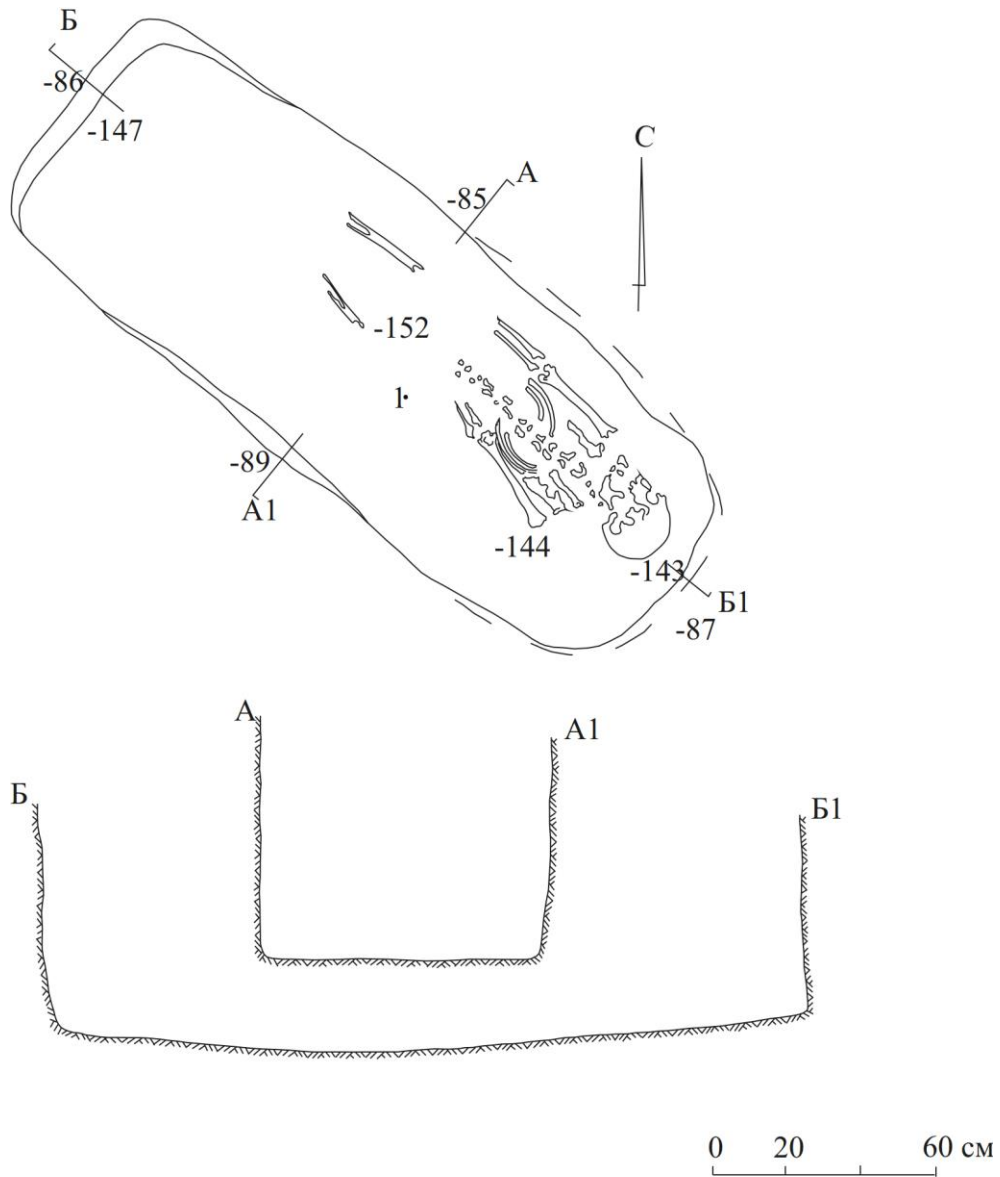

Рис. 11. План и разрезы погребения из кургана № 1.
1-комочек железного окисла.

Рис. 12. Фото погребения из кургана № 1. Вид с северо-запада.

УДК 903.53 (470.44) |637.7|
ББК 63/4 (235/54)

Малов Н.М., Тиманова С.С.

КУРГАНЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ОКОЛО СЕЛА СИМОНОВКА НА
РЕКЕ БАЛАНДА: РАСКОПКИ 1982 ГОДА

Публикуются материалы раскопок двух курганов эпохи поздней бронзы, осуществленных археологической экспедицией Саратовского государственного университета. Используются архивные документы и находки, хранящиеся в Саратовском областном краеведческом музее. Авторы относят открытые погребения к переходной покровско-срубной стадии позднего бронзового века Нижнего Поволжья, датируемой в калиброванном значении XVII-XVI вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, курган, погребение, сопроводительный инвентарь, эпоха поздней бронзы, Волго-Донское междуречье, Саратовская область, Саратовский университет.

Malov N.M., Timanova S.S.

THE LATE BRONZE AGE BARROWS NEAR THE VILLAGE OF SIMONOVKA
ON THE BALANDA RIVER: EXCAVATION OF 1982

Materials acquired from excavation of two Late Bronze Age barrows are presented. Those have been obtained by the expedition from the Saratov State University. The report on the field study and the ceramics are kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore. The authors assign the entombment to the Pokrovsk timber-grave stage of the Late Bronze Age from the Lower Volga Region, with the adjusted age of the 17-16th centuries B.C.

Keywords: archaeology, barrow, entombment, grave goods, Late Bronze Age, Volga-Don interfluvium, Saratov Region, Saratov State University.

Баландинский (Калининский) район Саратовской области, образован в 1928 г. Его территория расположена в южной части Саратовского правобережья, на пограничье Приволжской возвышенности и Окско-Донской равнины в бассейне левых притоков реки Медведицы. Большая часть региона находится в бассейне реки Баланды – правого притока Медведицы. В речных долинах сохранились старые пойменные ландшафты, много озер и стариц. [Воскресенский и др., 2002. С. 78]. Начало накопления информации об археоло-

логических памятниках района восходит к XIX веку [Тиманова, 2022]. Около середины этого века первый саратовский краевед А.Ф. Леопольдов сообщал о двух курганах, расположенных близ слободы Баланда, входившей тогда в состав Аткарского уезда Саратовской губернии [Сведения..., 1876. С. 9].

Накануне первой мировой войны член СУАК А.А. Кротков составил археологическую карту Саратовской губернии [Зайковский, 1913. С. 4]. В научном архиве исследователя, хранящемся в СОМК, есть картотека со сведениями, учтенными им при ее подготовке. В ней упомянуты две курганные группы, располагавшиеся на современной территории Калининского района. В карточке под № 259 указано, что близ с. Большая Ольшанка той же волости есть три кургана, в одном из которых найдены стремена, еще «ведро» и «шашки». Село находится на р. Баланда в центральной части района [Воскресенский и др., 2002. С. 79]. Карточка № 302 содержит информацию фольклорно-легендарного характера о названии с. Салтыково (Салтыковка) Салтыковской волости Аткарского уезда, а также о находящихся здесь курганах, на одном из которых в середине XIX века стояла каменная баба – женщина с грудями и нашли железное стремя. Так называемые «каменные бабы-балбалы», среди которых были реалистичные скульптуры женского типа с обнаженной грудью, устанавливаемые около половецких становищ и на маршрутах кочевников [Плетнева, 1990. С. 100, 101, 112, 113]. Они обнаружены в Аткарском, Балашовском, Лысогорском, Ртищевском и других районах Саратовского Правобережья [Минх, 1898; Максимов, 1974. С. 64–67; Плетнева, 1974. С. 108–109].

Сообщение состоит из двух пунктов: «1. Название село получило от татарского князя Солтака правившего улусом Золотой Орды. Здесь имеется несколько курганов – распахиваются. На одном кургане будто бы чугунную «бабу», которую еле свезли 4 вола. «Бабу» поставили около моста через р. Баланду, но она во время половодья исчезла, наверное, её затащило илом. Один из курганов был обложен камнями, другой курган издаёт звук, как будто бы в нём есть пустота (сообщение Т.И. Люкшина)». Во 2-ом пункте этого же сообщения говорится о трех курганах куполообразной формы, один из которых назывался «Каменная баба»: «В 1850-х годах на нём стояла каменная баба женщина с грудями – она была поставлена у моста, откуда упала в реку. В кургане «Каменная баба» было найдено железное стремя». Это позволяет полагать, что в Калининском районе могут быть открыты половецкие погребальные памятники.

Первые полевые археологические исследования в Баландинском районе провели археологи СГУ, возглавляемые профессором П.С. Рыковым. При этом за селом Симоновкой, по дороге в Атаевку, выявили два кургана и далее, на Власовой горе – другую группу из нескольких насыпей [Рыков, 1924.

Л. 15 об.]. В Баландинской слободе, против станции и железнодорожных путей, обнаружили курганную группу численностью до 20 насыпей, тянувшуюся цепочкой [Рыков, 1932. Л. 12].

В археологический отдел СОМК в 1959 г. поступили находки раннего железного века: три бронзовых наконечника стрелы (СМК АО №№ 47306, 47307, 47308), каменный оселок прямоугольного сечения, со следами сработанности и отверстием (рис. 2); три фрагмента не орнаментированных стенок лепного сосуда (рис. 3); два невыразительных и полностью коррозированных обломка разрушенной лезвийной части железного ножа (АО 2637). Их обнаружили случайно при рытье котлована в с. Новая Ивановка, расположенного на правом берегу р. Баланда. Вероятно предметы происходят из одного уничтоженного котлованом савроматского археологического погребального комплекса.

Железные ножи и каменные оселки составляют наиболее многочисленную категорию орудий труда савроматов [Смирнов, 1964. С. 105–107, 351, рис. 59]. Оселки с отверстиями, служившие абразивными инструментами для заточки металлических и костяных изделий, подвешивались к поясу. Трехлопастные наконечники стрел имеют сводчатую головку и срезанные под острым углом лопасти (рис. 1). Два экземпляра с выступающей наружу втулкой, у третьего и более короткого она скрытая или срезанная. Их размеры: 2,8 x 0,9; 2,4 x 0,9, 2,1 x 0,8 см. Различные типы таких бронзовых наконечников распространяются в савроматской культуре преимущественно начиная с VII–VI вв. до н.э. [Смирнов, 1961. С. 37–52, 111, рис. 12, с. 112, рис. 113, с. 113, рис. 14, с. 114, рис. 15; Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 12].

В 1980 г. был организован Калининский народный историко-краеведческий музей, в который поступили две редкие отдельные археологические находки. Их случайно обнаружили в окрестностях с. Радушинка. С интересными вещами сотрудников Археологической лаборатории СГУ познакомил основатель и заведующий народным музеем Геннадий Михайлович Куликов. Одна находка представляла собой двулезвийный бронзовый нож-кинжал с упором, ребром округлого сечения и клинком остролистной формы. Предмет характерен для общности культур валиковой керамики третьей фазы позднего бронзового века, датируемой XIV–XII вв. до н.э. [Малов, 2012а. С. 107, рис. 1, 2].

Другая находка, обнаруженная местным жителем на распахиваемом кургане № 36 или около него, представляет собой бронзовую фигурку лося [Ляхов и др., 1988. С. 182; Малов, 2002. С. 234]. По информации автора раскопок Г.Л. Якубовского данный курган выделялся на курганном поле самыми крупными размерами. К сожалению, в его центре явно был замечен совре-

менный грабительский раскоп. В 1986 г. экспедиция СГУ исследовала здесь два других кургана, содержавших сарматские захоронения.

Европейские лоси, или сохатые, неприхотливые и самые крупные парнокопытные млекопитающие из семейства оленевых, распространены в Саратовском лесостепном правобережье [Сонин, 2002]. При этом образ лося не чужд для художественного литья эпохи поздней бронзы лесостепной зоны Восточной Европы. Например, голова лося изображена на навершии рукояти бронзового ножа из Сейминского могильника [Городцов, 1916. С. 86–87, рис. 55, 56; Бадер, 1970. С. 111, 112, 116, рис. 50].

Бронзовая фигурка лося из окрестностей с. Радушинка, хранящаяся в Калининском историко-краеведческом музее, представляет собой литую, объемную скульптуру взрослого рогатого самца, стоящего на четырех ногах (рис. 4, 5). Животное изображено реалистично, с крупными ягодицами и коротким хвостом. На морде отмечены рот и ноздри. Уши направлены вверх к рогам, задние ноги опущены на запястья. Рога мощные – в виде четырех широких отростков.

Вероятнее всего, фигурка служила ручкой бронзового сарматского котла, от которого во время распашки ее оторвал плуг. Судя по дуговидной изогнутости стенки в месте излома, фигурка размещалась в верхней части тулова котла, около горла или рядом с ним. Зооморфные ручки представлены в декоративно-прикладном искусстве среднесарматской культуры на севере Волго-Донского междуречья.

Они встречаются на металлических котлах, котелках и другой посуде. Например, в курганных могильниках близ станицы Бердия, хутора Вербовского и поселка Октябрьского [Сергацков, 1999. С. 36–41, рис. 1, 9, 11; Мамонтов, 2009; Мыськов, 2009; Сергацков, 2009]. Наличие зооморфных ручек учитывается при разработке типологии литых бронзовых котлов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья савромато-сарматского времени [Демиденко, 2008. С. 16–26, 192, рис. 81, 1.2.А, с. 208, рис. 96, 6.2.А, с. 224, рис. 112, 113, с. 226, рис. 114, с. 228, рис. 116, 117, с. 230, рис. 118]. Изображения лося распространены в восточно-европейском зверином стиле скифских племен. В скифском искусстве конца VI в. до н.э. и позже мотив лося смыкается с образом оленя и изображениями так называемых «оленелосей» [Канторович, 2013]. Зооморфные параллели и хронологические индикаторы, позволяют отнести радушинскую фигурку к среднесарматской культуре раннего железного века Нижнего Поволжья.

В 1982 г. по просьбе Калининского исполкома и народного музея экспедиция СГУ под руководством младшего научного сотрудника С.Ю. Монахова произвела разведки и составила Археологическую карту района, а также раскопки двух курганов в окрестностях с. Симоновка [Археологическая кар-

та, 1982; Монахов, 1983. С. 40–46]. В результате составления Археологической карты было выявлено и учтено 104 памятника [Археологическая карта, 1982]. Среди них 60 курганных групп, 34 отдельных стоящих кургана, 6 поселений и 4 отдельных находки.

Село Симоновка располагается на левом берегу р. Баланда при впадении в Медведицу. В окрестностях села растет пойменный лес [Воскресенский и др., 2002. С. 80]. На невысоком водоразделе правого берега Баланды, к западу и юго-западу от села, выявили пять курганных групп, общая численность которых более 60 насыпей. Этот древний погребальный памятник представляет собой так называемое «курганное поле». Оно распаивалось, задернованными были лишь единичные насыпи. На поверхности одной насыпи из пятой курганной группы обнаружили обломки черепа и берцовой кости человека.

«Курганные поля» также зафиксированы и в прибрежной полосе степного Заволжья [Качалова, 1993. С. 18]. Как правило, они приурочены к древним географическим ориентирам, традиционным водным путям, располагаясь около пойменных ландшафтов при впадении малой реки в более крупную. В саратовском течении Медведицы гораздо более крупное «курганное поле» из 163 насыпей располагалось на выгоне пригородной слободы г. Аткарска. Археологический памятник, содержавший погребения от эпохи поздней бронзы до позднего средневековья включительно, занимал высоту между рекой Медведицей и Еткаррой [Арзютов, 1993. С. 86, 100].

В третьей группе, около «Каменного пруда» и сельского выгона, использовавшегося под временную посадочную полосу сельхозавиации, были исследованы два кургана [Монахов, 1983. С. 43–46]. Они содержали погребения срубной культуры позднего бронзового века [Монахов, 1984. С. 162]. При раскопках насыпей применялся прицепной скрепер, оставлялась одна стратиграфическая бровка. Благодарим Сергея Юрьевича за разрешение опубликовать материалы данных раскопок, используя его отчет и керамику, хранящиеся в СОМК.

Курган № 3, поросший травой, имел высоту 0,3 м. и диаметр 20 м. Его насыпь представляла собой однородный и плотный гумус черного цвета. Ровик отсутствовал. В южной части кургана обнаружена могила, заполненная гумусом, имевшая на уровне погребенной почвы глиняный материковый выброс желтого цвета. Могильная яма прямоугольная с закругленными углами, ориентирована длинными сторонами по линии север-юг (рис. 6). Параметры могилы: 217 x 127 см, сужалась к дну на 30–40 см, глубина в материке 75 см. Захоронение сохранилось частично. Из-за солончаковых грунтовых вод сохранность скелета и вещей очень плохая.

Скелет женщины возрастом 20–30 лет находился в скорченном положении на левом боку, фаланги кистей рук перед лицом, черепом ориентирован на север. Первоначальное положение бедренных и берцовых костей, видимо, было нарушено грызунами. Под нижней челюстью отмечена меловая подсыпка, а перед лицом пятно охры.

Инвентарь представлен фрагментированными бронзовыми предметам и лепной посудой. На запястье фиксировались остатки полностью коррозированного и распавшегося желобчатого браслета (рис. 6, 1). Под черепом около левого виска встречена бронзовая желобчатая подвеска в полтора оборота, высотой 3,5 см (рис. 6, 2; рис. 8, 3). Против запястья сохранилось плоское днище небольшого сосуда (рис. 6, 4; рис. 8, 2). Возле колен обнаружен полный развал не орнаментированного округлобокого сосуда (рис. 6, 3). Его высота 16,2 см, диаметр тулова 18 см (рис. 8, 1).

Задернованная плоская насыпь кургана № 4 находилась в 20 м. к северо-западу от третьего кургана. Ее диаметр 15 м, высота 0,2 м. В дерновом слое были скопления химических удобрений, складировавшиеся последнее десятилетие на данном участке полевого аэродрома. В северной половине кургана погребения на уровне материка не выявлены. Южная половина содержала три детских захоронения, расположенные в ряд по линии «запад-восток», с интервалом 1,2–1,3 м. друг от друга (рис. 7). Выбросы из могил не прослежены, их стратиграфическая последовательность не установлена.

Погребение № 1 выявлено на уровне материка. Могила подпрямоугольной формы, размером 105 x 54 см., углублена в материк на 6–8 см, ориентирована длинными стенками по линии с северо-востока на юго-запад (рис. 7, 1). В центре сохранился в обломках череп ребенка 5–7 лет и несколько костей от фаланг руки. Положение костяка предположительно скорченное на левом боку, кисти рук перед лицом. На дне могилы, около ее северо-восточного угла, стоял лепной баночный сосуд высотой 12,4 см, с закругленным венчиком и обильной примесью толченой раковины в глине (рис. 9, 2).

Погребение № 2 расположено в 2,2 м. к востоку от захоронения № 1 (рис. 7, 2). Могила подпрямоугольной формы, размером 155 x 98 см., углублена в материк на 18–20 см, ориентирована длинными стенками по линии с северо-востока на юго-запад. На дне могилы, около ее северо-восточной стенки, зафиксирован развал округлобокого лепного сосуда, с примесью толченой раковины в глине (рис. 9, 3). Диаметр тулова 14 см. Венчик слегка заострен, с внутренним уступом, слабо отогнут наружу. Под ним проходят четыре горизонтальных борозды от заглаживания внешней поверхности. Костяк подростка уничтожен сурками, в центре могилы обнаружен фрагмент нижней челюсти и несколько обломков ребер.

Погребение № 3 обнаружено в 1,2 м. к востоку-юго-востоку от погребения № 2 (рис. 7, 3). Могила прямоугольной формы, размером 130 x 75 см., углублена в материк на 16–17 см, ориентирована длинными стенками так же, как и две первые. На дне могилы сохранился череп, длинные кости рук и ног, принадлежавшие ребенку возрастом 5–7 лет. Он был захоронен в позе адорации, головой на северо-восток, кисти рук сложены перед лицом. Против лица стоял лепной, не орнаментированный, острореберный сосуд, высотой 13,4 см, диаметр тулова 18 см, с значительной примесью толченой ракушки в глине (рис. 9, 1).

Обряд и состав инвентаря позволили автору раскопок отнести захоронение из кургана № 3 к срубной культуре [Монахов, 1983. С. 44]. Этому не противоречит встреченная здесь узкожелобчатая височная подвеска, характерная именно для данной культуры [Малов, 1992. С. 33, рис. 3, 21, с. 34, (У-12), с. 46]. Особенность этого комплекса состоит в том, что элементарный индивидуальный курган возведен для женщины. В срубной и покровской культурах Нижнего Поволжья элементарные могильные комплексы не получили широкого распространения. При этом, они обычно сооружались для взрослых мужчин, а для женщин и детей в единичных исключительных случаях [Малов, 1987. С. 150].

Одной из особенностей четвертого курган является то, что он детско-подростковый. В позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья детские курганы сооружались не часто. Другая особенность в том, что три могилы расположены системно в ряд. В курганах покровской культуры северной части нижеволжского региона такая планиграфия встречается, но изредка [Малов, 1987. С. 154–155]. С.Ю. Монахов предположил, что в кургане № 4 все три могилы одновременны и относятся к срубно-абашевской группе, распространенной в Поволжье во II тыс. до н.э. [Монахов, 1983. С. 46]. В последней трети XX века погребения и поселения, с керамикой аналогичной фрагменту из могилы № 2, действительно рассматривали как «срубно-абашевские» [Малов, 1986; Малов, 2007. С. 39]. Сейчас их следует относить к покровско-срубной стадии позднего бронзового века Нижнего Поволжья, датируемой XVII–XVI вв. до н.э. [Малов, 2001; Малов, 2012; Малов, 2014].

В заключении отметим, что данный регион Саратовской области располагает существенным археологическим потенциалом. Здесь открыты бытовые и погребальные памятники от эпохи древних металлов до золотоордынского периода включительно. Задача мониторинга, инвентаризации и паспортизации археологического наследия Калининского района с использованием современной картографии и геоинформационных технологий представляется вполне насущной и достаточно актуальной.

Литература

Арзютов Н.К. Аткарский курганный могильник раскопки 1928–30 гг. // Известия Саратовского Нижневожского ин-та краеведения. Т. VII. – Саратов: Сарат. Краевое изд-во, 1936.

Археологическая карта Калининского района. 1982. // Копия хранится в архиве Государственного автономного учреждения культуры «Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области».

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Изд-во «Наука», 1970.

Воскресенский С.Г., Демин А.М., Купцова Ю.А., Уставщикова С.В., Уставщиков В.В. Административно-территориальное деление Саратовской Губернии // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах) – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 2002.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Исторического музея за 1914 год. – М., 1916.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э.–III в. н.э.). – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Зайковский Б.В. Каменные бабы в Саратовском Поволжье // Труды СКАК – Саратов, 1905. Вып. XXIV.

Зайковский Б.В. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века. – Саратов: Союз печатного дела, 1913.

Канторович А.Р. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 3. К 70-летию Э.В. Ртвеладзе, серия Scripta antiqua: Собрание. том 3 – Москва, 2013.

Качалова Н.К. Курганные могильники // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Археология России. САИ. Т. 1. ИИМК РАН. – Саратов: Изд-во СГУ. Вып. В 1 –10. Отв. ред. Н.М. Малов. 1993.

Ляхов С.В., Малов Н.М., Юдин А.И., Якубовский Г.Л. Работы Саратовского университета // Археологические открытия 1986 года. – М.: Изд-во «Наука», 1988.

Максимов Е.К. Ртищевские курганы // КСИА. 1974. Вып. 140.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд-во СГУ, 1986.

Малов Н.М. Планиграфия Нижневожских подкурганых погребений покровского типа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. – Саратов: Изд-во СГУ, 1987.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 3. – Саратов: Изд-во СГУ, 1992.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001.

Малов Н.М. Саратовское Поволжье в древности // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). – Саратов: Приволжск. изд - во, 2002.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Вып. 5. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2007.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. 2012.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы. ИИМК РАН. – СПб: Скифия-принт, 2013а.

Малов Н.М. Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурогенеза // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. – М.: ИА РАН, 2014.

Мамонтов В.И. Вербовский // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Минх А.Н. Ключевская каменная баба Аткарского уезда // Труды СУАК. Вып. 21. – Саратов, 1898.

Монахов С.Ю. Отчет о разведках и раскопках в Ново-Бурасском и Калининском районах Саратовской области в 1982 г. Саратов, 1983 // Научный архив СОМК.

Монахов С.Ю. Исследования в Ново-Бурасском и Калининском районах Саратовской области // Археологические открытия 1982 года. – М.: Изд-во «Наука», 1984.

Мыськов Е.П. Октябрьский // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ. Вып. Е4-2. – М.: Наука, 1974.

Плетнева С.А. Половцы. – М.: Изд-во «Наука», 1990. (Серия «страницы истории нашей Родины»).

Рыков П.С. Отчет об археологических разведках и раскопках, произведенных летом 1924 года по течению рек Медведицы, Еруслана, Терсы, Б. Карамана, Торгуна, Саратовки и в окрестностях города Покровска, т.е. в Саратовской губ. и Респ. Нем. Поволжья // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Фонд № 2, № 178. 1924.

Рыков П.С. Отчет о раскопках в Нижнем Поволжье // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. 1932. Фонд № 2, № 178.

Сведения о курганах России // Протоколы заседаний Отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года). – 1876. – (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды Антропологического отдела; Т. 20. Кн. 2. Вып. 1). Приложения.

Сергацков И.В. Находки в зверином стиле из сарматских курганов на Иловле // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. Вып. 2.

Сергацков И.В. Бердия // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. № 101 – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). – М.: Изд-во «Наука», 1964.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1–9. – М.: Наука, 1963.

Сонин К.А. Парнокопытные // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). – Саратов: Приволжск. изд-во, 2002.

Тиманова С.С. Полевые исследования саратовских археологов на территории Калининского района в 1980-е – 1990-е годы // Новый век: человек, общество, история глазами молодых. Вып. 20 / под ред. А.В. Баранова. – Саратов, 2022. С. 15–20. <https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2022-02/novyy vek - 2021 maket 20.02. pdf>

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел из с. Новая Ивановка.

Рис. 2. Каменный оселок
из с. Новая Ивановка.
Автор фото К. Ю. Моржерин.

Рис. 3. Фрагменты стенок от лепного сосуда из с. Новая Ивановка.
Автор фото К. Ю. Моржерин.

Рис. 4. Бронзовая фигурка лося из окрестностей с. Радушинка.
Автор фото К. Ю. Моржерин.

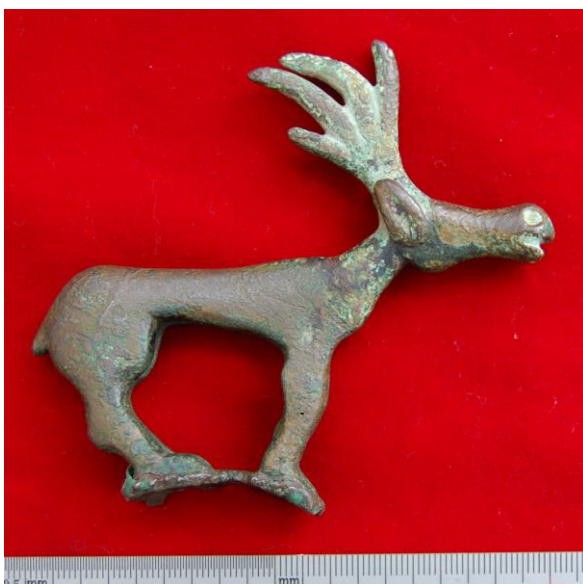

Рис. 5. Бронзовая фигурка лося из окрестностей с. Радушинка.
Другая сторона. Автор фото К. Ю. Моржерин.

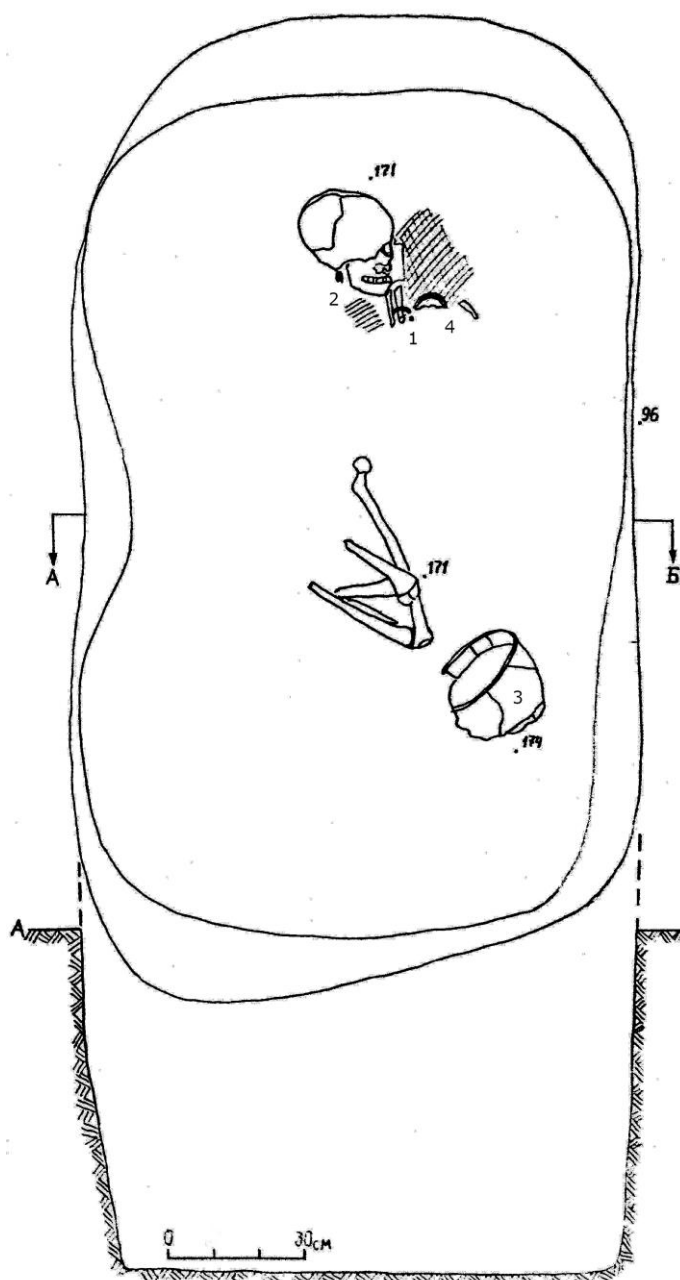

Рис. 6. План погребения из кургана №3 около с. Симоновка.

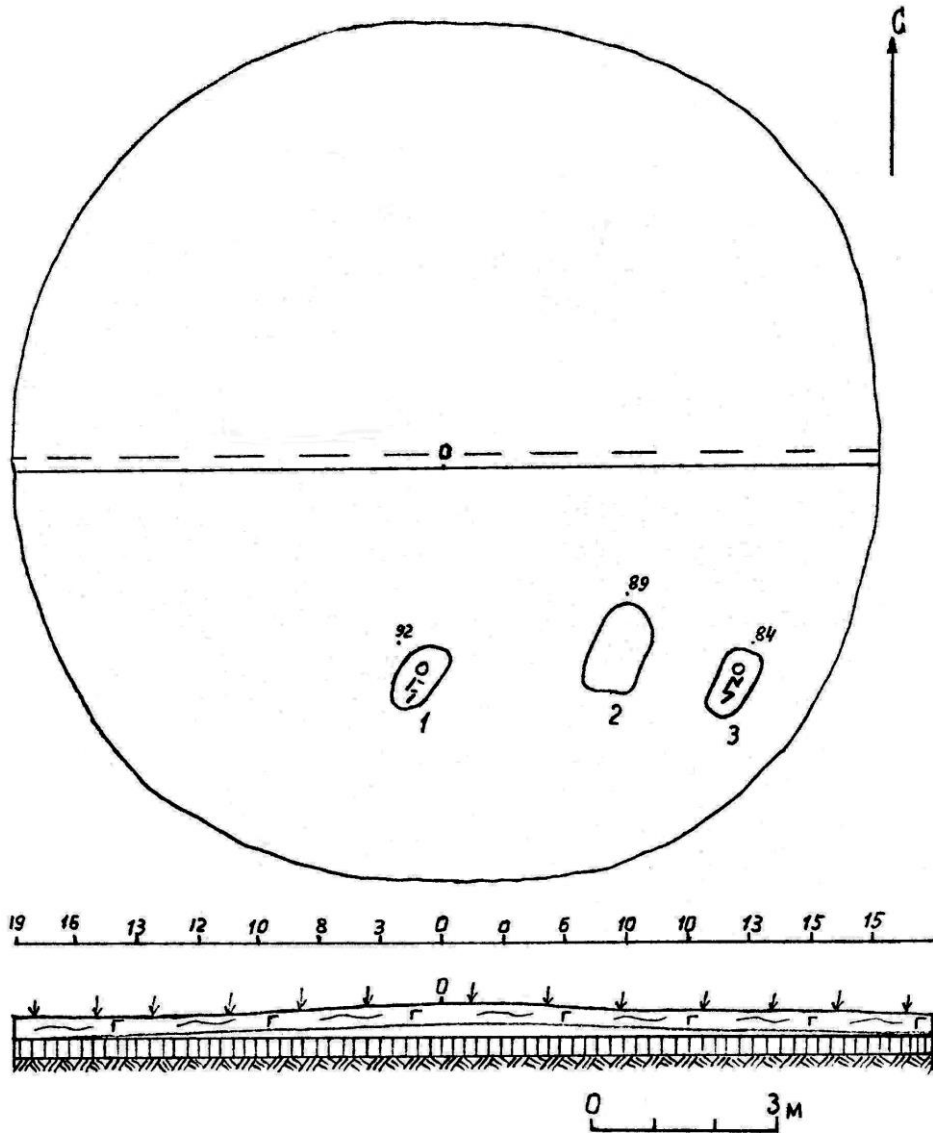

Рис. 7. План кургана №4 около с. Симоновка.

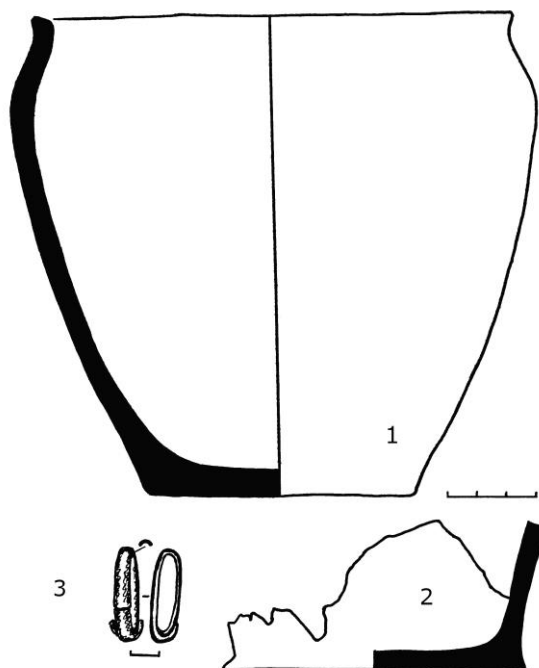

Рис. 8. Находки из погребения в кургане №3 около с. Симоновка.
1, 2 - керамика, 3 - бронза.

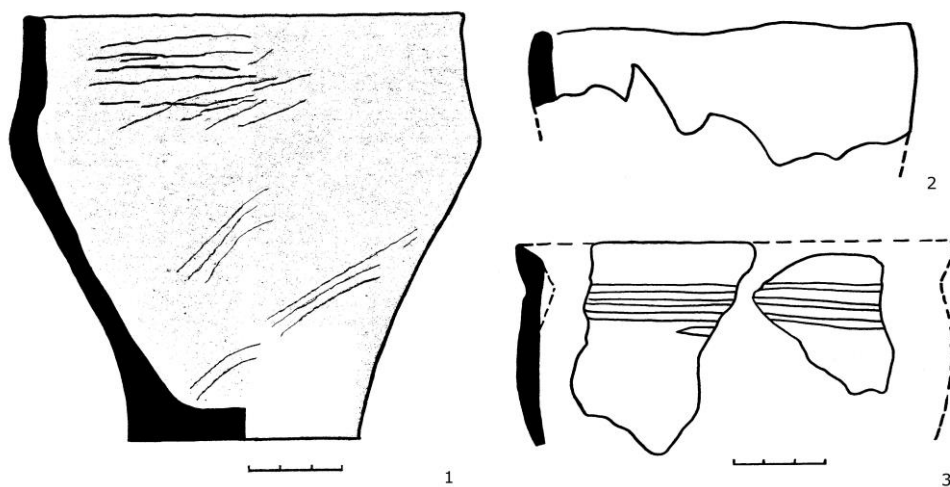

Рис. 9. Лепная керамика из погребений №1 (2), №2 (3),
№3 (1) в кургане №4 около с. Симоновка.

ЗАМЕТКИ

УДК 903.23 (470.44) |637.7|: [069:908](470.44)
ББК 63.4 (235.54)

Ким М.Г., Малов Н.М.

КЕРАМИЧЕСКИЙ СОСУД КУБКОВИДНОЙ ФОРМЫ СРУБНО-ХВАЛЫНСКОЙ СТАДИИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ВОЛЬСКОГО МУЗЕЯ

Рассматривается отдельная находка лепного керамического сосуда, переданного на хранение в Вольский краеведческий музей. Его случайно нашли в 2019 г. на левом берегу Волги. Он происходит из песчаного карьера, располагавшегося около пруда «Балбашев». Орнаментированный сосуд кубковидной формы имеет высокий конусовидный поддон. Авторы относят предмет к переходной срубно-хвалынской стадии третьей фазы позднего бронзового века Нижнего Поволжья, датируемой в калиброванном значении XIV–XIII вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, керамика, третья фаза позднего бронзового века, хвалынская культура валиковой керамики, Нижнее Поволжье, Саратовская область.

Kim M.G., Malov N.M.

CERAMIC GOBLET-SHAPED VESSEL OF THE TIMBER-GRAVE – KHVALYNSK STAGE OF THE LATE BRONZE AGE FROM THE VOLSK MUSEUM

A single find of a fashioned ceramic vessel transferred for keeping to the Volsk local history museum is being considered. This was chanced upon in 2019 on the left bank of the Volga. The item comes from a sand quarry close to the Balbashev pond. The ornamented goblet-shaped vessel has a high cone-shaped stem. The authors assign it to the transitional timber-grave – Khvalynsk stage of the third

phase of the Late Bronze Age from the Lower Volga dated back to the XIV–XIIIth centuries BC.

Keywords: archaeology, ceramics, the third phase of the Late Bronze Age, Khvalynsk culture of beaded pottery, Lower Volga Region, Saratov Region.

В августе 2019 г. на левом берегу Волги в песчаном карьере, располагавшемся около пруда «Балбашев», случайно нашли лепной глиняный сосуд (рис. 1). В 2022 г. житель г. Вольска – родственник находчика, передал сосуд на хранение в Вольский краеведческий музей. Левобережная территория Вольского района, откуда происходит находка, представляет собой участок обширной поймы Волги. Данные земельные угодья именуется «Остров Карачаровский». Они отделены от суши руслом коренной Волги и нижним течением Большого Иргиза. Для этой местности характерны элементы пойменного ландшафта с озерами и протоками.

Острореберный орнаментированный сосуд имеет кубковидную форму и высокий конусовидный поддон (рис. 2; 3). Параметры сосуда: высота 18 см, диаметр по горлу – венчику 15 см, диаметр нижней части поддона 8,2 см, высота его внутренней части 4,2 см, максимальное расширение тулова 12 см, толщина стенок 0,5–1 см. Венчик плавно отогнут наружу, шейка хорошо выражена.

Орнамент расположен полосой от максимального расширения тулова и выше по плечикам и шейке. Под венчиком проходит один ряд не глубоких округлых ямочных вдавлений с небольшим наклоном вправо, еще два ряда находятся выше максимального расширения тулова. Между ними параллельно расположены три горизонтальных желобчатых каннелюра.

Обжиг слабый, внешняя поверхность гладкая, темно-серого цвета с коричневатыми пятнами. На внутренней поверхности следы от заглаживания – «расчесы». От венчика до поддона проходит старая вертикальная трещина. На венчике небольшой «свежий» скол. Здесь излом черный, с очень мелкими и редкими вкраплениями минерала белого цвета (мела?).

Специалисты традиционно включают керамические сосуды с поддонами в группу инокультурной керамики андроновского типа. Этому вопросу и сосудам на поддонах, имитирующих медные котлы, определенное внимание уделила О.А. Кривцова-Гракова, характеризовавшая керамику второго хвалынского периода срубной культуры Поволжья [Кривцова-Гракова, 1955. С. 42–45, 53, рис. 10, 11, 4]. При этом учитывались единичные захоронения, открытые И.В. Синицыным в Потемкинском и в одном из Бережновских курганных могильников, которые по ритуалу и керамике автор раскопок сближал с памятниками андроновской культуры Южного Приуралья и Западного

Казахстана [Синицын, 1953. С. 84–85, рис. 36, 4; Синицын, 1959. С. 44, 193, рис. 6, 7].

В последующем, появление андроновской керамики на памятниках второго хвалынского периода (по О.А. Кривцовой-Граковой) стали интерпретировать как позднее федоровское, межовское, черкаскульское или федоровско-бишкульское влияние [Зданович, 1984. С. 35, рис. 2; Качалова, 1985. С. 45, 55, рис. 2, III; Малов, 1987; Дьяченко, 1992. С. 115–126, рис. 2; Малов, 1994. С. 11; Лапшин, 2009. С. 240; Малов, 2012; Малов, 2014]. Фрагменты таких кубковидных сосудов с коническими поддонами изредка встречаются на бытовых памятниках переходной срубно-хвалынской стадии третьей фазы позднего бронзового века Нижнего Поволжья, датируемой в калиброванном значении XIV–XIII вв. до н.э. [Малов, 2013].

Этому не противоречит радиоуглеродная калиброванная дата, полученная в результате анализа древесного угля из центральной хозяйственной ямы срубно-хвалынского котлована жилища селища Новая Покровка I, расположенного на левом берегу р. Терешка в Вольском районе Саратовской области [Малов, 2001. С. 201]. Именно близ пруда «Балбашев» в Нижнем Поволжье впервые и был найден экземпляр целого кубковидного сосуда. Его хорошая сохранность позволяет полагать, что он происходит из погребально-го памятника.

Литература

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 3. – Саратов, Изд-во СГУ, 1992.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. Вып. 177. 1984.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). – Куйбышев: Куйбыш. гос. пед. ин-т, 1985.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. № 46. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Лапшин А.С. Смеловский тип памятников // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Малов Н.М. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Раздел «Каменный и бронзовый века». – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987.

Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-

историческая область. Материалы III Рыковских чтений. – Саратов: Изд-во СГУ, 1994.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. 2012.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. – СПб: «Скифия-принт», 2013.

Малов Н.М. Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурогенеза // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. – М.: ИА РАН, 2014.

Синицын И.В. Археологические работы в районе строительства Сталинградской ГЭС // КСИИМК. Вып. L., 1953.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I. МИА. № 60. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

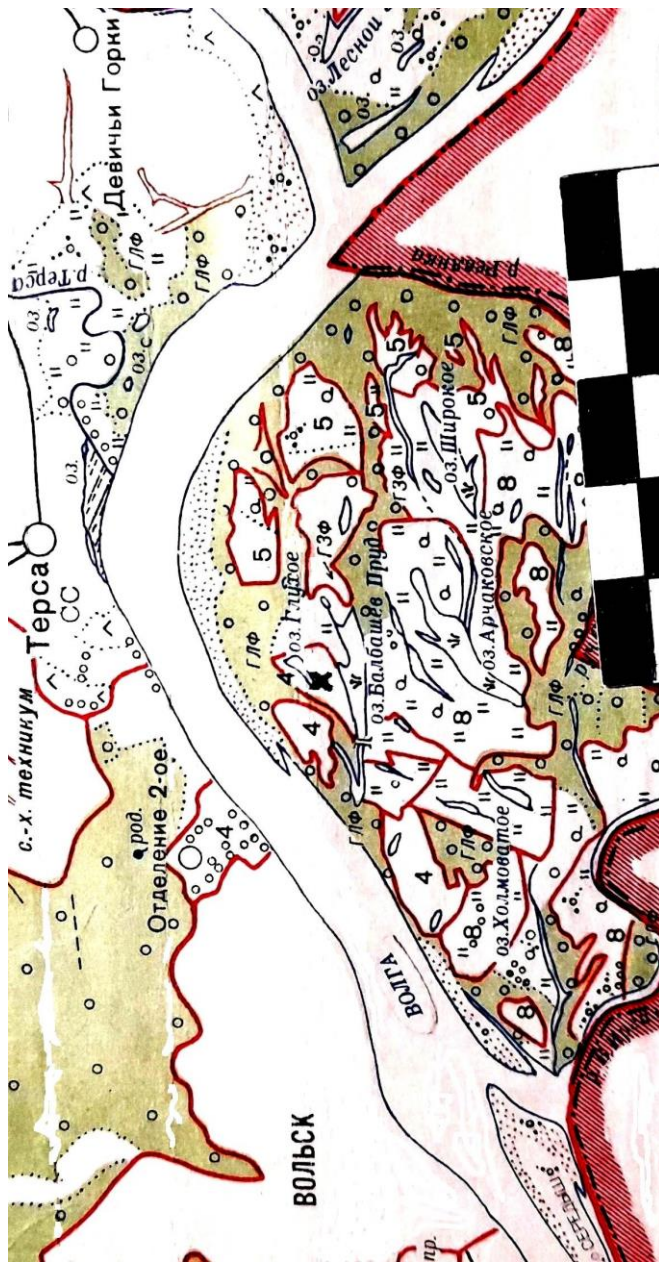

Рис. 1. Место обнаружения сосуда около пруда «Балбашев».
Масштаб: в 1см. 1,5 км.

Рис. 2. Фотографии лепного сосуда, найденного близ пруда «Балбашев».

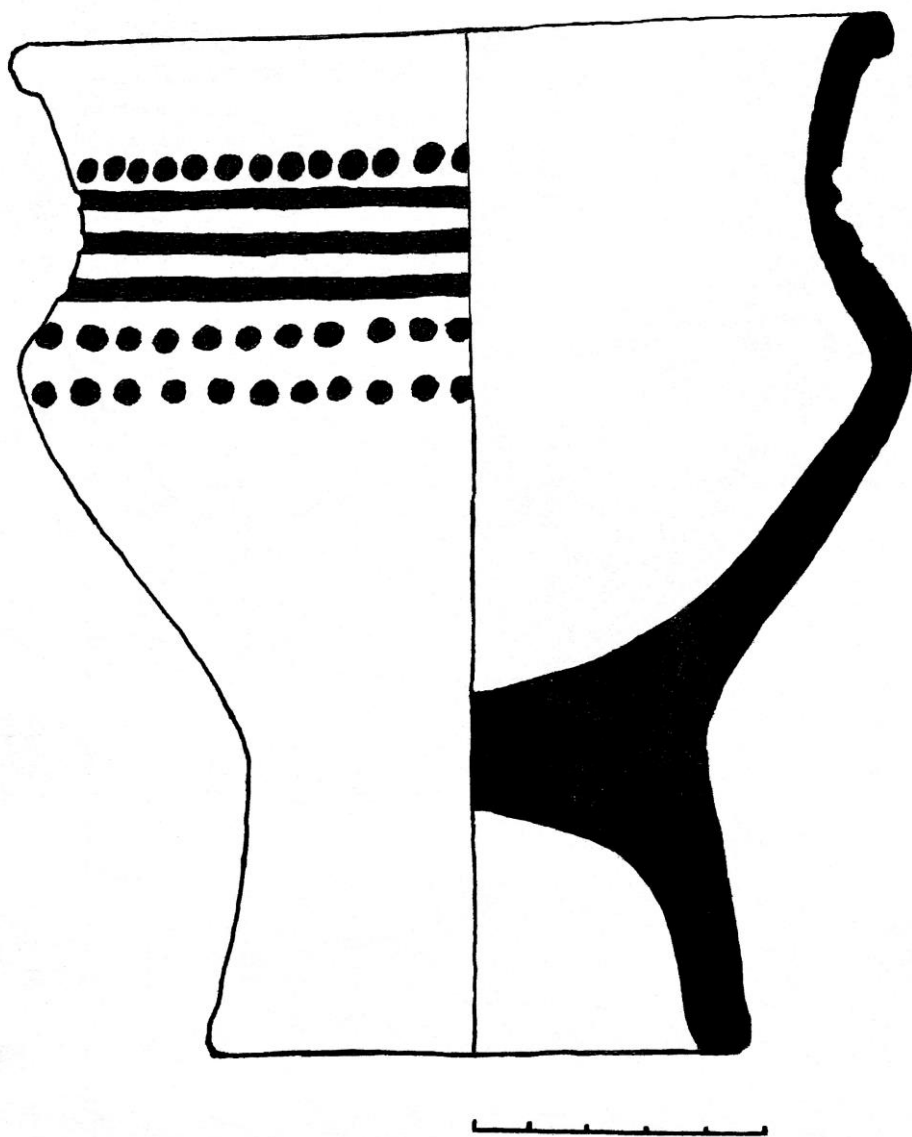

Рис. 3. Графическое воспроизведение глиняного сосуда, происходящего из карьера около пруда «Балбашев»

УДК 069:904
ББК 79.1+63.4

Горащук И.В., Ким М.Г.

РЕПЛИКИ В МУЗЕЕ

Использование реплик древних артефактов в оснащении музейных экспозиций рассматривается как оптимальное направление в современном музееведении. Моделированные реплики, а также технологические алгоритмы их изготовления, позволяют показать древние артефакты в максимально полном функциональном выражении, что значительно обогащает познавательный эффект экспозиции через зрительное восприятие.

Ключевые слова: реставрация, артефакт, коррозия, патина, реконструкция, экспозиция.

Goraschuk I.V., Kim M.G.

REPLICAS AT A MUSEUM

Making use of replicated ancient artefacts for fitting up museum expositions is regarded as an optimum trend in current museology. Modelled replicas, as well as the technological production algorithms make it possible to present the ancient artefacts in their maximum functional expression, which leads to substantial increase of the exposition cognitive effect through visual perception.

Keywords: restoration, artefact, corrosion, patina, reconstruction, exposition.

В общественном сознании укоренилось мнение о том, что в музеях должны находиться только подлинники – артефакты и предметы искусства давно ушедших эпох. Однако подлинные вещи всегда имеют ограничения по возможностям экспонирования и использования.

Во-первых, любой оригинал – это предмет культурного наследия России, поэтому многие экспонаты, дошедшие до настоящего времени, требуют специфического, бережного обращения, иногда весьма дорогого. Это, например, создание особой среды хранения – температуры, влажности, отсутствия агрессивных микроорганизмов. Поэтому работать непосредственно с подлинником может только профессионал высокого уровня, знакомый с условиями по его изучению, сохранности, реставрации. Такие требования – это объективная необходимость, поскольку иногда уникальные предметы

прошлого гибнут в результате неумелой "реставрации", или при попытках изучения без знания правил обращения с артефактом.

Во-вторых, дошедшие до нас вещи из археологических эпох, как правило, принципиально не полны. Такие материалы, как дерево, иногда кость и рог, сохраняются лишь при определенных условиях, в неагрессивных средах. Большая часть металлов, а иногда даже камень подвержены времени. Во влажных и кислых почвах металлические предметы страдают от коррозии, каменные изделия от патинизации, или окатывания под воздействием эоловых и гидрологических процессов. Поэтому археологический предмет перед помещением в экспозицию нередко требует частичной или полной реставрации. Металл должен быть очищен от оксидных пленок и накипей, камень – от патины и известковой корки. А как быть с недостающими элементами: рукоятями, и ножами мечей и кинжалов, или древками стрел и копий?

В-третьих, не все вещи, найденные в регионе, где есть свой музей, экспонируются здесь же. Это шедевры, оказавшиеся в центральных музеях, в московском Государственном Историческом Музее, или петербургском Государственном Эрмитаже. Такое положение вещей является общепризнанной нормой.

Каждый артефакт уникален, он несет печать времени, помнит руки древнего мастера. Однако некоторые вещи особенно драгоценны: например, бронзовые изделия из сосново-мазинского клада, найденного в Саратовской области; сейминские и турбинские бронзы из волго-окских и камских могильников; сокровища скифских царей из курганов раннего железного века, – все они занимают достойное место в общемировом культурном наследии, поэтому по праву находятся в лучших музеях страны. Кроме того, многие вещи из центров древних цивилизаций Ближнего Востока, Китая, Египта, не доступны у нас в стране не только для краевых, но также и центральных музеев. Тогда как выставленные рядом с изделиями местных мастеров, такие вещи могли бы показать эпоху более полно, а экспозиция гораздо в большей степени способствовала бы расширению исторического кругозора посетителей музеев.

В-четвертых, как правило, экспонируются только сами вещи, а технология их изготовления остается вне поля зрения. А ведь это и есть самое интересное: как получить заготовку с каменного нуклеуса, правильно оббить и отретушировать пластину, превратить её в кинжал, скребок, резец или наконечник. Таким образом, подлинные артефакты далеко не всегда могут дать полное представление о функциональности предмета или технологии его изготовления. Первая встреча с древним артефактом, возможность взять его в руки, через прикосновение ощутить эту древность – всё это очень важно для будущего специалиста.

Один из авторов этих строк не только стал археологом, но и выбрал специализацию реконструктора благодаря тому, что в свое время подержал в руках каменный наконечник стрелы. Тогда был замечательный, солнечный майский день, в который наш школьный археологический кружок привезли на экскурсию в Пещеру Братьев Грече, известный памятник, расположенный на окраине города Куйбышева. Мы облазили весь центральный зал пещеры, и один из нас нашёл кремневый наконечник стрелы. Все долго разглядывали чудесную находку и удивлялись тому, насколько искусно была сделана стрела. Наш руководитель, к сожалению, уже покойный Евгений Владимирович Козин рассказал, что такие наконечники изучают в Ленинграде, в лаборатории первобытной техники, даже моделируют такие же. В тот день я понял, что главное чудо не инопланетные летающие тарелки, которые втайне мечтал найти, а сами люди, их древняя история и удивительные изделия. Так возникла детская мечта стать археологом и научиться делать подобные наконечники. Со временем, через многие годы и труды эта мечта стала явью (фото № 1).

Общение с древними предметами и их репликами, возможность подержать их в руках, поработать ими, – влекут за собой одно из самых сильных впечатлений, дают «...живое ощущение целесообразности» технологий давно ушедшей эпохи [Семёнов, 1957. С. 7]. Нет сомнений, что эти впечатления не только усиливают познавательный эффект, но и способствуют пробуждению настойчивого интереса к первобытной истории.

А насколько важно изготовление реплик древних предметов для тех, у кого тактильные ощущения – это единственный способ познания вещей. Данный вид познавательности является важной частью специальных музейных экскурсий, устраиваемых для незрячих и слабовидящих посетителей. Один из авторов данной статьи имел непосредственный опыт изготовления коллекции реплик для Государственного Исторического музея, где готовилась программа экскурсионной работы с незрячими детьми.

Таким образом, получение тактильных ощущений и навыков работы при помощи древних орудий – не праздная фантазия, а насущная практическая необходимость, в том числе при проведении серьёзных научных исследований. Данное направление весьма актуально в музейной работе, при создании обучающих и интерактивных экспозиций. А поскольку подлинные артефакты не предназначены для «широкого использования», их необходимо заменять репликами, которые позволят представить древнюю вещь в полной мере, с моделированной рукоятью, древком, ножнами. В данном случае экспозиции будет работать по-новому, более доступно к пониманию, показательно, максимально информативно.

На примере авторских реплик можно продемонстрировать, как выглядят стрелы, если по данным этнографии они служили только остриями («жальцами»). Эта реконструкция выполнена одним из авторов для музея «Археологического наследия Севера и Арктики» САФУ (фото № 2).

Еще больше возможности для реконструкций представляют рукояти орудий. Вот как выглядит реконструкция тесла из шлифованного сланца в экспозиции того же музея (фото № 3).

Даже простые скребки, оснащенные рукоятями, становятся зрительно более информативными и функциональными орудиями (фото № 4).

Рассмотреть устройство одной стрелки интересно с точки зрения её формы и функционального назначения. Большая коллекция стрел позволяет представить масштабы их производства и широкого применения в древности. Конкретный пример – средневековые монгольские стрелы (фото №№ 5, 6).

Использование топора, кельта (разновидность топора на коленчатой рукояти) в эпоху бронзы реально представить по инструменту в полном сборе с рукоятью, ощутив его тяжесть в руках (фото №№ 7, 8).

Поворотные гарпуны, сложносоставные луки (фото №№ 9, 10) – одни из величайших изобретений человека. С тем, как они устроены и как использовались, можно ознакомиться в Вольском краеведческом музее, где на выставке реплик представлены более 400 предметов, иллюстрирующие арсеналы древности от палеолита до XIX в.

Не менее интересный аспект использования реплик – показ технологической цепи изготовления орудия. Такие реконструкции очень интересны. Они отвечают на реально возникающие вопросы по поводу изготовления орудия из камня. Такие цепочки показаны нами в музее исторической реконструкции "Железный век" при Самарской областной федерации "Спортивного метания ножа" (фото № 11). Основные технологические этапы камнеобработки представлены также на витрине "Получение пластин, членение и изготовление вкладышевых орудий" (фото № 12).

Несколько слов о создании реплик, которые, если и не полностью отвечают на вопрос – как это сделано, то все же дают необходимый дидактический материал для общего понимания. В ходе моделирования реплики вовсе не обязательны полные научные данные по древней технологии, тем более что абсолютное воспроизведение первобытного цикла, так или иначе, не вполне достижимо. Достаточно знать основные характеристики вещи (длина, ширина, толщина, вес). Не обязательно также стремиться к применению и даже приближению к древним технологиям. К примеру, резать вещь из кости с помощью кремневого резца для воспроизводства ее формы – никчемная трата сил и времени. Это вполне можно сделать современным электромеха-

ническим инструментом. Такой способ экономически и физически целесообразен.

Вот конкретный пример исполнения целевого заказа на изготовление реплики ножа сосново-мазинского типа. Сведения о размерах и весе одного из оригинальных кинжалов взяты из статьи Н.М. Малова [Малов, 2019. С. 82]. Для создания литейной формы послужили образцы оптимальных конструкций, опубликованных в сети интернета (фото № 13). Оказалось, что все они проливались со стороны наиболее узкой части, то есть, лезвийного острия. Ножи такой тонкости сложно отлить по восковой модели, поскольку наиболее трудная задача – это изготовление восковой модели столь малой толщины. Кроме того, при отливке одного из не полностью пролитых предметов форма разошлась внизу относительно центральной оси так, что появилось смещение (фото № 14). Такой дефект есть и на рукояти не полностью пролитого предмета (фото № 15). Из этого можно сделать вывод о том, что очень сложно точно подогнать створки формы и качественно отлить рукоять, если она внизу. Поэтому было решено форму перевернуть и отливать нож со стороны рукояти. Это представляется более оптимальным еще и потому, что рукоять – это самая массивная часть изделия, и проливка металла через широкую часть формы в более узкую осуществляется значительно легче. Ожидания оправдались, и отливка удалась. Излишки металла были срезаны угловой шлифовальной машиной, лезвие выведено последовательной шлифовкой, рукоять оформлена с помощью гравера (фото № 16). Коробчатые ножны были изготовлены из распиленной сосновой дощечки и обшиты бархатом. Дизайн ножен, а также система крепления, скопированы с ножен скифского акинака. В системе предполагаются два ремня – один портупейный, второй бедренный. Для крепления использованы роговые кольца и медная проволока (фото № 17).

Таким образом, использование реплик древних артефактов в оснащении музейных экспозиций следует рассматривать как новое и вполне оптимальное направление в современном музееведении, которое воплощает в широкие реализации новаторские эксперименты С.А. Семёнова, начатые на исходе XX столетия.

Литература:

Малов Н.М. Сосново-Мазинский клад // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 15. Саратов, 2019.

Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. 1957. Вып. 54.

Фото № 1 Реплики каменных наконечников

Фото № 2 Витрина с реконструкциями стрел из музея "Археологическое наследие Севера и Арктики" САФУ.

Фото № 3 Реконструкция сланцевого тесла.
Музей "Археологического наследия Севера и Арктики" САФУ

Фото № 4 Реконструкция двуручного струга, ножа типа "Уло" и наконечника
дротика. Музей "Археологического наследия Севера и Арктики" САФУ

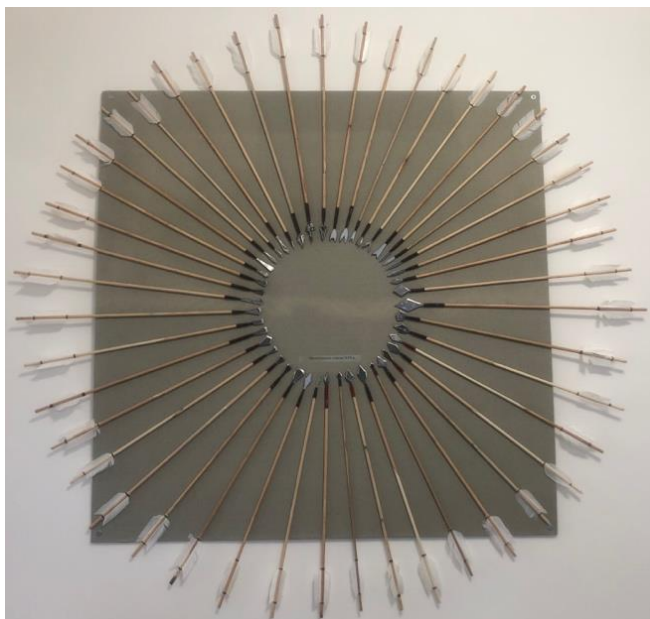

Фото №5, 6 Монгольские средневековые стрелы

Фото №7 Топоры

Фото №8 Кельты

Фото №9, 10 Поворотные гарпуны,
сложносоставные луки

Фото № 11 Изготовление двустороннеобработанного ножа.
Музей "Железный век"

Фото № 12 Пластинчатые орудия и их изготовление

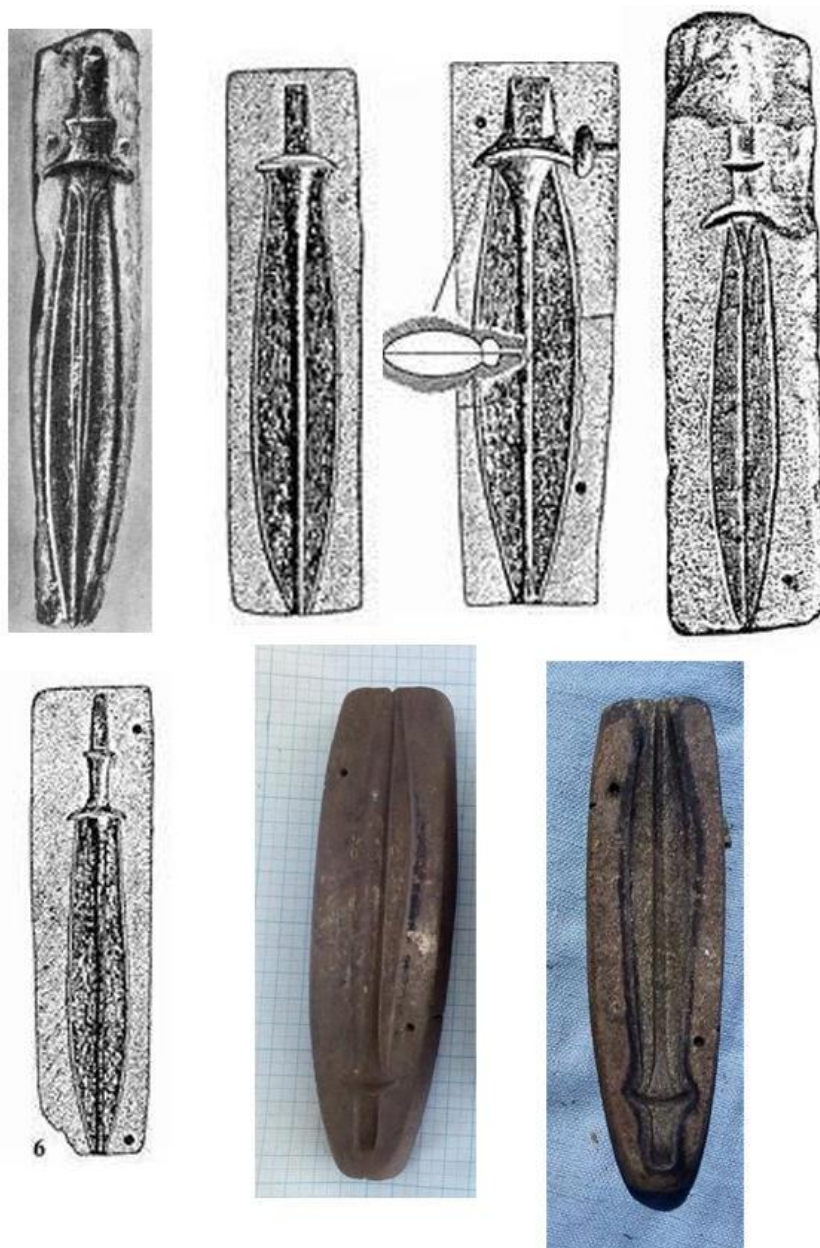

Фото № 13 Литейные формы кинжалов Ивановской и близким к ней культур.

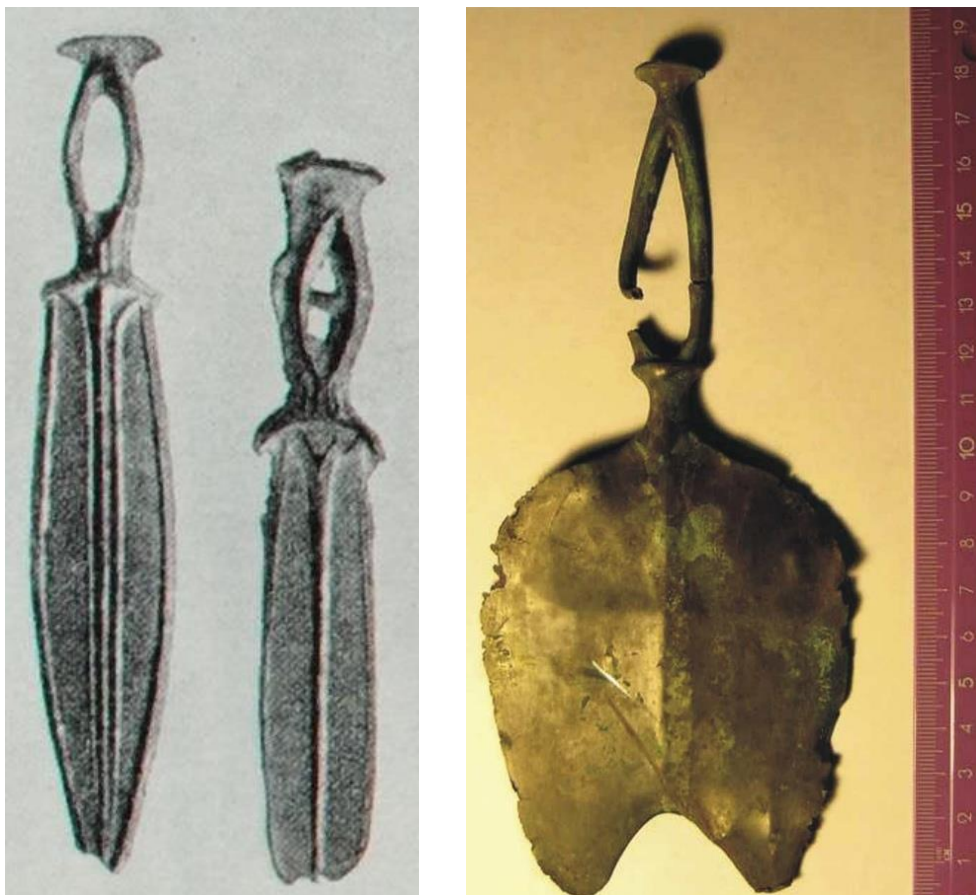

Фото № 14, 15 смещение центральной оси форм

Фото № 16 Обработка кинжала после отливки

Фото № 17 Реконструкция крепления ножен

ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 316.347-055.2(100)

ББК 60.54(0)

Ефремова Е.С.

ЖЕНЩИНЫ В МУЖСКОМ ОБЛИЧИИ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В работе представлена попытка определения истоков развития феномена женщин, выполняющих мужскую роль, на примере зачатых девственниц Албании и Афганских бача-пош. А также причин появления в военной организации Дагомеи женщин-воительниц и понятия «третьего пола» в странах Южной и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: Бурнешши, Бача-пош, Дагомейские амазонки, «Третий пол», Катои, Хиджры, Транссексуальные группы.

Efremova E.S.

WOMEN IN A MAN'S APPEARANCE: AN ETHNO-SOCIAL PHENOMENON

The article presents an attempt to determine the origins of the development of the phenomenon of women performing a male role, using the example of sworn virgins in Albania and Afghan bacha-posh. As well as the reasons for the appearance of female warriors in the military organization of Dahomey and the concept of the "third gender" in the countries of South and Southeast Asia.

Key words: Burneshi, Bacha-posh, Dahomean Amazons, "Third gender", Ladyboys, Hijras, Transgender groups.

В сочинениях Платона можно встретить речь Аристофана о третьем поле, что существовал до появления современных людей. Он приводит версию о том, что изначально было три пола: женский (можно связать это с женским началом), мужской (мужское начало) и андрогинны – существа, объединившие оба начала. Андрогинны имели по две пары рук и ног, два

лица, половые органы обоих полов, по своей природе были очень сильны, что не нравилось Богам, из-за чего Зевс поделил их на две части [Платон, 2007. С. 117-118].

Половинки всё равно пытались соединиться и не хотели ничего делать порознь, и всё чаще умирали от голода. Если умирала только одна половина, то оставшаяся сливалась с другой, не всегда противоположной ей. Это не устраивало Зевса, поэтому он решил переставить срамные части (половые органы) так, что оплодотворение могло быть только между мужским началом и женским, чтобы рождались дети. Таким образом, новая раса, желая снова соединиться в одно целое и исцелить природу, имела влечение только к противоположным половинкам [там же. С. 120].

Те женщины и мужчины, что произошли от прежних женского и мужского начал соответственно, объединяются только для получения удовольствия от соития. Платон акцентирует внимание на том, что произошедшие от мужского начала, мужчины самые мужественные и храбрые из-за пристрастия к себе подобным, а в зрелые годы только такие мужчины обращаются к государственной деятельности [там же. С. 121].

Объяснение любви тоже связано с существованием андрогинов. Любовь – стремление к свойственной раньше нам целостности, а отсутствие такой жажды грозит повторным расщеплением на две части [там же. С. 121-123].

Интерес к данной теории заключается в попытках объяснить гетеро и гомосексуальность людей уже в античную эпоху. Со временем самоопределение людей становится одной из острейших социальных проблем, к решению которой подключаются философы, социологи, психологи, историки и учёные медицинской сферы.

Гендерные исследования современности делают упор не только на изучение истоков явления, но и на развитие в наши дни. Это объясняет появление понятия третьего пола, а также его разновидностей и явлений, не связанных с медицинской трактовкой дисбаланса биологического пола.

Начать стоит с понятия «гендер». По определению Всемирной организации здравоохранения, гендер – это социальное понятие, характеризующее особые нормы, роли, распределение власти и отношения женщин и мужчин [Словарь гендерных терминов, 2002. С. 37].

В современном обществе произошла трансформация «гендерного образа» личности в сторону «размытости», которую можно обозначить одним термином – «гендеризмы», образующие отдельные направления гендера [Янькина, 2015. С. 8].

История даёт представление о том, что тема самоидентификации была актуальна не для всего населения территорий, а зависела от уровня жизни, социальных прав и свобод, достижений медицины и интереса к социальным

наукам. Социальные изменения, что происходили в XVIII и XIX веках, способствовали возникновению, так называемого женского вопроса. Чаще всего о роли женщины в обществе того времени обсуждаются в более крупных и развитых индустриальных странах.

Разрыв населения Балканских стран с модернизированным обществом Запада стимулирует борьбу за изменение положения женщин. Роль их в низших классах в первую очередь была связана с телесными функциями. Что касается их идентичности, то они идентифицировали себя со своими мужьями.

В гораздо лучшем положении для подчеркивания собственной индивидуальности находились женщины из высших кругов, чаще всего связанные с аристократией. Благодаря материальным возможностям и связям своих мужей они имели возможность если не прямо, то косвенно участвовать в общественной жизни. Это лежало в основе распространения салонов французского типа – собраний, на которых присутствовали представители обоих полов, где обсуждались различные острые темы и литературные произведения. Идеи равноправия проявляются в публицистике и художественной литературе. В некоторых работах отчетливо подчеркивается идея женской эмансипации и новой свободной европейской женщины. Помимо внешних изменений: стрижки, сигареты в зубах и свободные «мужские» манеры, важнее внутренние перемены, ожидания и стремления. Он уже не является молчаливым наблюдателем того, что определяется природой, родителями, мужем и социальным существованием, но деятельный, любопытный и даже бунтующий человек, с сконструированным осознанием собственного смысла [Ковиловски, 2016].

Фактически, разнообразие религиозной, а также племенной принадлежности в албанском обществе способствовало тому, что женский вопрос принимал различные формы. Например, в северных частях Албании, населенных «геги», сильно укоренилось верховенство общего права по-старому «Канону Лека Дукаджини». Замужние женщины считались собственностью мужчин и отвечали за детей и домашнее хозяйство. С другой стороны, в южных частях Албании, где жил «тоски», положение женщин было очень либеральным [там же].

Следование кануну, оказывающему большое влияние на общественные взаимоотношения и устанавливающему правонаследование только лишь по линии сыновей, породило такое явление, как «бурнеша», так называемые «клятвенные девы» [Вздорова, 2013. С. 126].

Эльвира Донес, албанская журналистка, узнала о бурнешах в университете, студентам говорили, что эта практика существует с XV века. Но рассказать о необычном явлении не получилось – в 1980-е СМИ жёстко контро-

лировались, а поездки на Север, где это распространено, были под запретом. В 2004 году ей удалось побывать в Северной Албании и пообщаться с бурнешами. По словам Донес в Албании осталось всего от 30 до 40 клятвенных девственниц, и, возможно, несколько человек живут в соседних горах Косово, Сербии и Черногории [Zumbrun, 2013].

Немецкий журналист Никол Любеч в 2009 году взял интервью у нескольких зачатых девственниц и выяснил мотивы каждой из них стать бурнешей. Наличие сыновей необходимо для каждой семьи. Именно сын должен заботиться о семье, он защищает близких и мстит за них, только он может наследовать имущество. Смена ролей с женской на мужскую имеет не столько отношение к личности, сколько к социальному, экономическому и культурному положению. Только смена гендера дает женщине возможность стать главой семьи и законной наследницей. Женщина должна дать клятву, которую не нарушит до конца жизни, должна поклясться хранить целомудрие и не выходить замуж. Этих женщин также называют зачатыми девственницами. И это не имеет ничего общего с транссексуальностью и с трансвеститами [Ljubic, 2009].

Диана Ракиши живёт в портовом городе Дуррес. Она стала бурнешей в 17 лет, сейчас ей 54. Её брат умер в детстве, еще до её рождения, но отец всегда считал Диану другой, более независимой. Желая сохранить свободу от мужчин, она приняла решения принести клятву девственницы. Всё окружение Дианы, или как её обычно называют, Джимми, считает её «кшими», т.е. настоящим мужчиной. Несмотря на то, что она чувствует себя мужчиной, тело её, несомненно, женское: широкие бёдра, большая грудь, узкие плечи. При этом принятие решения о смене социальной роли и подавлении биологического пола было настолько последовательно, что ей становится стыдно, когда она не прячет женскую часть своего тела под мужской одеждой.

Дранде Додай 53 года, она живёт в городке Леже на севере Албании. Отец её умер, а две старшие сестры уже были замужем. Дранде приняла решение стать мальчиком после восьмого класса. Тогда она сожгла свою девичью одежду. Личность и характер Дранде сформированы строгим воспитанием отца. Сложно представить, что когда-то это была девушка с длинными кудрями. С годами черты ее лица огрубели, и Дранде стала ещё больше похожа на мужчину.

Бурнешам оскорбительно говорить о своих чувствах и подвергать сомнению жизнь, которую они выбрали, это разрушает их репутацию настоящих мужчин. Санидже Ваточи является исключением. Она приняла присягу, когда ей было 14 лет после смерти отца. Она говорит, что ее отец хотел, чтобы она выросла мальчиком. Он хотел сына, но двое сыновей умерли вскоре после рождения. Санидже отличается от других бурнешей. она сомневается и гово-

рит об этом. Её лицо осталось самым женственным, менее суровым. «Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что решение было неправильным. Бог хотел, чтобы я была женщиной и имела детей». [Ljubic, 2009].

Жизнь этих женщин показывает, насколько гендерный вопрос является также вопросом воспитания и собственного отношения к жизни. Могут быть разные причины, по которым женщины выбирают жизнь мужчины. Эти женщины полностью приняты и даже вызывают восхищение в своем обществе.

Следование традициям заставляет совершать серьёзный шаг против своего биологического пола, что рушит судьбы юных девушек. К сожалению, подобное бурнешам явление в мире не единственное.

Основным источником явления бача-пош, распространённом на Ближнем Востоке в Афганистане и Пакистане, состоит в том, что рождение мальчика – настоящий праздник для семьи, женщину торжественно встречают, дарят подарки, эта традиция называется «нашрах». Стоит отметить, что рождение девочек не празднуется, мать могут даже презирать. Мальчик в будущем станет продолжателем рода и наследником. Если же дочь не станет чьей-то женой, то останется обузой родителей в силу ограниченной свободы [Qadiry, 2012].

Сам термин с языка дари переводится как «переодетая в мальчика». По происхождению так и получается. Семья, в которой нет сыновей, для повышения статуса, получения образования и свободы одной из своих дочерей или единственной дочери, что бывает редко, даёт возможность стать мальчиком, скрывая от других свой настоящий пол [Nordberg, 2014. С. 44].

Так «подпольная девочка» до 17–18 лет воспитывается как мальчик, выполняя все мужские обязанности. Она носит мужское имя, причёску и одежду, получает образование, общается с другими юношами и работает. Для некоторых семей, которые лишились главы семейства, это является единственной возможностью выжить, ведь только мужчина может работать и получить наследство. Как только бача-пош достигает 17–18 лет, она вновь должна выглядеть как девушка и выполнять все женские функции [Qadiry, 2012]. Но в этом заключается главный минус данного явления. Таким женщинам очень сложно перестроиться на другую жизнь, имеющую множество запретов, которых в их жизни не было. Специалисты отмечают психологические травмы у бывших «подпольных девочек», которые не хотят замуж, не умеют вести хозяйство и, что самое ужасное, даже не чувствуют себя женщинами. Очень многие из них сбегают в неизвестность, лишь бы не жить так, как они не привыкли [Nordberg, 2014. С. 58].

Традиция бача-пош существует и в наши дни, особенно в небольших городах. Таким образом, значительное количество женщин под давлением

общества вынуждено временно менять пол, чтобы принести уважение своей семье или помочь ей выжить.

Женщина с оружием, отстаивающая свои права и защищающая государство, – крайняя мера, на которое вынуждено пойти общество. В то же время как выполнение женщинами воинских обязанностей и наличие полноценных батальонов с профессиональной подготовкой в современных реалиях не вызывает удивления. Но ещё пару веков назад отряд так называемых «дагомейских амазонок» вызывал изумление европейцев.

Этнографические экспозиции и постановочные шоу, а также «негритянские деревни» в Европе и США, которые в XIX–XX вв. представляли широкой публике выходцев из Азии и Африки для демонстрации их «примитивной» жизни и быта в «естественных условиях», такие выставки известны как «человеческий зоопарк» [Лескинен, 2018. С. 150].

Дагомея – африканское государство, основанное в XVII веке [Melville, 1968], а также французская колония с 1904 по 1958 год. Сейчас это территории современных государств Западной Африки – Бенин и Того [Alpern, 1999. С. 19].

Дагомейский «король» традиционно имел отряд женщин-телохранительниц. Этот женский корпус, составлявший почти треть всех вооруженных сил страны (3–6 тыс.), был разгромлен французами в ходе военных действий в 1890 г. В том же году 50 «амазонок из Дагомеи» прибыли в Гамбург для участия в шоу женщин-воинов. Их рекламировали как «черных амазонок», взятых в плен французами. Шоу с успехом гастролировало по всем крупным европейским городам [Лескинен, 2018. С. 155].

По поводу их происхождения известны несколько теорий. Некоторые устные историки Дагомеи считают, что предшественницами африканских амазонок были женщины, охотившиеся на слонов для короля Вегбаджи, предположительно, чтобы обеспечивать его слоновой костью и мясом для королевских пиров. Их называли «гбето», в XIX веке они считались старейшим отрядом амазонок. Британский энтомолог Альфред Скертчли, проводивший 8 месяцев в Дагомее с 1871 по 1872 гг., оставил наиболее детальное описание этих женщин-охотниц. Он видел 48 из них на королевском параде: «Все они были высокими и хорошо сложенными, на них были светло-коричневые юбки и туники цвета индиго с чёрными поясами через плечо, которые были обильно украшены магическими амулетами. Они были вооружены тяжёлыми мушкетами крупного калибра, а боеприпасы несли в мешках из чёрной кожи. Все они были коротко стрижены, не считая круга волос на темени, зачёсанного в виде гребня...» [Alpern, 1999. С. 21].

Вторая теория связана с правлением короля Акаба на рубеже XVII–XVIII веков, у которого была сестра близнец Ахангбе. Согласно легенде, она

желала лишь оставаться во дворце и не отказывать себе в удовольствиях. Она могла совокупляться с любым мужчиной, которого пожелает, – привилегия, которой удостаивались все дагомейские принцессы, на которых не распространялись законы, строго запрещающие измену. Во время похода Акаба умер от оспы, и чтобы скрыть смерть главнокомандующего от войск до победы, Ахангбе заняла его место. Но Ахангбе не желала отказываться от разгульного образа жизни, даже после объявления о смерти брата и назначения её регентом сына Акабе. Сформировалась многочисленная оппозиция, и экстремисты убили сына Ахангбе, чтобы заставить её отречься. В итоге, она отказалась от престола, после стал править её младший брат Досу. Под именем Агаджа он стал одним из величайших королей Дагомеи [там же. С. 22–23].

В 1850 году британский морской офицер Фредерик Форбс наблюдал жертвоприношение в Абомее у могилы Адоно – матери Агаджи – и ему сообщили, что она «носила один из королевских титулов амазонок». Адоно была женой Вегбаджи и матерью Акабы, Ахангбе и Агаджи, но сам факт, что она именовалась матерью последнего, указывает на то, что именно Агаджа почитал женщин-солдат.

То, что Акаба и Ахангбе были близнецами, могло дать начало одной из самых удивительных традиций Дагомеи – дуализму, заполнившему многие сферы жизни и, возможно, дающему разумное объяснение появлению войск амазонок. По крайней мере начиная с времён правления Гезо, всем офицерам-мужчинам соответствовали женщины, занимавшие аналогичные должности и жившие во дворце. Помимо разделения мужчин и женщин, получалось, что каждая должность дублировалась [Alpern, 1999. С. 23].

Одним из неотъемлемых элементов африканских «божественных монархий» был запрет для всех мужчин прикасаться к королевским жёнам (а иногда даже смотреть на них).

Голландец Уильям Босман, посетивший Уиду в конце 1690-х годов, указывал, что король порой использует своих жён в качестве исполнителей приговора, вынесенного преступникам. Так как под страхом смерти никто не может прикасаться к жёнам короля, они могут исполнить приговор без малейшего сопротивления. [там же. С. 23].

В публичных церемониях жёны короля Дагомеи также демонстрировали королевское оружие. Сам король Агаджа говорит об этом в вышеупомянутом письме, датированном 1726 годом. На военных смотрах несколько его жён держали мушкеты, пистолеты и другое оружие [Alpern, 1999. С. 23].

Первый, точно подтверждённый факт использования женщин в качестве солдат королевства Дагомеи датируется 1729 годом. Два годами ранее Агаджа завоевал Уиду. Хаффон, король Уиды, бежал с остатками своей армии на острова в лагуне к западу от порта. При поддержке Чарльза Тесте-

фолья, возглавлявшего английский форт, Хаффон вернулся в Уиду во главе армии численностью приблизительно 15000 человек. Они разбили лагерь поблизости от английского и французского форта. Дагомейские торговцы доложили об этом Агадже, который твёрдо решил вновь захватить Уиду, несмотря на серьёзное численное превосходство врага. Уильям Снелгрейв пишет, что Агаджа «приказал многим женщинам вооружиться как солдатам и назначил каждому отряду офицеров со знамёнами, барабанами и зонтиками [знаками различия]. Когда они приблизились к армии Уиды, последние были весьма удивлены, увидев столь большое число дагомейских воинов, двигавшихся в их сторону...» [там же. С. 25].

В середине XVIII века Антуан-Эдме Прюно де Поммюгорж писал, что вооружённые женщины – охранницы короля Тегбесу – входили в состав регулярных формирований [Alpern, 1999. С. 14].

Жены и охранницы короля, что считались амазонками, отбирались помощником: красавицы для постели короля, а самые сильные для службы. Некоторые амазонки были дочерьми амазонок. Это доказывает, что не все женщины-солдаты были девственницами, как утверждает в некоторых источниках. Воительницы обладали привилегированным положением, проводили свободное время за выпивкой, курением и танцами. Мужчины и женщины должны были уступить дорогу и отвести взгляд, нарушение могло серьёзно наказываться [там же. С. 33–38].

Одевались они достаточно просто: туники с коротким рукавом, опоясанные у талии лентой с патронами, и шорты длиной почти до колена. На головах у них были узкие белые ленты, завязанные сзади. У некоторых амазонок на руках и ногах были браслеты из меди или драгоценных камней. Все они были босыми. Сами женщины были очень высокими, их фигура была больше похожа на мужскую, отличало только наличие груди [там же. С. 17].

Смена женщинами гендерных ролей показывает самые уязвимые места, сложившейся в обществе, системы. То, что объединяет эти явления – желание быть свободными и обладать теми же правами, что и мужчины. Несмотря на привилегированность положения «сильной половины человечества», она тоже подвержена изменению социальной роли.

Так, например, практика бача-бази, часто происходящая в пуштунской сельской местности на юге и востоке Афганистана, а также среди этнических таджиков в сельской местности на севере Афганистана, стала шокирующе распространённой практикой. Афганские моджахеды, отражавшие советское вторжение и спровоцировавшие гражданскую войну в 1980-х, регулярно занимались педофилией. Содержание одного или нескольких «чай-мальчиков», как называют этих мужчин-призывников, для личного рабства и

сексуального удовольствия стало символом власти и социального статуса [Mondloch, 2013].

Из-за того, что это так распространено, значительный процент мужского населения страны имеет глубокие психологические шрамы от сексуального насилия с детства. В свою очередь, многие из сегодняшних подростков-жертв, скорее всего, станут влиятельными полевыми командирами или связанными с правительством лидерами, имеющими собственных любовников-мальчиков, что увековечит порочный круг жестокого обращения [Кобил, 2010].

Вторым развращающим и, возможно, удивительным последствием бача-базы является его негативное воздействие на права женщин в Афганистане. Среди латентного гомосексуального мужского населения Афганистана стало общепринятым мнение, что «женщины для детей, а мальчики для удовольствия» [Кобил, 2010].

На рубеже XX–XXI вв. под влиянием идей М. Фуко развивается новое направление квир-исследования, одной из целей которого является исключительная категория идентификации как таковой, поскольку ей присуща пластичность, открытость, тотальная изменчивость. С этой точки зрения получается, что самой идентичности не существует, а все социокультурные паттерны являются атавизмами и не могут определять гендерную природу индивида, они лишь закрепляют внешние модели, меняются достаточно быстро. Это дает основание для пересмотра структуры гендерной системы и включения в эту категорию «третьего пола», включающего всех представителей небинарного пола (отсутствие гендерной идентичности) [Изрина, 2021. С. 215].

Идеи третьего пола прослеживаются у общины «хиджра» в Индии. Объединение хиджра, которая состоит из различных маргинальных гендерных групп, таких как гермафродиты и гомосексуалы, а иногда и гетеросексуальных людей. Настоящие гермафродиты редко встречаются даже среди хиджры, хотя они весьма почитаются остальными [Рыжакова].

Хиджры – непременные участники многих религиозных праздников, свадебных торжеств, родильных обрядов и являются «неприкасаемыми». [Bakshi, 2010]. Большинство хиджров имеют женственный вид и одеваются по-женски: отращивают длинные волосы, носят сари, украшения, обильно пользуются косметикой. Себя они считают женщинами – занана (на урду означает «женственная, изнеженная», также – «евнух»), а нормальных женщин называют Нигаран.

Что касается происхождения, то есть сведения в Махабхарате (Виратапатва), куда, как известно, вошло много архаических неарийских сюжетов. Один из сюжетов поэмы повествует о великом богатыре-воине по имени Арджуна, третьем из братьев Пандавов, вынужденном в силу жизненных обстоя-

ятельств скрывать свой мужской пол. Он превратился в женщину или в кого-то подобного. Скрываясь от врагов во дворце некоего царя, он взял на себя роль учителя танцев и проводил свои дни в женских покоях дворца среди партнерш и их подруг, одетый в женскую одежду и украшенный кольцами и браслетами. Затем, через определенное время, он вдруг превратился в могучего воина на глазах у перепуганных девушек и бросился в бой, не успев снять развевающиеся одежды [Гусева, 2002. С. 221].

Согласно народным сказкам, переодетые мальчики и гермафродиты всегда сопровождали армии солдат-сипаев. Привлекательные услуги гермафродитов процветали в период Великих Моголов: в них влюблялись, ухаживали за ними [Bakshi, 2010].

Ещё одним примером третьего пола в обществе служат Катои Тайланда. Так называемые в тайском обществе, другие женщины, пытаются полностью соответствовать настоящим девушкам. Решение стать катоем принимается самостоятельно, исходя из самоидентификации. Юный катой должен найти себе старшую сестру-наставницу, что обучит его тонкостям женского мастерства. Стоит отметить, что в наше время они живут такой же жизнью, как и представитель традиционных гендеров [Тотман, 2016. С. 21].

Трипитака, в противоположность христианскому Ветхому Завету, определяет четыре пола – мужчина, женщина, убхатобианджанака и пандака. Определения пандаки различаются. «Евнух, слабое существо», «катой, кастрированный мужчина или евнух», «лицо, у которого дефицит черт мужественности (для мужчин) или женственности (для женщин)», и «лицо, которое находит удовольствие, вступая в отношения с мужчинами, представляя себя женщиной». Последнее определение приравнивает пандаку с катоем [Тотман, 2016. С. 67].

Подобные явления можно наблюдать не только в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, но и у населения Северо-Восточной Сибири и северной Америки. Среди североамериканских индейцев есть несколько нетрадиционных гендеров. Самый известный пример – «бердачи». Обычно это внешне биологически «нормальные» мужчины (хотя и биологически нормальные женщины), которые одеваются и ведут себя как представители противоположного пола. У других, племени навахо, новорожденным гермафродитам отводится особая половая роль, именуемая «надл». Они носят женскую одежду, если предпочитают женскую работу, и мужскую одежду, если предпочитают мужскую работу. Однако им категорически запрещается принимать участие в охоте и боевых действиях. Среди индейских племен Мохаве существует четыре гендерные роли. Кроме мужчин существуют алачи, т.е. мужчины, которые живут на роликах для женщин. Они носят женскую одежду и даже имитируют менструацию. Женщин, которые хотят жить как муж-

чины, называют Хваме, у них проходит особая церемония инициации и им присваивается мужская роль. Однако Хваме запретили участвовать в боевых действиях и занимать высокие посты в правительстве [Воронина].

В культуре чукчей существует четкое различие между женщинами и мужчинами: произношение звуков, поза при езде в упряжке, отдельные нарты и чумы, конечно же, одежда. Еще одна интересная черта – шаманизм с частичной или полной сменой пола. У чукчей есть специальное название: «мягкий человек». Такие трансформации происходят по велению духа Келет, часто при большом противодействии со стороны неопитов. Он часто предпочитал даже смерть такому противоестественному перерождению, принимая его от рук духов или своих собственных. Но если он соглашался, то потихоньку начинал превращаться в женщину (мужчину). Шаман-мужчина превращается в женщину и становится «мягким мужчиной» или «женоподобным». Женщина становится мягким мужчиной, «мужеподобной». Чаще всего трансформация заключается в подражании [Романенко].

Завершая общую характеристику шаманизма чукчей, стоит отметить, что гендерная трансформация, как и все другие мужские шаманские стремления подражать женским, есть пережиток ранних стадий шаманизма [Верещака].

По мнению антропологов, транссексуальные группы в традиционных обществах присущи анимистическим культурам. Ничего подобного в иудео-христианском мире не было. Принцип строгого разделения на мужчин и женщин не предполагал существования третьего пола, а гендерная роль человека была более жесткой и диктовалась биологическим полом. Дихотомия мужчины и женщины не могла быть нарушена в истории творения. Принятие третьего пола как неотъемлемой части общества, его признание просто нонсенс, т.к. они противоречили основным постулатам иудейской и христианской религий и были запрещены. Индуизм и буддизм не рассматривали людей третьего пола как угрозу, потому что они не мешали основным постулатам этих учений, а анимистическая мифология сливалась с легендами и мифами этих религий. Не противопоставление, а слияние религиозных учений позволило им более естественно и плавно распространиться на большой территории [Балеева].

Гендерная идентификация может исходить не от внутренних ощущений человека, а от желания обрести свободу, что возможно для определенного, обычно мужского, пола. Бинарная система гендеров исключает появление каких-либо других направлений, настаивая на том, что маргинальные гендеры – психическое отклонение от нормы. На этом моменте появляется деление, прежде всего в западной науке, на трансгендерность – несоответствие самоощущений с биологическим полом, и на транссексуализм, что характе-

ризуется гендерной дисфорией – неприятие половой принадлежности, которое может сопровождаться психическими расстройствами, в том числе попытками суицида. Таким людям нужна квалифицированная медицинская помощь. В других странах это может не признаваться [Соловьёва, 2019. С. 149].

С другой стороны, феминистская критика биологического детерминизма, основная суть которой – отказ от пола и конструирование нового гендера для изменения господства и подчинения в рамках бинарной гендерной системы, что регламентировалось в большей степени биологическими признаками. Считается, что негативно сказывается и выражение особого поведения и форм языка, акцентирующих внимание на гендерной принадлежности, стимулируя соответствующее поведение в отношении этого человека. Отклонение от данных норм приводит к сомнению общества в компетентности этого индивидуума в его социальной роли [Здравомыслова, 1998. С. 119].

Исходя из проанализированных исследований, можно сделать вывод, что этнокультурный феномен смены гендера несёт, прежде всего, социальное значение. Предпосылками этого можно назвать низкий статус женщин, желание получить независимость и быть воспринятой обществом на равных с мужчинами.

Литература:

Балеева К.И. «Третий пол» как показатель Трансформации гендерных ролей в современном обществе [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: <https://dogmon.org/tretij-pol-kak-pokazatele-transformacii-gendernih-rolej-v-sovr.html> (дата обращения: 28.04.2022). - Загл. с экрана. - Яз. рус.

Вздорова Л.П. Дикость, или свобода прав человека // XXVI Международной научно-практической конференции «Инновации в науке» – 2013.

Верещака Е.А. «Преобразование пола» в культуре чукче // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-238-8/ (дата обращения: 27.02.2022). - Загл. с экрана - Яз. рус.

Воронина О.А. Гендерные перспективы философской антропологии // Новый взгляд. Международный научный вестник. [Электронный ресурс]: [сайт] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-perspektivy-filosofskoy-antropologii> (дата обращения: 8.12.2021). - Загл. с экрана. - Яз. рус.

Гусева Н.Р. Индия в зеркале веков – М. : Вече, 2002.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4.

Изрина С.О. Феномен трансгендерности и современная концепция андрогинии: культурно-философский анализ // Вестник Пермского университета. 2021. Вып. 2.

Кобил Р. «Танцующие мальчики» Афганистана // BBC NEWS. 8.09.2010. [Электронный ресурс]: [сайт] - URL: http://www.bbc.co.uk/russian/life/2010/09/100908_afghan_dancing_boys.shtml?print=1 (дата обращения: 18.11.2021). - Загл. с экрана. - Яз. рус.

Лескинен М.В. «Человеческие зоопарки» в России: к постановке проблемы // Новое прошлое. The new past. 2018. № 4.

Платон. Сочинение в четырёх томах. Том 2 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Амуса. - СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.

Романенко А.С. Гендерный аспект в шаманизме чукчей. [Электронный ресурс]: [сайт] - URL: <https://www.indigenous.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=116> (дата обращения: 28.01.2022). - Загл. с экрана. - Яз. рус.

Рыжакова С.И. "Третий пол" (hijra) в индийской культуре: культурно-антропологический взгляд [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: [https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43129351295/S.I.-Ryizhakova-\(Moskva\)--Tretiy-pol-\(hijra\)-v-indiyskoy-kulture](https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43129351295/S.I.-Ryizhakova-(Moskva)--Tretiy-pol-(hijra)-v-indiyskoy-kulture) (дата обращения: 13.03.2022). - Загл. с экрана. - Яз. рус.

Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XXI век, 2002.

Социально-демографический портрет транссексуальных пациентов в России / К.А. Соловьёва // Медицинский совет. 2019. № 6.

Тотман Р. «Третий пол». Катои - ледибой Таиланда - М., 2016.

Яныкина А.Н. Гендер и «гендеризмы» в постклассической культуре // Вестник Казанского государственного университета. 2015. № 1.

Alpern S. Amazons of Black Sparta. The Women Warriors of Dahomey - New York: New York University Press, 1999.

Melville J. Herskovits: Dahomey, an Ancient West African King-dom. New York. 1968. [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.36395/page/n17/mode/2up?view=thheater> (дата обращения: 15.10.2021). - Загл. С экрана. - Яз. Англ.

Mondloch C. «Bacha Bazi: An Afghan Tragedy // Foreign Policy. 28.10.2013. [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: <https://foreignpolicy.com/2013/10/28/bacha-bazi-an-afghan-tragedy/> (дата обращения: 27.10.2021). - Загл. С экрана. - Яз. Англ.

Nordberg J. The Underground Girls of Kabul: In Search of a Hidden Resistance in Afghanistan - New York. : Random House LLC, 2014.

Qadiry T. The Afghan girls who live as boys // BBC Persian, Kabul. 27.03.2012. [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: <https://www.bbc.co.uk/news/magazine-15262680> (дата обращения: 27.10.2021). - Загл. с экрана. - Яз. Англ.

Zumbrun J. The Sacrifices of Albania's «Sworn Virgins» // Washington Post. 11.08.2007. [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: <https://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2007/08/10/AR2007081002158.html> (дата обращения: 11.11.2021). - Загл. С экрана. - Яз. Англ.

Bakshi S. La Théorie Queer et les Hijras de l'Inde // Homosexualités: Révélateur Social. Paris: PURH, 2010. [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: https://www.academia.edu/782148/La_Th%C3%A9orie_Queer_et_les_Hijras_de_l_Inde_Ed_Christophe_Bareille_Homosexualit%C3%A9s_R%C3%A9v%C3%A9lateur_Social_Paris_PURH_2010_71_81 (дата обращения: 10.12.2021). - Загл. С экрана. - Яз. Фр.

Ljubic N. Frauen in Albanien. Das Leben hat sie zu Männern gemacht // Stern. 11.04.2009. [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: <https://www.stern.de/gesellschaft/frauen-in-albanien-das-leben-hat-sie-zu-maennern-gemacht-3561056.html> (дата обращения: 26.01.2022). - Загл. С экрана. - Яз. Нем.

Ковилоски С. Идентитетот кај балканските жени (авторки) во XIX век. [Электронный ресурс] : [сайт] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identitetot-ka-balkanskite-zheni-avtorki-vo-xix-vek> (дата обращения: 15.04.2022). - Загл. С экрана. - Яз. Македонский.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

- АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АО – Археологические открытия
БПЛА – беспилотный летательный аппарат
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМО – горно-металлургическая область
ДонГУ – Донецкий государственный университет
ЗНБ – Зональная научная библиотека
ЗНУ – Запорожский национальный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук Союза советских социалистических республик
ЛРДЭМ ИГ РАН – Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии Института географии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии
МНО – майкопско-новосвободненская общность
НВИК – Нижне-Волжский институт краеведения
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет

СГТПП – Саратовская губернская торгово-промышленная палата

СГТУ – Саратовский государственный технический университет

СКИО – Срубная культурно-историческая общность

СМ – Синташтинский могильник

СОМК – Саратовский областной музей краеведения

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Бочкарёв Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

Горашук Игорь Владимирович – сотрудник ООО НПЦ «Бифас» (Самара).

Ефремова Елизавета Сергеевна – СГУ (Саратов).

Ким Михаил Гансович – научный сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск).

Климушина Александра Игоревна – младший научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

Корневский Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН (Москва).

Кочерженко Ольга Васильевна – независимый исследователь (Саратов).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, руководитель Корпоративного центра компетенций СГТУ (Саратов)

Тиманова Софья Сергеевна – СГУ (Саратов).

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского института (филиала) СГУ (Балашов)

Чурекова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов)

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию Сергея Юрьевича Монахова (Лопатин В.А., Малов Н.М.).....	6

ТЕОРИЯ НАУКИ

Бочкарёв В.С., Климушина А.И. О термине и понятии «Клад» в современной археологической литературе (по европейским материалам эпохи бронзы)	19

СТАТЬИ

Кореневский С.Н. Начало медно-бронзового века в районе Кавказских Минеральных Вод Центрального Предкавказья.....	39

Малов Н.М. Первый Чардымский курган эпохи поздней бронзы с коллективными могилами: раскопки П.С. Рыкова	65

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Обрядовые группы Смеловского могильника и проблема генезиса срубной культуры Нижнего Поволжья	108

Хреков А.А. Население лесостепного Прихопёрья на рубеже I-II тысячелетий (к постановке вопроса).....	127

ПУБЛИКАЦИИ

Лопатин В.А., Чурекова Н.Б. Исследования в Турковском районе Саратовской области	150

Малов Н.М., Тиманова С.С. Курганы эпохи поздней бронзы около села Симоновка на реке Баланда: раскопки 1982 года.....	177

ЗАМЕТКИ

Ким М.Г., Малов Н.М.
Керамический сосуд кубковидной формы срубно-хвалынской стадии
позднего бронзового века из Вольского музея 193

Горащук И.В., Ким М.Г.
Реплики в музее 200

ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ефремова Е.С.
Женщины в мужском обличии: этносоциальный феномен 216

CONTENTS

To the 70th anniversary of S. Ju. Monachov
(*Lopatin V.A., Malov N.M.*)..... 6

THEORY OF SCIENCE

Bochkarev V.S., Klimushina A.I.
On the term and the concept of “hoard” in the current
archeological literature (based on the European materials
on the bronze age)..... 19

ARTICLES

Korenevskiy S.N.
The beginning of the copper-bronze age in the Kavminvod region
of the Central Caucasus..... 39

Malov N.M.
The first late bronze age barrow with collective graves
from Chardym: excavation by P.S. Rykov..... 65

Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.
Ritual groups of the Smelovsky burial ground and the problem
of the genesis of sрубnaya culture in the lower Volga region..... 108

Khrekov A.A.
Population of the fores-steppe Prikhoperye at the boundary
of the I-II millenia (to the problem statement) 127

PUBLIKATIONS

Lopatin V.A., Churekova N.B.
Studies in the Turkovskiy district of the Saratov region 150

Malov N.M., Timanova S.S.
The late bronze age barrows near the village of Simonovka
on the Balanda river: excavation of 1982..... 177

NOTES

Kim M.G., Malov N.M.
Ceramic goblet-shaped vessel of the timber-grave – khvalynsk stage
of the late bronze age from the Volsk museum.....193

Goraschuk I.V., Kim M.G.
Replicas at a museum. 200

ETHNOLOGIE END SOCIAL ANTROPOLOGIE

Efremova E.S.
Women in a man's appearance: an ethno-social phenomenon 216

**КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

Кафедра истории России и археологии Саратовского госуниверситета продолжает издание научного сборника «**Археология Восточно-Европейской степи**». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации

Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории Восточно-Европейских степей.

Правила оформления статей

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 7 иллюстраций. Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

Статья должна включать следующие элементы оформления:

- Индексы **УДК** и **ББК**.
- **Заглавие**. Оформляется на русском и английском языках.

Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу на русском и английском языках.

• К статье должно быть приложено краткое резюме и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках.

• В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

• Печатный экземпляр можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра истории России и археологии.

Требования к оформлению текста на электронном носителе

• Электронные варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.

-
- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.
  - Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; нельзя пробелами либо табуляцией выравнивать данные в столбцах или ячейках.
  - Название статьи (на русском и английском языках) набирается строчными буквами и печатается по центру.
  - Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709 e-mail: srubnik@yandex.ru). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez@yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 18

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *С. Н. Берднов*

Подписано в печать 12.08.2022. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.

Уч.-изд. л. 9,32. Тираж 200 экз. Заказ № 24897.

Издательство «Техно-Декор» 410012, г. Саратов, ул. Московская, 160

Тел.: (8452) 77-08-48   www.sar-print.ru